Молодая гвардия

5 • 1986

ОТ ПОЗНАНИЯ — К СОЗИДАНИЮ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, издательство «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● ПОЭЗИЯ

Николай РЫБАЛКО. **Самые высокие права.** Стихи — 3
Борис КУЛИКОВ. **Размах.** Стихи — 7

● ПРОЗА

Николай ИВАНОВ. **«Алькор» принимает вызов.** Повесть — 14

● ПОЭЗИЯ

Ф. ИСАЕВ. **Смерти неподвластна.** Поэма. Перевел с украинского И. Жеглов — 71
Валентин СОРОКИН. **Обретение.** Стихи — 78

● ПРОЗА

Сергей БЫСТРОВ. **Родной причал.** Короткие рассказы — 87

● ПОЭЗИЯ

Константин ВАНШЕНКИН. **Из книги «Примета».** Стихи — 109

● ПРОЗА

Юрий ПОМЧЕНКО. **Расплата.** Повесть — 114

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» 129

● ПОЭЗИЯ

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. **Окру́га.** Стихи 183

Борис ЛАПУЗИН. **Планета в зареве тревог.** Стихи 189

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Проблемы качества — проблемы человека

Анатолий ПОТЕХИН. **Обратный билет** 194

Никто не забыт, ничто не забыто

Геннадий МАЙОРОВ. **Двенадцать дней и вся жизнь** 203

● ИСКУССТВО

Анатолий ДОРОНИН, Аркадий ЛИСЕНКОВ. **Что проку от «рока».** Об эстетике молодежной музыки 214

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бор. ЛЕОНОВ. **На острие атаки.** Заметки о прозе, посвященной современной армии 231

М. ЧИСЛОВ. **Даль и высь таланта.** К 60-летию со дня рождения Егора Исаева 241

Рубежи творческой зрелости

И. ШЕВЕЛЕВА. **Звездное поле.** О поэзии Ивана Савельева 249

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

С. ВАСЯГИН. **Крепче брони и сильнее огня.** Феликс ЧУЕВ. **Имена героев на поверке.** Н. ФЕДЬ. **Книга о военной прозе.** В. САВКО. **Наши северные соседи.** В. АРТЕМОВ. **На страже морских рубежей** 261

● КРУГ ЧТЕНИЯ 277

Первая страница обложки журнала:
А. Н. Вепхвадзе. «Перспектива. Молодые ученые»

Четвертая страница обложки журнала:
«Ветераны». Фото А. Черных

«Молодая гвардия», 1986, № 5, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15 Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» производится без ограничений с любого месяца года

© «Молодая гвардия», 1986 г.

ПОЭЗИЯ

Николай РЫБАЛКО

САМЫЕ ВЫСОКИЕ ПРАВА

* * *

Я посвятил стихи отцу,
Балладу написал о деде,
Что в бескозырке шел к Победе,
Шел и не кланялся свинцу.
Сложил я оду о жене,
Что, верность сохраняя свято,
По жизни провела солдата,
Почти угасшего в огне.
Всю родословную мою
И песней славя,
и сонетом,
Я славил Родину
при этом,
нас окрылявшую в бою.

ИЮНЬСКИМ УТРОМ

Тихи июньские рассветы,
Хлеба в нетронутой росе.
Не дремлют чуткие секреты
На пограничной полосе.

На взлетном поле,
у орудий
И спят солдаты, и не спят.
Чтоб утром торопились люди
К работе —
не в военкомат.
Чтоб не вдовели наши жены
И в легкой дымке городов
Был слышен гул
не эшелонов,
А пассажирских поездов.
И, словно долю,
дольку хлеба
Не ждать с утра и до утра.
Чтоб над холмом алело небо
От пионерского костра.
...Тихи июньские рассветы, —
А мне все снится тот
рассвет,
Мое простреленное лето
В неполных девятнадцать
лет.
Я видел смерть,
не прятал взгляда
И постигал на той войне,
Что дым Отечества
не сладок,
Когда Отечество в огне.

БАЛЛАДА О НЕВЕСТЕ

Пусть говорят о лебединой верности —
Что ж, разговор, как видно, не пустой,
А я — о сверстнице, своей ровеснице,
А я — о женской верности святой.
В тот год военный —
только восемнадцать ей,
Она была радисткою в полку.
И как хотелось девушке понравиться
Из полковой разведки пареньку!
Он был веселым, смелым был
разведчиком.
И, вечерами слушая его,

Ждала сегодня завтрашнего вечера,
Ждала как будто счастья своего.
Он уходил — в тревоге ждет известия.
Светилась радость —
возвратился в срок...
И видела себя уже невестою,
И рядом он — Василий... Василек...
Гремели залпы ближние и дальние.
Февраль по-фронтовому лютовал.
И он, идя на срочное задание,
Любимую свою поцеловал.
«Я буду ждать, — сомкнулись брови
дугами, —
Ты сам не знаешь, как я буду ждать!»
Прошла неделя с ледяными вьюгами.
И год прошел.
И два.
И целых пять...
И не смириться ей с такой утратою —
В шкафу хранится белый-белый шелк.
И в красной-красной рамке фотография
Того, кто из разведки не пришел.
И кто не досказал слова заветные
В те годы, что по-прежнему близки...
И до сих пор живет она невестою
В краю, где голубеют васильки.

ВОЕННЫЕ МЕДСЕСТРЫ

Красный крест
на крыше медсанбата,
В грозном небе
черные кресты.
С тонкими косичками солдаты —
Синеглазой русской красоты, —
Взрывом опаленные мужчины,
Раненные пулей
сколько раз,
Не скрывая должности и чина,
Мы просили помощи у вас!
Значит, время вам дало,
по сути,
Самые высокие права,

Если мы вам доверяли судьбы
И свои предсмертные слова.
Может быть, поныне болью острой
Те слова приходят к вам в ночи,
Хрупкие военные медсестры —
Строгие гражданские врачи.

* * *

Вставали крутолобые сугробы
По прихоти бунтующей зимы.
На пять часов опаздывал автобус,
На пять часов опаздывали мы.
И вместе все,
и каждый в одиночку
О доме думал,
думал о тепле,
И наших окон вспыхнувшие точки
Мерцали островками на земле.

ПОЭЗИЯ

Борис КУЛИКОВ

РАЗМАХ

* * *

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!

А. Кольцов

Предо мной лежит
даль далекая,
Вкруг меня шумит
ширь широкая,
Подо мной гудит
глыбь глубокая...
Надо мной кружит
высь высокая...
Солнце горячо.
Травка высока.
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Нам пахать, косить,
за себя стоять —
Чести не просить.
Сил не занимать.
Печенеги где? —
Вспомнится едва...
Турки, буйный швед?
Гитлера чума?
И — могил нема...
Только трын-трава...

Крутятся-гудят
наши жернова!
Кто там к нам еще
хочет свысока?
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Нам бы жить, пахать
да детей кохать —
Ни за что ни с кем
век не воевать!

* * *

О легендарное казачество!
В моих станицах, хуторах
Есть казаки со знаком качества,
Казачки — молнии в глазах!
Не деды ль наши штурмовали
Крым, перейдя гнилой Сиваш?
Не внуки ль с песней поднимали
И целину, и «Атоммаш»?
Отцы разбили вражьи орды.
И мы сильны на страх врагам.
Казачество — наш космос гордый,
И море Братское, и БАМ.
Мы за афганских братьев раны
В жару пустынь, в мороз ночей
Так по-казацки бьем душманов,
Как били раньше басмачей!
В пороховницах чуток порох.
Не притупилися клинки.
Ах, скачки в Семикаракорах!..
Перевелися казаки?
Нет, не умрет оно, казачество,
Пока и в песне, и в судьбе
Живут размах, напор, лихачество,
Любовь к земле.
И страсть в борьбе!

ПОСЛАНИЕ ЖЕНЕ

Любимая, роди мне дочь!..
Роди мне дочь, моя гордячка,

Чтобы она была точь-в-точь,
Как ты —
красавица казачка.
У нас растет хороший сын,
Мой по характеру и виду,
Он ближнего
не даст в обиду,
Поборет пятерых один.
В нем кровь и деда, и отца,
Разлет бровей,
прищур казацкий,
Он распознает подлеца,
В какой бы ни предстал тот маске.
Живет в нем пахарь, и боец,
И гордость доблести казачьей.
Расти, сынок, как твой отец,
Веселый, сильный и горячий!
Чтоб мрачно помнили враги:
Незыблемо крепка Россия,
Пока жива в ней эта сила,
Казачий корень не погиб!
Любимая, роди мне дочь, —
Сегодня будто ты в ответе
За то, чтоб не исчезла прочь
Вдруг красота
на этом свете!

* * *

Мне приснился лик любимый,
Золотой, прекрасный лик.
Взор, тревогою томимый,
Больно в душу мне проник.
Что внушить он мне старался?
Что сказать стремился мне?
Я не ведал, я метался
В полудреме, в полусне.
Только помню, взор тревожно
Бередил мои глаза...
И слезинка осторожно
В уголочек
губ
ползла...

СТАРЫЕ ОРЛЫ

Памяти поэта Якова Шведова,
автора знаменитых песен
«Орленок» и «Смуглянка»

Орел смотрит на солнце.
Поговорка-истина

Умирают старые орлы,
Бывшие отважные орлята.
Как они, отчаянно смелы,
К солнцу устремлялися когда-то,
Как они парили высоко,
Степи и тайгу обозревая,
Как глядели дерзко и легко
Прямо в око солнцу, не мигая!
Голос их, веселых, молодых,
Разносился гулко по планете.
Кумачовой песней красный стих
Вел в бои за лучшее на свете.
Нам бы тот же голос, тот же глаз,
Дерзость — пролететь по поднебесью,
Нам бы хоть когда-то в жизни раз
Спеть такую яростную песню,
Чтоб потомки не для похвалы
Заявили с чистыми сердцами:
— Умирают старые орлы,
Песни их пребудут вечно с нами!

АПРЕЛЬ

Апрель —
не верь,
Звенит
капель,
Что будет
день,
Хороший
день,
Пальто
на-
день

И плащ
на-
день,
Надень,
надень,
надень
галоши.
Апрель —
не верь,
Что будет
день,
Что
будет,
будет
День
хо-
ро-
ший...
А я распахиваю
дверь,
А я — в одной сорочке.
А я кричу:
— Давай,
апрель!
Сосульку — хвать.
Сосульку —
дзень!
Неверье —
на кусочки! —
Бегу я к речке
босиком
По мокрому
асфальту,
А солнце в небе
высоко
Хохочет,
вертит
сальто.
И беготня
вокруг меня,
И трескотня,
и болтовня...
О, радость неуемная!

Берёт свои права
трава
Веселая,
зеленая.
Теперь веселию
висеть
Жаворонком,
яблоком...
Полпланеты —
карусель
На весенней
ярмарке!
Ну, грай,
апрель.
Рыдай,
апрель.
И май себя не май,
Реви,
капель,
Рыдай,
капель,
За апрелем —
Май!

ПЕСНЯ

Родина! Милая, милая Родина!
Как же тебя не жалеть, не любить...
Все, что с тобой пережито, родная,
и пройдено,
Нам никогда, никогда, никогда не забыть.
Родина, милая, милая Родина!
Смертью сынов наилучших поправшая смерть.
Чтоб над планетой сияло бы солнце свободы нам.
Чтоб мы могли и любить, и смеяться, и сметь.
Родина! Милая, милая Родина!
Миру защита от вражеских черных ветров.
Вот разыгралась опять на земле непогодина —
Не потому ль горизонт так тревожно багров...
Как ты спокойна, моя терпеливая Родина.
Как ты достойна в своей материнской любви...
А под окошком моим расцветает смородина
И распевают твои соловьи!

РАЗМАХ

Опять — тучи черные пыли
Хотят заслонить небосвод.
Опять нам враги объявили
Жестокий крестовый поход.
А мы под ветрами не шатки,
Не ломки. Ведь — «тьмы нас и тьмы...».
От Балтики — и до Камчатки
Привольно раскинулись мы.
Вселенский размах великана —
Таков на планете один —
От мрачных глубин океана
До космоса горних глубин.
Подавится злобою ворог,
Засохнет с тоски на корню —
Проулки в Семикаракорах
Пошире его авеню!
На нашу священную землю
Заказан агрессору путь —
Мы вражьих угроз не приемлем,
Пожара войны не раздуть!
Не сузить вам ширь наших улиц,
Не снизить вселенский подъем.
Мы так широко размахнулись —
И будем стоять
На своем!

Николай ИВАНОВ

«АЛЬКОР» ПРИНИМАЕТ ВЫЗОВ

Повесть

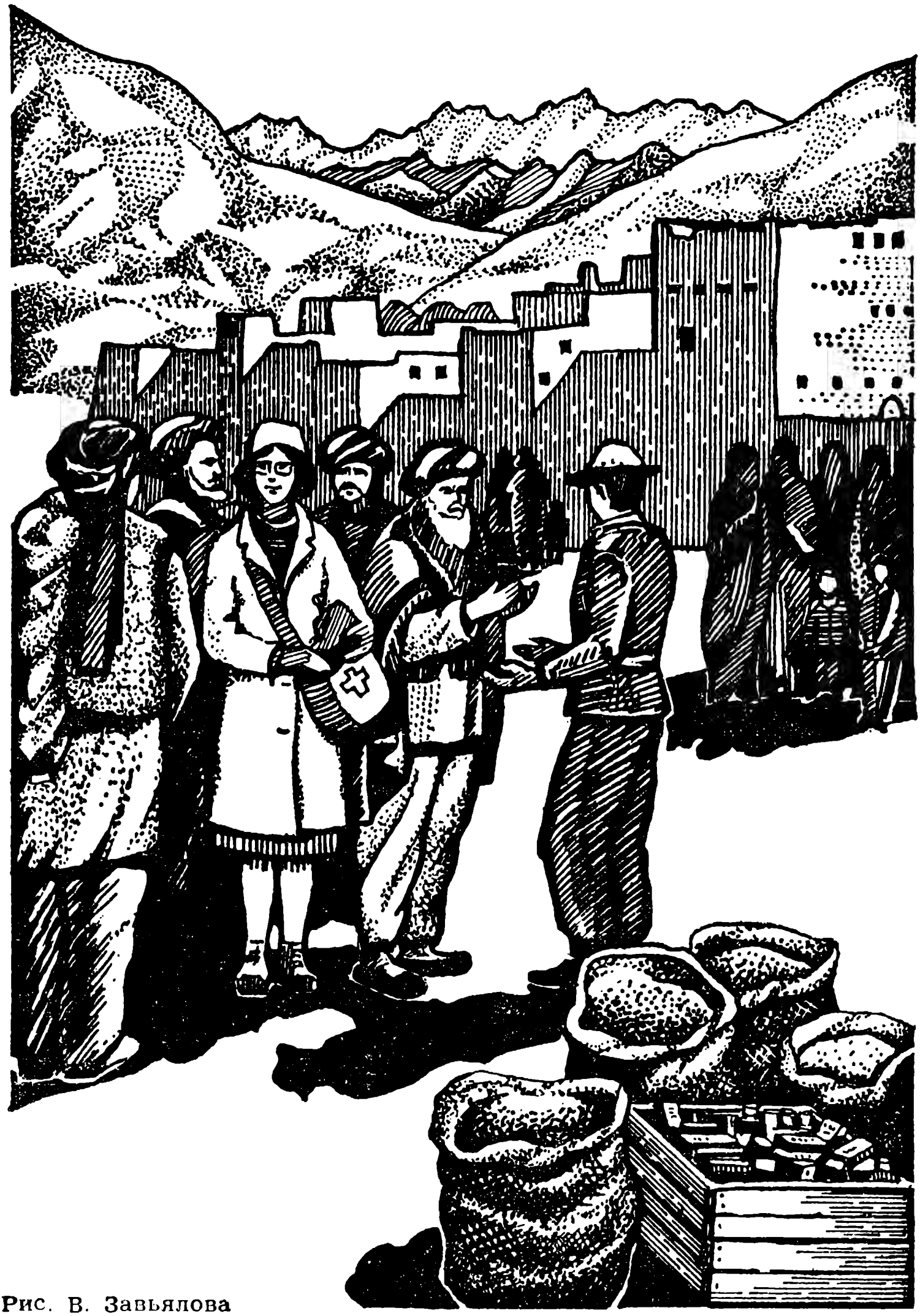


Рис. В. Завьялова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Костер догорал. Темнота подступала все ближе, и тогда пламя, словно боясь остаться в одиночестве, тянулось к сидевшим рядом людям.

— Пересядь ко мне, Сереженька, уйди с подветра, — позвала с другой стороны костра мама.

Сергей Воронов испуганно оглянулся на светящиеся заклепками костыли.

— Но я не могу ходить, я же ранен.

— Опять ты все выдумываешь, Сереженька, — грустно отозвалась мама. — Ты ведь знаешь, что я скоро умру. Посиди со мной, пожалуйста, напоследок.

Сергей знал, что она умрет через несколько дней, но ведь он в самом деле не может ходить.

— Посиди с мамой, сынок, — попросил и отец.

Вдруг Сергей отметил, что ни его лица, ни маминого, ни других он не видит.

— Иди-иди, сынок, — повторил отец, — вот и ракета пошла, иди, пока светло.

Ракета вырвалась откуда-то сбоку, но Сережа удивился не ее появлению, а тому, что отец, прошедший всю войну, забыл: по освещенной местности двигаться нельзя, могут заметить, открыть огонь. Почему отец не помнит этого?

Ракета еще пыталась удержаться в зените, но уже соскальзывали с нее капли искр, и она, уменьшаясь, затухала. Тени, рожденные ею, тут же сливались с темнотой.

— Значит, я тебя так больше и не увижу, — еле слышно произнесла мама, и тогда Сережа, упершись руками в землю, стал на колени.

До костылей было не дотянуться, ползти постеснялся, и тогда, оберегая раздробленную стопу, он встал. Его шат-

---

Николай ИВАНОВ, молодой прозаик, участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей, родился в 1956 году на Брянщине. Закончил Московское суворовское военное училище, факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Служил в редакциях газет Воздушно-десантных войск, в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

За повесть «Гроза над Гиндукушем» был удостоен премии на Всесоюзном литературном конкурсе имени Николая Островского,

нуло. Неожиданная боль легче, чем та, которую ждешь, и он, заранее скривившись, оперся на раненую ногу. Боль пронзила все тело, и Сергей поспешил сделать шаг.

Земля и звезды в небе качнулись, словно попробовали поменяться местами. Из раны будто пронесся, заглушая старую, медленную боль, сноп огня. Сергей закрыл глаза, но огонь, ударив в голову, рассыпался, ослепил в темноте, распахнул ему глаза и рот, вырвался наружу.

— Мне очень больно, мама. Честное слово. Я не могу.

И тогда он увидел, как медленно опускаются прямо в огонь протянутые к нему из темноты руки.

— Значит, не увидимся, — скорее почувствовал, чем услышал он.

«Не увидимся, не увидимся», — радостно заметалось пламя.

— Мама! — крикнул Сергей и сделал второй шаг.

Вокруг все загрохотало, земля на этот раз перевернулась легко и уже сверху вместе с костром упала на небо...

— Сережа, Сережа! — услышал Воронов прямо над собой чей-то другой, не мамин голос. Потом из этого шепота вдруг родился тонкий непрерывный свист, он начал нарастать, заполнять пространство и сознание.

Еще окончательно не придя в себя ото сна, он тем не менее понял, что это мина и что теперь не успеет ни убежать от нее, ни даже откатиться в сторону. А в сознании лишь промелькнуло, что разбудила Рита, и он закрыл глаза. На лицо ему упали мягкие волосы, и, прежде чем Сергей что-то предпринял, медсестра обхватила его руками, прижалась, закрыла собой.

Мина упала недалеко. Взрыв, словно боясь полностью раскрыться на морозе, получился сухой и короткий.

У входа в палатку зашуршали, хлопнул полог.

— Старшина, ты? — отстраняясь от щекочущих волос Риты, спросил Воронов.

— Кончай ночевать, старшой, — отозвался Старчук, пробираясь в темноте к носилкам Воронова. — Командир через пять минут собирает всех. Идти сможешь?

— Что за стрельба? — перебил Воронов.

— «Духи» * нащупывают.

---

* «Духи» — душманы (разг.).

Старчук, спотыкаясь о сваленные в палатке вещмешки, термосы, прошел к старшему лейтенанту. Рита, освобождая ему место, словно нечаянно провела рукой по груди Сергея и отодвинулась.

С гор опять послышался свист, и Старчук, повторяя движение медсестры, склонился над Вороновым. От старшины пахнуло дымом, потом и куревом.

— Так идем к командиру или насморк окончательно свалил боевого офицера? Риточка, где ты? Я понимаю, с тобой быть лучше, чем получать указания командира, но...

— Старчук, вы на каждом углу твердите о давней дружбе со старшим лейтенантом, а язвите так, будто он вам вовсе и не друг.

— Да, Риточка, мы уже семь лет знакомы, почти половина твоей жизни. Семь лет, да, старший лейтенант?

Воронов ничего не ответил, и Рита, обидевшись за него, напомнила:

— Передайте еще раз майору Уляшеву, что у Воронова температура, и я, как медсестра...

— Не надо, Рита, я пойду. Разве это болезнь для десантника — температура? Скажешь кому в Союзе, не поверят, да, старшина? — прервал ее Воронов.

Он хотел сгладить обстановку, однако и сам почувствовал, что невольно заискивает перед прапорщиком. Тогда он решительно отбросил одеяло, встал с носилок, приспособленных для ночлега, тщательно заправился. Где-то рядом были Старчук и Рита, он слышал их дыхание, но, как ни всматривался в темноту, ничего не увидел. Голова болела, но уже меньше, чем перед сном, и Воронов, выставив руки, сделал шаг вперед. Однако под ногой оказался чей-то рюкзак, Сергей зацепился, ударился плечом в центральный стояк палатки. Она зашаталась, и Рита подхватилась со своего места:

— Я провожу.

Но Старчук, не давая Воронову ответить, снисходительно проговорил:

— Мы дойдем и сами.

Он отбросил полог палатки, первым вышагнул из нее. Рита некоторое время прислушивалась к их удаляющимся шагам, потом бросилась к рюкзаку, о который споткнулся Воронов, отбросила его в угол. Почему Сергей боится Старчука? Почему он безропотно подчинился прапорщику? Неужели она ни капельки не нравится ему?

Неужели он ничего не чувствует? Да она готова радоваться этому обстрелу, лишь бы можно было, пусть всего лишь как медсестре, сесть рядом, наклониться...

Рита села на носилки Сергея, погладила бушлат, которым он укрывался, потом уткнулась в него лицом и беззвучно заплакала.

* * *

...Назначение в агитационно-пропагандистский отряд Сергей Воронов получил после возвращения из госпиталя.

— Может, оно и правильно, — пожал плечами ротный, когда Сергей пришел за вещами. — Ты знаешь, я ведь практик. И, честно говоря, мне не нужен замполит, который из-за раненой ноги вдруг может отстать в горах. Это не нужно и тебе самому. Поработай в АПО *, они все же не так часто ходят. Стой, ты что, обиделся?

— Есть немного, — не стал ловчить Сергей. Отвернулся: — Я в госпитале только и думал, как вернусь в роту...

— Брось, Сергей, мы с тобой не на Невском в воскресный день. Здесь добренькими быть труднее. Солдаты уже рисковали собой, когда вытаскивали тебя из-под огня два месяца назад. Давай не будем давать им возможность еще раз проявлять геройство, если ты вдруг под обстрелом окажешься менее расторопным, чем надо. Я думаю, что в штабе решали твой вопрос именно так. А сейчас иди к солдатам, они рады тебя видеть и ждут.

Вот так и перекочевал Сергей Воронов из замполитов в агитаторы. И первый же сюрприз в АПО — встреча со Старчуком.

— Воронов? — Тот удивленно приподнялся со снарядного ящика, на землю с колен посыпались детали полуразобранного автомата. Прапорщик вытер ветошью руки, однако не поздоровался. — Ого, уже и старшим лейтенантом ходишь. И самое интересное будет, если тебя назначили моим начальником. Впрочем, иначе быть не может, не интересоваться же моим здоровьем ты пришел. А?

Сергей тоже не верил своим глазам. Витька Старчук? Здесь, в Афганистане? Прапорщиком?

— Давай, пока не представились официально, выясним отношения, раз уж судьба вновь свела нас. — Собрав с земли упавшие детали, Старчук вновь принялся за их

---

* АПО — агитационно-пропагандистский отряд. Создается для работы с местным населением.

чистку. — Вспомним, как я был отчислен из училища. Мне позарез надо было в город. Увольнительную не дали. Но я все-таки ушел. А это видел только ты. Конечно, мог бы и промолчать...

— Но ведь из-за тебя наказали старшину роты. Однако об этом потом. Мне через две минуты к командиру.

— Ну а ты и в самом деле к нам?

— К вам.

— Командир здесь. — Старчук указал на врытую в землю палатку.

Майор Уляшев, опершись кулаками о стол, стоял над новенькой, бугрившейся свежими склейками картой. Один край ее свесился на пол, и его осторожно трогал лапой черный котенок. Посреди палатки негромко гудела «буржуйка», через приоткрытую дверцу бросая на скуластое лицо майора красные отблески. Увидев вошедших, он блаженно, не стесняясь подчиненных, потянулся, и Воронов отметил, что его новый командир от силы ну на пять-шесть лет всего старше.

Сергей доложил о своем прибытии, и майор указал ему на место у карты.

— Через неделю выходим сюда. — Он ткнул карандашом на зеленую полоску среди липнущих друг к другу коричневых линий. Воронов, глядя на топографические знаки, постарался представить это ущелье: нависшие горы над сбегающими к реке кишлаками, крохотные наделы земли, редкие деревца, узкие дороги...

Котенок дернул карту, и Сергей взял его на руки, погладил игриво выгнутые спину и хвост.

— Это ущелье выбрано случайно или есть какой-то определенный замысел? — спросил он.

— Выбрано с самым величайшим смыслом, — отозвался майор и оценивающе оглядел Воронова.

Старшего лейтенанта хвалили ему кадровики на все лады, всячески старались подчеркнуть, что это будет отличный заместитель. Вначале Уляшева это радовало, но затем стало раздражать. Конечно, два ордена, ранение о чем-то говорят, но мало ли кто какие имеет заслуги в прошлом! Пусть сначала покажет себя в новой должности, пусть почет и уважение добудет здесь. Хотя, конечно, для зама это несложно: ругают обычно одного командира, хвалят уже двоих.

Эта мысль потом приходила всякий раз, когда разговор касался приезда Воронова. И хотя старший лейтенант по-

ка понравился Уляшеву своей тактической хваткой, майор решил все же при удобном случае подчеркнуть, что в первую очередь Воронова взяли за его литературные способности и дело его — составлять листовки, тексты выступлений, подбирать книги, плакаты, кино- и фотодокументы.

— Смысл такой, — повторил Уляшев, чувствуя, что пауза затягивается, а старший лейтенант взгляда не отводит. — В этом ущелье душманы разрешили работать школам. Представляешь? Я — нет. Здесь что-то не так, уж поверь моему опыту. Наверняка тут идет какая-то очень тонкая игра. Не могут они сегодня отрубать школьникам руки, а завтра платить родителям деньги за учебу детей. С этими школами что-то не то, что-то не так... Жаль, конечно, что у тебя нет опыта нашей работы, но, думаю, при желании многое поймешь. — Уляшев все же «напомнил» Воронову его место и роль в отряде. Однако это получилось слишком прямолинейно, в лоб. Воронов все понял, прихватил зубами верхнюю губу, и майор поспешил наклониться к карте. — Смотри, с другой стороны ущелья будет идти агитационный отряд афганцев. На третий день мы соединяемся и действуем вместе. Важность выхода еще и в том, что это первый агитрейс у афганских товарищей. У них совершенно нет опыта такой работы, и поэтому мы должны не только всячески помогать, но и беречь их. Это просьба Главного политуправления афганских Народных вооруженных сил и, соответственно, уже приказ нашего командования. Сам погибай, а товарища...

— Сопровождение? — коротко спросил Воронов, и Уляшев еще раз оценил командирскую хватку и выдержку зама.

— Когда говорят агитаторы, пушки молчат. — Майор приподнял карту над столом, затем опустил ее, и она сама привычно сложилась по сгибам в квадратик. — Идем без ничего. Нас зовут БАПО — боевой агитпропотряд. Но это потому, что за нами охотятся «духи», в нас стреляют, нам ставят мины. А по сути мы агитаторы. Мы раздаем людям хлеб, рис, сахар, спички — и это нельзя делать под стволами орудий. Мы рассказываем о Советском Союзе и не должны прикрываться мощью брони. В этом сила нашего отряда. И уязвимость. Но иначе нельзя. Не получится. И я хочу, чтобы, глядя на нас, это с первого рейса поняли и афганские товарищи. Впрочем, начи-

ная с девяти часов утра третьего дня в каждый нечетный час над ущельем будут пролетать наши вертолеты. Сигнал о помощи — ракета оранжевого дыма. Но, думаю, до этого не дойдет. По сведениям разведки, банды ушли из ущелья три дня назад в Панджерскую долину, там у них какое-то сборище. Нас поведет проводник Карим, рекомендованный партийными активистами уезда. Как нога?

— Терпимо.

— Если тебя перевели к нам как на более легкое место службы — это зря, здесь не легче. Поэтому надеюсь, что в штабе учли нашу просьбу и подыскали для нас человека с литературными способностями.

Майор, не глядя на Воронова, вытащил из сумки листовку с подстрочным переводом, положил ее на стол.

— Попробуй для начала изложить это так, чтоб нормально читалось. Здесь о главарях банд, куда мы идем. А я — в штаб.

Котенок соскочил с рук Воронова, побежал было за хозяином, но потом лениво потянулся, вспрыгнул на стоящую в углу кровать, потолкался в одеяле, устраивая себе местечко. Сергей склонился над картой. Столик был низкий, и через несколько минут он сам, подобно Уляшеву, потянулся, разминаясь. И вдруг застыл с поднятыми руками: у порога стояла девушка с синим термосом в руках и с улыбкой смотрела на него.

— Здравствуйте. Вы Сергей Воронов? — спросила девушка, проходя в палатку.

— Да-а.

— А я Рита, медсестра. В отряде еще есть Анна Николаевна, врач-терапевт. Хотите чаю? — Она начала открывать термос.

— Нет-нет, — отказался Воронов, еще окончательно не пришедший в себя. — Нет.

— А я бы не отказался, — послышался голос Старчука. Он вошел вслед за Ритой и, улыбаясь, глядел на Воронова. — Привыкай к женскому общению, товарищ старший лейтенант.

— Старчук!

— А я что, я ничего, Риточка. Просто объясняю своему давнему другу, что здесь вести себя надо культурней. Женщина в такой обстановке — это порядок в помещениях и беспорядок в сердцах героев. Да... Ну а меня чаем напоишь?

— Ты же знаешь, что нет. — Рита отвернулась, поставила термос на прежнее место.

— Тогда придется мне, прапорщику, забрать старшего лейтенанта для выдачи ему оружия. Прошу. — Старчук, улыбаясь, посмотрел на Сергея и поднял полог.

Воронов, не глядя на девушку, вынырнул из духоты палатки.

— И она что, ходит в рейсы? — кивнул он через плечо. — Да что, у нас в стране мужики перевелись? Зачем девушек сюда?

— Спроси командира, он их затребовал, — отозвался Старчук.

В голосе прапорщика впервые послышалась озабоченность, и Воронов с удивлением посмотрел на Виктора. Однако тот уже картинно вытянулся, приложил ладонь к выгоревшей панаме.

* * *

— Пришли, — прервал воспоминания Воронова старшина.

Сергей нырнул в командирскую палатку. Уляшев, выкрутив из фонаря отражатель, подсвечивал лампочкой карту. Рядом сидели переводчики — лейтенанты Торопов и Шевлюга.

— Товарищ майор, старший лейтенант Воронов и прапорщик Старчук по вашему приказанию прибыли.

— Присаживайтесь, — устало кивнул Уляшев, выключив фонарик. — Итак, все в сборе. Обстановка такова: исчез проводник.

— Что? — не сдержавшись, переспросил Старчук.

Воронов вспомнил высокого бородатого афганца, рекомендованного в провинциальном комитете партии в проводники. «Последний, — развел тогда руками секретарь, — лучшие ушли на операцию. Но район знает хорошо».

— Я думаю, что это предательство, — продолжил Уляшев. — Подтверждением может служить этот неожиданный обстрел. Но это еще не все. Исчезла полевая сумка лейтенанта Шевлюги, в которой находились списки партийных активистов и всех сочувствующих революции в этом уезде. Вы знаете, товарищ Шевлюга, что будет с этими людьми, если сумку унес провокатор?

— Да, — тихо ответил переводчик. — И я хочу, чтобы...

— Исходя из этого, — перебил лейтенанта командир, — предлагаю уйти от подножия гор в центр долины. И чтоб ни звука, ни огонька: пусть «духи» думают, что мы на старом месте. Поэтому машины не заводить, будем толкать их сами. Возражения?

Решительностью и практичностью командир АПО напомнил сейчас Воронову бывшего ротного. А поломать голову было над чем. Прошло два дня рейса, сегодня утром отряд втянулся в ущелье. Связь с лагерем пропала, даже радиоволны не могли вырваться из этого каменного мешка, и Воронов, глядя на нависающие над дорогой скалы, вспомнил свое ранение: приблизительно в таком же месте их рота напоролась на засаду.

К вечеру подошли к первому кишлаку. На коротком совещании решили ночь провести в горах, а работу начать с утра. Поставили палатки. Воронов, почувствовав недомогание, попросил у Риты таблеток, прилег — и как провалился. А тут такие дела закрутились...

Но в бессмысленном на первый взгляд предложении Уляшева виделась ему логика: душманы ведь ищут отряд ближе к горам — и правы. Боязнь оторваться от них, уйти из-под защиты скал и привели скорее всего к тому, что мины рвутся чуть ли не в лагере. Надо уходить туда, где еще опаснее, — в открытую долину!

Сергей кашлянул.

— Слушаем, Воронов, — сказал Уляшев.

— У меня добавление, — ответил Сергей. — Если идти и дальше на неожиданности, то нам необходимо двигаться поодиночке. Этим мы уменьшим вероятность потерь даже от случайного попадания мины.

— Опасно, — отозвался Торопов.

Он хотел еще что-то добавить, но знакомый свист с вершин заставил всех замолчать, напрячься. Две мины, одна за другой, разорвались недалеко от лагеря.

— Скорее всего это какой-нибудь душманский пост, стреляют из одного миномета, — задумчиво сказал Уляшев. — Значит, следили, ждали ночи. — И он распорядился: — Уходим в долину. Направление — на пятую по величине звезду Большой Медведицы. Это звезда Алькор, ставшая с легкой руки Риты позывным нашего отряда. Останавливаемся полтора-два километра левее кишлака. Торопов, обстановку по нему.

— Двадцать один двор, тридцать семей. Грамотный

один, мулла. Народной власти, отряда самообороны, партийцев нет. Предположительно два «кровника» *.

— Дело ясное, что дело темное. Итак: первым двигается Воронов, потом через пятнадцать минут Торопов со своей звуковещательной станцией, последним я. Начало движения через десять минут. Воронов, задержись, остальные свободны.

Мимо Сергея прошли люди. Хлопнув по плечу, вышел из палатки и Старчук.

— Как голова? Температура есть? — вдруг спросил Уляшев, и Воронов от неожиданности замер: не наблюдалось раньше за командиром такого внимания.

— Так себе, — односложно отозвался Сергей. — А сейчас, по-моему, совсем нет. В Союзе будем болеть.

— Я вот думаю, почему ты не сказал о своей болезни перед рейсом. Анна Николаевна сказала, что ты брал таблетки от температуры еще в лагере. Ты же офицер и должен был знать, что станешь обузой.

Сергей встал. Шапка коснулась палатки, и он шагнул к командиру. Вытянулся, словно был на плацу. Первым желанием было ответить, что это именно он, майор Уляшев, своими репликами заставил его доказывать, что и в парашютно-десантных ротах ордена дают не только за храбрость, но и за ум. А если надо, то рапорт будет написан сразу же по возвращении...

Обида была настолько горькой, что Сергей побоялся сорваться на крик. Несколько раз глубоко вдохнув, медленно, подбирая слова, произнес:

— Товарищ майор, я думаю, что сейчас не время поминать старое. — Не удержавшись, пояснил: — Тем более что мы оба отчетливо разбираемся и в интонациях, и в расставляемых акцентах. Разрешите идти?

— Иди... — удивленно протянул Уляшев.

Воронов нащупал полог, вышел из палатки. Поднял голову. Звезды были еле видны, но он все же отыскал прилегшую на темный хребет горы Большую Медведицу.

— Холодает, — тихо сказал рядом Старчук.

— Не май месяц, — машинально отозвался Воронов старой училищной поговоркой.

«А что это я постоянно чувствую себя перед ним виноватым? — вдруг прорвалась у него затронутая еще Уля-

---

* «Кровники» — люди, поклявшиеся отомстить душманам за гибель близких. Кровная месть.

шевым обида. — Командира не боюсь, даже стараюсь как-то понять его. А перед Виктором заискиваю».

— Старшина, — окликнул Сергей Старчука, лишь они отошли от командирской палатки. Тот по инерции сделал еще несколько шагов, но потом до него дошло: Воронов называет его по должности! — Старшина, давай еще раз начистоту. Я считал и тогда, и тем более считаю теперь — в твоем отчислении из училища виноват только ты сам. Волей случая я стал свидетелем, как ты ушел в самоволку. Я не покривил душой, когда начальник училища вызвал меня на беседу, спросил об этом. Не сужу о тебе нынешнем — колодочка Красной Звезды говорит о многом. О многом говорит и то, что ты закончил школу прапорщиков и тебе доверили служить в Афганистане. Все. Пошли.

Однако прапорщик не тронулся с места, и Воронов остановился. Впереди послышались осторожные, легкие шаги Риты, и Старчук вдруг заторопился, сказал:

— Да, я тогда не подумал, что так все закрутится и дело дойдет до отчисления. А я люблю армию, понимаешь, люблю. Всю жизнь мечтал стать офицером, а тут ты со своим благородством...

Подошла запыхавшаяся Рита, тревожно оглядела спорящих. Спохватившись, набросила Сергею на плечи бушлат.

— Что сказал командир? — спросила она, ожидая, кто ответит. Неужели опять Старчук?

— Уходим в долину, — ответил Воронов. — Мы первые, за нами Торопов, потом командир. Ты с Анной Николаевной?

— Нет, с вами, — как о давно решенном ответила Рита.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бронетранспортер, легко вминаясь колесами в каждую выемку и так же легко упираясь в каждый камешек, медленно двигался в долину.

Старший лейтенант толкал БТР правым боком, чтобы хоть как-то меньше давить на раненую ногу. Рядом, за спиной, тяжело дышала Рита, где-то впереди чертыхался Старчук. Солдаты облепили машину с боков.

— Гордись, ефрейтор, — шептал прапорщик водителю

Семену Козыро, когда тот выныривал из темноты бронетранспортера в полукруг бледно-звездного неба, высматривая дорогу. — Когда тебя еще начальство покатает? Хотя для такого дела мог бы и похудеть килограммов на пять, а?

Ефрейтор сконфуженно спускался в люк, но вскоре его голова снова высовывалась: темнота скрывала все, что было за корпусом машины, и даже ефрейтор Хайдар Нажмутдинов, идущий в дозоре, был не виден и не слышен.

— Стой, две минуты перекур, — отстранился от брони Воронов. Вытер шапкой лицо, отстегнул с ремня флягу. Чай замерз, и он мизинцем продавил лед в горлышке. Отхлебнул несколько коротких глотков чая, пережидая пробежавшую по телу дрожь, тщательно разжевал льдинки. Протянул флягу подошедшему Старчуку.

— Деликатес, — отозвался тот. — Вот бы по одной такой фляжке сейчас каждому.

— Ты о чем, Старчук? — отозвался Воронов, и Рита, которая только что была согласна с прапорщиком, чуть было не захлопала в ладоши: вовсе не боится Сергей старшину, все это она выдумала. — Рита, ты пить будешь?

Рите не хотелось, но она все равно протянула руку, сделала несколько глотков горького от чрезмерной заварки чая. Вспомнив ее тяжелое дыхание, Воронов протянул ей свой автомат:

— Будешь прикрывать нас сзади.

Девушка мгновение раздумывала, потом туго перевела флажок предохранителя на первую защелку автоматического огня. Отошла назад.

Показалось, что после передышки бронетранспортер катить стало легче. А может, и в самом деле уклон стал круче, и Сергей даже подумал, как бы Рита не отстала.

— Смотри, в кишлак не завези, — предупредил водителя Старчук. — Уже где-то недалеко.

И вдруг впереди сразу неистово, захлебываясь, залаяли собаки, ударили винтовочные выстрелы.

Воронов бросил правую руку вниз, к оружию, и тут же покрылся ознобом: автомат у Риты, пистолет оставлен в машине. Старший лейтенант сжался, готовый в любой миг к удару, сопротивлению, прыжку. Руки нащупали на машине лом, он вырвал его из пазов, взял наперевес. В кишлаке вновь открыли огонь, и Воронов нетерпеливо крикнул:

— Рита, автомат!

Позади, откуда они только что отъехали, разорвались три мины, подняв новый шум в кишлаке.

— Рита!

Издалека послышался ее голос:

— Я здесь, сейчас!

Прогремели еще два взрыва. Осколки со злостью впивались в гранит, расписываясь на нем коротким огненным росчерком.

— Рита! — уже тревожно окликнул Воронов.

Медсестра с разбегу уткнулась ему в грудь.

— Не волнуйся... все хорошо. Успели уйти, слава богу... На, возьми автомат и больше не гони меня от себя. Ладно?

Она замолчала, потом еле слышно повторила у самого лица Сергея:

— Не гони.

Сергей, почувствовав привычный рельеф оружия, его уверенную тяжесть, немного успокоился. Смолкли и выстрелы. А Рита по-прежнему стояла, уткнувшись ему в грудь. И, чувствуя ее близость, зная, что ей будет приятно, Сергей провел ладонью по ее щеке.

— Спасибо тебе, — тихо сказал он. — За чуткость спасибо. Наверное, этот миг для меня был самым страшным в Афганистане — один, в темноте, без оружия.

Сергей отстранил девушку, посмотрел в ее широко распахнутые глаза.

— А еще я боялся за тебя.

Рита дотронулась пальцами до губ Сергея, хотела что-то сказать, но послышались шаги десантников, и она отступила на шаг.

— Стреляли в кишлаке, человек восемь, — сказал Старчук, и Воронов тут же повернулся к нему: наверное, старшина единственный в этой неразберихе выделил главное. — Наших там нет, афганцев тоже. Значит, банда? Но откуда? У меня такое впечатление, будто втягиваемся в петлю или мешок...

— Замолчи! — шепотом оборвал прапорщика Воронов, прислушиваясь, нет ли поблизости солдат. — Без паники.

Он представил, как переполошились Торопов и Уляшев, идущие следом за ними. Но ведь стреляли не в сторону отряда, шум поднялся в кишлаке. Из-за чего? И неужели в самом деле в ущелье осталась банда?

Как бы там ни было, надо было продолжать движение.

Сергей первым уперся спиной в машину. Автомат, соскользнув с плеча, ударил по ноге около раны, и он не успел сдержать стона. На плечо ему тут же легла рука Риты, но на этот раз вместо благодарности Сергей молча снял ее: в армии превыше всего должна быть забота командира о подчиненных, а не наоборот. Расслабившийся, безвольный командир — это распад взвода, роты на бойцов-одиночек, которые смогут многое, но не все. Держать себя в руках, держать так, будто ты просматриваешь темноту и обстановку насквозь. А Рита... Рита хорошая, чудесная девушка. И возраст у нее такой — только и влюбляться с первого взгляда. Встретились бы они в Союзе, может, все было бы у них по-другому. А так... так Афганистан, пули над головой, мины под ногами. Рите нужно было твердое плечо, в какой-то миг она оперлась о Сергея, и вот уже ей кажется, что влюблена...

Рита почувствовала перемену в Сергее, замерла, сделалась неслышной. А Воронов еще раз вслушался в ночь. В кишлаке успокаивались собаки, и лишь одна, видимо раненая, скулила жалобно и тонко.

Вновь начали движение.

— И-и, р-раз! И-и, р-раз! — шептал старший лейтенант, вдавливая себя в броню.

— На помощь, сюда! — вдруг крикнул впереди Назмутдинов.

Козыро резко затормозил разогнавшийся было бронетранспортер. Старчук рванулся на крик. Боясь пропустить хоть один звук, Воронов сжался, замер.

Послышались торопливые, без предосторожностей, шаги Старчука.

— Там раненый афганец, — доложил он. — Что-то говорит. Рита, там раненый, — повторил он медсестре.

Втроем поспешили вперед. Вскоре послышались стоны, и Рита побежала бегом.

— Потерпи, потерпи еще немножко, — зашептала она над кем-то. — Ой, и на груди тоже кровь! Господи, он же весь израненный. Хайдар, он душман или нет? — спросила Рита у Назмутдинова, понимающего на пушту *.

— «Кровник», — ответил переводчик, вылавливая паузы в стонах и задавая раненому короткие вопросы.

Воронов уловил знакомые слова: «даста» — отряд, «ур» — огонь, «шурави» — советские.

---

* Пушту и дари — основные языки в Афганистане.

— Что он говорит? — поторопил он Хайдара, выстраивая эти тревожные для одного ряда слова и желая быстрее понять происходящее.

Однако Назмутдинов, стремясь получить от умирающего как можно больше сведений, не ответил. Даже Рита отстранилась, уступая Хайдару место, и тот чуть ли не лег на раненого, стараясь уловить переходящие в стоны слова.

— Кажется, так, — поднялся переводчик, когда афганец умолк. — В кишлак неожиданно вернулась банда Махмуд Шаха, который убил его братьев. Банда сейчас выходит куда-то с минометами, ей нужно огнем закрыть путь какому-то отряду. Это он подслушал, потом его заметили, начали стрелять.

— Банда уже вышла? — поторопил Воронов.

Переводчик, видимо, вначале пожал плечами, а потом уже ответил:

— Не успел сказать.

— Ситуация, — протянул в наступившей тишине Старчук.

«Банда... — лихорадочно соображал Воронов. — Куда она выходит? Навстречу нам? Нет, они не знают, что мы движемся, значит, и из миномета стреляют, чтобы сковать наши действия? Ради чего? Так, он сказал про отряд. Может, они выходят навстречу афганскому агитотряду? Хотят задержать его, чтобы расчленить нас?»

— Надо задержать банду, — высказал он первое, о чем подумалось.

Афганистан от каждого, ступившего на эту землю, требует действий. Отложить решение на завтра, подготовить наболевшие вопросы к ближайшему совещанию, перепоручить кому-то дело — здесь так служить нельзя. На этой земле, у треснувших от ветра и жары скал, перепроверяются и оценки в дипломе, и крепость армейской косточки. Те, кто по призванию носит офицерские погоны, по приезде в Афганистан примут людей, технику, вооружение и будут продолжать службу. Щеголи-красавчики после первого выхода в горы собственноручно оторвут набивные каблуки и вытащат жесткие вставки из погон — но эти тоже останутся. Ордена дают под пулями, а в горах для всех командиров склоны так же круты, как и для солдата. Да, в Союз из этой неустроенности выехать можно, но только ляжет четко и полновесно в

предписании фраза: «Предъявитель сего доверия партии и народа не оправдал...»

Сейчас и для Воронова складывалась ситуация, когда нужно было незамедлительно принимать решение.

— Козыро, — неожиданно громко для всех позвал он водителя. Старчук напоминающе схватил его за локоть, но Воронов голоса не снизил. — Козыро, заводи.

— Ты что? — обомлел Старчук. — Ты что, хочешь весь отряд под минометы? Не помнишь приказа? Козыро, не заводить!

— Всем на броню! — словно не слыша шепота прапорщика, громко приказал Воронов. Услышав голоса, в кишлаке снова залаяли собаки. У БТР замерли, ожидая выстрелов. — Козыро! — вновь громко позвал старший лейтенант. — Отдаю приказ: на полном ходу, с включенными фарами объезжаем кишлак слева и останавливаемся с противоположной стороны. Вам все ясно?

— Так точно! — неуверенно ответил водитель.

— Рита, что с раненым?

— Кажется, умер.

Все, кроме Воронова, продолжали говорить шепотом, словно еще надеясь спрятаться, раствориться в ночи и в долине.

— Ты обнаруживаешь не только себя, но и весь отряд, — прошептал Старчук. — А у них минометы, наверняка пулеметы. От нас уже к рассвету останется мокрое место.

Поняв, что старший лейтенант не изменит приказа, прапорщик тоже громко, чтобы слышали все, сказал:

— Считаю, что должен вначале доложить командиру об этом решении. Вы, товарищ старший лейтенант, первый раз с нами в рейсе, и я имел указание от майора Уляшева помогать вам и подсказывать. Советую вам доложить командиру.

— Времени же нет! — стукнул по броне Воронов, представив, как будет по рации докладывать Уляшеву свои предположения.

— И все же доложите, — продолжал настаивать Старчук, уловив сомнение в голосе старшего лейтенанта. — Что будет, если ваше решение под бред раненого — мыльный пузырь? Он лопнет, а что будет с людьми?

— Вы должны, товарищ Старчук, выполнить последний приказ! Я полтора года с бандами нос к носу, — медленно заговорил Воронов. — Да, вы в отряде лучше меня

должны знать традиции и обычаи народов Афганистана. Я же узнал тактику ее врагов. Вот так, на засады они и выходят в четыре-пять часов утра. Рассказать, как они будут расстреливать афганский агитотряд?

— Не надо давить на слезы, Воронов. Я не хочу, чтобы тебе звезда на плечи, звезда на грудь, а остальным холмик земли.

— Мы долго говорим, товарищ прапорщик, — чувствуя, что солдаты вслушиваются в их спор, снизил голос Воронов. — Впрочем, я отдаю и вам личный приказ: выйти к Уляшеву и доложить обстановку. Запомните ради вашей совести: не вы остаетесь, а я вам приказываю остаться. Доложите так: я буду с той стороны кишлака до рассвета. Тогда банда не выйдет из долины. Боеприпасы есть, бой буду принимать при явном нападении. Козыро, заводи!

Двигатель бронетранспортера, словно еще тоже сомневаясь в решении командира, плавно, с малых оборотов завелся.

— Ты просто стал трусом, Старчук, — вдруг прокричала сверху Рита. — Ты просто боишься. Боишься за свои тридцать дней, оставшиеся до замены.

— Умолкни! — крикнул прапорщик.

Сергей, не теряя больше времени, привычно нащупал на броне скобы, вспрыгнул на БТР.

— Вперед! — крикнул он, опустив ноги в люк.

Старчук выбежал из облака подхватившейся пыли.

— Ну, этого я тебе не прощу, — сжав кулаки, шептал он.

Он повернулся было спиной к Большой Медведице, чтобы идти на поиск Уляшева, но вдруг замер, о чем-то подумав. Потом быстро подбежал к умершему афганцу, взвалил его на плечи. Нащупывая ногами колею, пошел назад, к горам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Под трибуна-а-а-ал! — Уляшев в бессилии постучал кулаком по броне. — Черт знает что! Ну, что связь?

— Молчат, — отозвался из люка Шевлюга. — Может, с рацией что?

— В порядке у них рация, — оборвал Уляшев. — Что он делает, что делает?

Рокот двигателя в бронетранспортере Воронова перерос в рев. Он втягивал в себя все остальные звуки ночи, и, когда казалось, что ему уже не хватает места в долине, из него выплеснулся свет фар. Два узких белых пучка воткнулись в деревца на окраине кишлака. Третий луч, от видоискателя, ловко карабкаясь, пробежал по звездам и замер в вышине. Звезды тут же поблекли, небо, казалось, с облегчением оперлось на этот посох.

Но уже через мгновение луч надломился, прогнулся, начал раскачиваться, путаться в созвездиях. Бронетранспортер помчался на полной скорости вокруг кишлака, а ему вслед уже неслись с гор мины. После каждого разрыва Уляшев закрывал глаза: накрыли или нет? Но двигатель не замирал, он лишь удалялся все дальше и дальше от затаившегося в недоумении отряда. Было ясно пока одно: Воронов нарушил приказ, обнаружил себя, вызвал на себя огонь. Но ради чего? Что заставило это сделать? Какие обстоятельства?

— А что будет с Ритой? — испуганно спросила Анна Николаевна.

Уляшев оглянулся на врача. В солдатских ватных брюках, бушлате и шапке она казалась совсем маленькой и беззащитной.

— То же, что и со всеми, — словно размышляя сам с собой, проговорил майор. — Все то же, Анна Николаевна.

Все притихли, почувствовав в словах командира тревогу.

— Продолжать движение, — подал он тихую команду.

Десантники встали было у машины, но в это время там, у Воронова, застучал КПВТ *, и все вновь оглянулись на командира: что происходит?

— Продолжать движение, — резко повторил Уляшев.

«Что, что могло произойти у Воронова? — думал майор. — Надо высчитать, вычислить ситуацию, понять логику его поступка...»

Сейчас он мог отметить про себя лишь одно: в выпущенных очередях не было ни одной трассирующей пули. Что это, случайность? А может, Воронов не хочет показывать, куда стреляет?

— Стой! Кто идет? Пропуск! — вдруг вскрикнул кто-то из десантников, и из темноты послышался сегодняшний отзыв:

* КПВТ — крупнокалиберный пулемет.

— Саратов.

— Старчук? — Уляшев первым подбежал к прапорщику, помог ему снять с плеч человека. Это был худой, не по росту тяжелый афганец, и майор уступил место над ним Анне Николаевне. — Что у вас случилось?

— Сейчас... Пить... — Старчук не переставал тяжело дышать, в последний раз обдумывая свое поведение. Кто-то подал ему фляжку, он отпил несколько глотков, шумно выдохнул. — После выстрелов встретили вот этого раненого...

— Он мертв, — перебила, вставая с колен, Анна Николаевна.

— Все же умер... Жаль. Надо было Рите остаться, нет же, всех на броню — и вперед, оставили раненого...

— А вы? — прервал Уляшев. Ему не понравилось, что прапорщик вместо доклада начинает давать оценку неизвестной ситуации.

— Мне старший лейтенант Воронов приказал найти вас и доложить обстановку. Этот «кровник» сказал несколько слов: банда, отряд, огонь, засада. Воронов решил, что в кишлаке есть банда, которая якобы хочет выйти навстречу агитотряду афганцев и устроить ему засаду. Он решил перехватить «духов».

— Один? Его же самого... — вырвалось у Уляшева, и Старчук тут же продолжил сказанное:

— Он сказал, что дело агитотряда — вести разговоры, знать обычаи, а его, боевого офицера, — действовать. Как будто мы здесь в бирюльки играем. Я и сказал ему, что он нарушает ваш приказ и что я не согласен с ним...

— Вам, прапорщик, надо подчиняться командиру, а не обсуждать его действия. Пока он за вас отвечает, а не вы за него, — с раздражением сказал Уляшев.

Сообщение Старчука встревожило. В кишлаке банда? Допустим, Воронов задержит ее в долине до утра. Но потом? Стоять лагерем здесь, в поле? Идти в кишлак, под пули? И что делать с запланированной на сегодняшние пятнадцать часов встречей с афганским агитотрядом?

Уляшев снял шапку, погладил коротко остриженные волосы: жест, выдававший его волнение.

Да, поступок Воронова выбил его из колеи, и сейчас он прежде всего думал о его людях: их всего семь человек вместе с Ритой. С рассветом это станет известно и душманам. Значит, они пойдут на него, полчаса боя — и сомнут. Воронов не мог этого не продумать, значит...

Значит, он надеется на основные силы отряда, на него, Уляшева.

— Что сказал старший лейтенант про утро? Что он собирается делать? — переспросил Старчука Уляшев.

— Ничего не сказал. По-моему, он сам четко не представляет свои действия, — с готовностью ответил прапорщик.

«Конечно, какие могут быть у него планы, — подумал майор, прохаживаясь, чтоб не замерзнуть, возле бронетранспортера. — Ему перво-наперво нужно было задержать банду...»

Да, по всему выходило, что банда будет прорываться через Воронова. Сейчас несущийся в темноте бронетранспортер для них непонятен и страшен, а утром... Утром будет бой. Бой на рассвете. Красивое название, как заголовок в газете. Только толку от этого! Они шли сюда для медицинской помощи, а не для стрельбы. Шли, чтобы вместе с жителями долины разобраться в обстановке. Душманы проповедуют чудовищную ложь о Советском Союзе, не разрешают учиться детям. Впрочем, учиться они как раз разрешают, и в этом тоже своя загадка.

— Скоро рассвет, звезды белеют, — тихо сказал кто-то из десантников.

Уляшев посмотрел на небо, отыскал Алькор. Звезда спокойно поблескивала, но небо едва заметно посветлело. Да, скоро рассвет. Где же выход? И дернуло же Воронова наскочить на этого раненого. А вдруг это шахид? * Нет, не похоже, банде невыгодно выдавать себя. Банда... А ведь в ней наверняка есть жители этого кишлака. Значит, на чью сторону во время боя станет долина — ответ однозначен. И если даже их отряд не пропустит душманов к «зеленым» **, политически бой будет проигран. Тогда и весь поход ни к чему, все зря. Надо уйти от боя — только так его можно выиграть, только так. Но что же делать с Вороновым?

Уляшев несколько минут наблюдал за бронетранспортером Воронова. Как он был одинок в этой зажатой горами долине. Но неужели старший лейтенант думает, что если подставил себя под пули, то взял на себя самую трудную долю? Неужели думает, что интернациональная помощь — это обязательно ложиться костьми

---

* Шахид — погибший за веру, наиболее желанный для аллаха. Это, как правило, добровольцы, сознательно жертвующие собой.

** «Зеленые» — подразделения афганской армии (разг.).

на перевалах? Чаще всего помощь — это и вот такое стояние посреди долины, чтобы в кишлаке ничего не случилось.

«Ничего не случилось, чтобы в кишлаке ничего не случилось», — мысль неожиданно зацепилась, и Уляшев теперь повторял и повторял ее, необъяснимую, чувствуя в ней выход. И вдруг понял, что в ней главное: отряд должен идти в кишлак.

* * *

Солнце осторожно, словно готовое при первом же выстреле снова юркнуть за кручи, заглянуло в долину. Не усмотрев ничего подозрительного, вылезло полностью, несколько мгновений отдыхало на пологом гребне горы и затем медленно начало подниматься вверх.

Долина тоже проснулась, но лежала тихо, ожидая развязки ночных событий. Выжидал и Уляшев, давая возможность душманам, если они все же не ускользнули из кишлака, хорошо спрятаться. Впереди, метрах в двухстах, стояли бронетранспортер и звуковещательная станция Торопова. Вышедший на связь Воронов доложил, что прикрывает кишлак с противоположной стороны ущелья.

— Вас понял, — отозвался Уляшев, но оценки действиям своего заместителя не дал: разбор будет после рейса.

Стало припекать, и Уляшев поправил шлемофон, нащупал на ремешках ларингофоны. Прижал их к горлу.

— Заводи! — подал он команду всем водителям.

Машины, наезжая колесами на собственные тени, колея в колею тронулись к кишлаку. Он был похож на десятки других, уже виденных Уляшевым в разных уголках Афганистана. Но, если в других местах на гул моторов мгновенно сбегались дети, то сейчас и улицы, и плоские крыши домов были пусты. И тогда Уляшев подал, наверное, одну из самых неожиданных своих команд в Афганистане:

— Агитотряду оружие оставить в машинах.

Сказал и постарался не заметить, как обернулся водитель, как уперлись в шлемофон взметнувшиеся у него от удивления брови. Пресеклось потрескивание и в эфире: видимо, Торопов нажал тангенту, вызывая командира повторить команду. Но сдержался, в связь не вышел.

«Не сносить мне головы, — Уляшев поправил шлемофон. — Только были бы умными «духи». Ну хоть бы чуть-чуть. И тогда инициатива будет у нас».

Он шел на риск. Риск отчаянный, от которого уже сейчас становилось не по себе.

— Анна Николаевна, — Уляшев заглянул в люк, увидел сверкнувшие в темноте два маленьких зеркальца очков врача. — Анна Николаевна, давайте наверх, здесь хоть свежий ветерок. Только наденьте, пожалуйста, халат и шапочку.

— «Второй», — вызвал он Торопова. — Три человека без оружия — на броню. Остальным быть готовыми к бою.

Из десантного люка показалась Анна Николаевна. Светло-розовая оправа очков казалась красной — настолько бледным было лицо. Губы мелко подрагивали, и она виновато пыталась справиться с ними, растянуть в улыбку.

«Держись, Николаевна, держись», — сказал мысленно Уляшев и постарался как можно беззаботнее подвинуть врачу старую подушку. Анна Николаевна положила ее на еще стылую броню и, поджав одну ногу под себя, села. Майор, пряча улыбку, отвернулся: Николаевна свято верила в совет, который дал во время первого рейса Старчук.

— Внутри боевой машины ездить опасно, дорогие товарищи женщины, — говорил он, помогая им приспособить на броне носилки. — Хороший подрыв — и все, рай. Только, насколько я знаю религию, никто почему-то туда не стремится. Однако и на броне ездить небезопасно — снайперы хорошие есть и у «духов». Так что выход пока один: сидеть в люке. Если обстрел — быстро вниз. Подрыв — выбросит или оторвет всего-навсего ноги.

Уляшев тогда хотел оборвать старшину, но потом раздумал. Старчук, хоть и с издевкой, все же давал дельный совет, а что до запугиваний... Пусть поволнуются до рейсов. Пересилят страх — легче будет потом. Лишь бы только было бы оно, это «потом».

Кишлак медленно приближался. Его пустынность тревожила, и Уляшев снял шлемофон, расстегнул бушлат. Примета верная: если жители не вышли в поле, значит, банда в кишлаке. И ведь смотрят, смотрят сейчас за ними десятки пар глаз, и в первую очередь бандиты. Будут ли стрелять? Пойдет ли главарь на это? Неужели его не

остановит на несколько минут это вот явное безумие? Всего на несколько минут, нужны несколько минут...

— Анна Николаевна! — Майор чуть откинулся назад, к врачу. — Сядьте, пожалуйста, правым боком к домам. Только не резко, незаметно так...

Больше всего Уляшев боялся ранений в позвоночник и в живот. Боялся неподвижности и мук, которые последуют за этим. Боялся не выдержать их...

А кишлак все молчал. Уляшев пересилил себя, медленно обернулся на вторую машину: Таммелин, Чернявский и Петров напряженно сидели на броне БТР. «А ведь самые лучшие солдаты, — машинально отметил майор. — Лучшим всегда достается больше». Еще подумал, почему нет среди них Старчука, но майдан * уже лег под колеса. И хотя душманы еще могли начать стрельбу, в успех уже верилось.

Бронетранспортеры словно в приветствии слегка качнулись и замерли посреди площади. Уляшев встал на башню, медленно застегнулся. Однако сразу приметил узкие оконца-бойницы ближних мазанок, где скорее всего должны стоять пулеметы, ближайшие дувалы, от которых расстояние — на гранатный бросок. «Не суетиться, — приказал себе Уляшев, — спокойнее. Надо все же повернуться к окнам спиной, показать, что оружия нет... Вот так, теперь — на землю».

Анна Николаевна, оставшись на броне одна, тут же спрыгнула вслед за командиром.

— Пойдемте, Анна Николаевна, прогуляемся вон до той айвы, — негромко сказал Уляшев, кивнув на растущие у арыка деревца. Перешел к врачу на правую сторону, стараясь все же прикрыть ее от оконца в доме напротив. Взвесив в руке медицинскую сумку, протянул ее женщине. — Возьмите, она вам больше к лицу. Ну, идемте?

— Подождите, — врач поправила очки, набрала в легкие воздуха, словно перед броском в воду, и шагнула вперед.

— Ноябрь, а солнце — хоть загорай, — медленно шагая по вытоптанной до бетонного стука площади, сказал Уляшев.

— А почему душманы не стреляют? — Анна Николаевна с плохо скрытым беспокойством оглядывалась на каждый шорох.

---

* Майдан — площадь.

Уляшев не успел ответить. Сзади послышался вначале тонкий писк, затем усиленный микрофонами звуковещательной станции шепот Торопова:

— Раз, раз, раз-два, раз.

Потом переводчик, видимо, отвернувшись, прокашлялся, и неожиданно звонко и сильно пропел:

— Ла — илаха — илаллах! *

— Пока все хорошо, Анна Николаевна, все хорошо, — остановившись около жиденькой поросли айвы, проговорил майор. Подставил ладонь под один из листочков, осторожно погладил его выгнутую к солнцу узкую спинку. — Знаете, что будет здесь, в Афганистане, когда вырастут вот эти деревья?

— Что читает Малик? — не ответив, спросила врач. Оправа очков все еще продолжала ярко выделяться на ее бледном лице.

— Молитву, — послушав Торопова, утвердительно кивнул Уляшев. — На эти две-три минуты она для нас надежнее любой брони, так что не будем терять времени.

Он махнул неотрывно следившему за ним Чернявскому, и солдаты осторожно спустили вниз снарядный ящик, приспособленный для медикаментов. Башня с пулеметом начала было поворачиваться за ними, но майор неодобрительно покачал головой и ствол замер на выглядывающей из-за поворота улочке.

— Вы спрашивали, почему душманы не стреляют? — вспомнил майор. Открыв банку с поливитаминами, бросил в рот горошинку. — Сейчас не восьмидесятый и даже не восемьдесят третий год, Анна Николаевна. Сейчас воюет не только оружие, но и идеи. Если душманы открыли бы огонь — значит, они стреляли бы в молитву, во врача-женщину, а это для них свято. Почему? Надо просто знать тактику действий банды. Кто ее главарь? Махмуд Шах. А у него банда набрана только из местного населения. И пополняется за счет него. Будь он в другом уезде — не посмотрел бы и на молитву, но дома... дома нельзя, он должен нести крест борца за веру, иначе помощи ему больше не видать. А о дне завтрашнем думать тоже надо. Вот такая получается расстановка. Затем мы начнем раздавать рис — и они вновь не посмеют поднять оружие, потому что будут стрелять не в нас,

---

* Ла — илаха — илаллах — не существует бога, кроме аллаха. Этими словами молящийся говорит, что он мусульманин.

а в рисовые зерна, в спасение жителей от голодной смерти. После этого дехкан в банду не затащишь, тверди не тверди им о священной борьбе за свободный ислам. Нам было важно, чтобы душманы не открыли огонь до начала молитвы. А сейчас нельзя им стрелять. Главарь, на наше счастье, оказался думающим. О, вон и решеефид * показался.

Из-за дувала вышел худой аксакал в калошах на босу ногу. За ним еще несколько стариков, неизвестно когда и где собравшихся вместе. В проемах дворов стали высовываться стриженые мальчишечьи головы.

— Так, гвардия, — повернулся к десантникам Уляшев. — Петров остается здесь, с Анной Николаевной, Чернявский и Таммелин, выносите сюда муку и рис. Но не спешите, для нас очень дорого время. И пусть выходит лейтенант Шевлюга.

Вытянув для рукопожатия обе руки, майор пошел навстречу старейшине. Поклонившись друг другу, они о чем-то заговорили, жестикулируя, и тотчас к ним приблизились старики, окружили их полукольцом. Уляшев обернулся, поджидая переводчика.

Шевлюга шел быстро, стремясь скорее преодолеть расстояние от БТР до командира. Уляшев заметил, что правую руку лейтенант держит в кармане бушлата — видимо, с пистолетом переводчик расстаться не решился. И майор сразу вспомнил о сбежавшем переводчике. Притушившаяся было тревога за партактивистов вспыхнула в душе с новой силой. Заранее зная ответ, он тем не менее спросил у аксакалов, не знают ли они жителя этой долины Мохамеда Карима.

Выслушав перевод, старики, словно за советом, непроизвольно обернулись на дома, пожали плечами.

«Значит, банда все-таки здесь, — отметил Уляшев. — Воронов оказался прав. Нам остается только держаться до подхода «зеленых».

— Товарищ майор, — выбрав удобный момент, шепнул Шевлюга. — Справа, вдоль реки, пробежали с оружием несколько человек. Кажется, нас взяли в кольцо.

— Хорошо, — кивнул Уляшев, хотя ничего хорошего в этом известии не было.

---

* Решеефид — белобородый, как правило — старейшина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рита и Воронов сидели на бушлате, прислонившись к колесам бронетранспортера и подставив лица солнцу.

— Что будем делать дальше, Сережа?

Воронов посмотрел на Риту. Ее круглое, с пухлыми губами лицо было пепельным от бессонной ночи, под раскосыми глазами легли глубокие тени. Тепло разморило девушку, и она, чтобы не уснуть, отстранялась от колеса, пыталась шевелить плечами, вертеть головой. Панама, упав с головы, лежала рядом, но сил у Риты поднять ее не было. Из сегодняшней ночи, кроме свиста мин, лая собак, выстрелов и сумасшедшей гонки по ущелью, Сергей помнил еще и то, как беззащитно уткнулась она ему в грудь при обстреле. И теперь смотрел и смотрел на девушку, словно видел впервые.

— Что ты смотришь так? Не смотри. Я, наверное, вся сонная, мне надо умыться, — бессильно проговорила Рита.

Сергей убрал с колен автомат, молча отстегнул с ремня фляжку с чаем. Достал носовой платок, смочил его. О чем-то на мгновение задумался, потом смочил его еще раз и потянулся к Рите. Но в это время из-за колес вынырнул Козыро, и медсестра сама взяла платок.

— Разогрели, покушайте, — протянул водитель обломок доски, на которой стояла банка тушенки.

Рита протерла платком лицо. Щеки ее то ли от смущения, то ли от свежести порозовели, веки разгладились, освободившись от сна, и десантник вместе со старшим лейтенантом засмотрелись на девушку.

— Спасибо, Сеня, — кивнула солдату Рита.

Тот удовлетворенно кивнул, но посмотрел на командира.

— Спасибо, — кивнул и Воронов. — Если будете кипятить чай, подогрейте одну кружку и нам.

— Будем! — вытянулся ефрейтор и исчез за машиной.

— Хорошие у нас солдаты, — тихо проговорила Рита. — И как я всякий раз переживаю за их матерей!

Сергей подвинул доску с банкой ближе к бушлату, подал Рите ложку. Отодвинув застывшую на ветру пленку жира, девушка попробовала бульон.

— Вкусно, как у мамы. Попробуй. Что ты опять смотришь? — Она отстранилась от еды.

— Ешь-ешь, — мотнул головой Сергей. Некоторое время ел молча, потом опять повернулся к девушке. — Рита, я вот с первой нашей встречи думаю: как ты решилась поехать сюда? Из-за чего? Ведь тебе всего восемнадцать лет. Как тебя отпустили родители?

— А они не знают, что я здесь.

— Как это? — Воронов недоверчиво посмотрел на девушку. — А почта?

— Пишу, что работаю медсестрой в Монголии, в Улан-Баторе. В каждом письме расписываю им свои прогулки по его широким улицам, про кинотеатры, парки.

— Фантазерка, — улыбнулся Воронов и подумал, что ведь так же и он мог уберечь своих родителей от лишних волнений. А вот не догадался!

— Мне ничего не надо выдумывать, — ответила Рита, подвигая банку ближе к Сергею. — Анна Николаевна ведь там работала два года, рассказывает. Вот она мужественная женщина и сюда приехала по долгу врача. Представляешь, сама пошла в военкомат и напросилась. Я бы... я бы, наверное, на это не решилась. Но когда предложили — отказаться не смогла. Совестно было. Вот и приехала.

За бронетранспортером послышалось шарканье ног, Козыро предупредительно кашлянул и вышел к ним.

— Чай, — присел он, подавая шапку со стоящими в ней двумя кружками. — Товарищ старший лейтенант, машину готовить или будем здесь загорать?

Воронов посмотрел на часы.

— Через десять минут всем наблюдать за вертолетами и кишлаком. И быть готовым к движению.

— Есть, — вытянулся Козыро.

— Что будет через десять минут? — спросила Рита, когда водитель ушел.

— Из ущелья радиосигналы до лагеря не доходят, поэтому с сегодняшнего дня в каждый нечетный час над нами будут пролетать вертолеты. Если Уляшев даст оранжевый дым — значит, он в опасности, нуждается в помощи.

— А мы? — удивилась Рита и привстала на колени. — А мы не в опасности?

— По сравнению с ними нет. Они среди врагов. Это был единственный вариант задержать банду, но Уляшев пошел на него.

Рита встала, посмотрела на прикрытый деревьями

кишлак. Минут двадцать назад в нем смолкла звуковещательная станция.

— Начали осмотр больных, — предположил Назмутдинов.

— Мне бы надо к Анне Николаевне, — повернулась Рита к Воронову.

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет, Рита. Пока она будет работать, душманы не посмеют напасть на отряд.

— А Уляшев так же думает? — испугалась вдруг Рита за майора.

— Он — командир, значит, должен думать так, у него нет иного выхода. Единственное, за что волнуюсь — это дошел ли до них Старчук.

— Этот не пропадет, я про него совсем не думаю. Ты расскажешь, откуда вы друг друга знаете?

— Когда-нибудь расскажу, в Союзе.

Рита чуть повернула голову и безнадежно, как о давно продуманном, сказала:

— Ты уедешь в Союз через два-три месяца, а я через полтора года. Мы больше не увидимся.

— Как это не увидимся? — бодро, стараясь не замечать грусти в голосе девушки, сказал Сергей. А сам подумал: неужели он и вправду понравился ей? Это за неделю-то знакомства? Нет-нет, просто Рите восемнадцать лет, и она в такой обстановке... — Увидимся, Риточка. Ты выйдешь замуж и...

— Перестань, — перебила девушка. — Я сейчас заплачу.

Слезы уже покатились по ее щекам, и Сергей ругнул себя: идиот, нашел время и место твердить о замужестве. Он стал на колени перед Ритой, не зная, как успокоить ее.

— «Вертушки»! — крикнул Козыро.

Вертолеты кружили еще высоко, но круги их становились все больше и ниже. Сергей, забыв обо всем, не сводил взгляда с кишлака. Будет дым или нет? Если да — значит, рывок к Уляшеву, возможно, бой, возможно, что и...

— Я буду ждать тебя, Рита, — громко сказал Сергей. — Слышишь: буду ждать.

Он хотел повернуться к девушке, но пересилил себя. Главное сделал — успел сказать о том, что будет через много лет. Теперь же не пропустить сигнала Уляшева.

А Рита рядом. Впрочем, она всегда была рядом, он просто не замечал. А вернее, не хотел замечать.

Вертолеты, покружившись, взяли курс в горы. Сигнала от Уляшева не было.

Сергей повернулся к Рите, но в это время за машиной послышался резкий скрежет гальки.

— Товарищ старший лейтенант, — Козыро, протягивая бинокль, выбежал из-за БТР. — Там наш проводник уходит, я его видел.

Воронов, выхватив бинокль, сильно и резко выпрыгнул на броню.

— В той посадочке, — показывал Козыро рукой на окраину кишлака. — Как вертолеты прошли над ней, он перебежал от деревьев к дувалу. Я почему узнал — зеленый шарф, как исламское знамя, за ним по ветру. Не видите?

— Пока нет, — ответил Воронов, кусая от напряжения губы. Потом вдруг подался вперед, словно желая приблизить увиденное. — Все наверх! — тут же крикнул он. — Козыро, заводи, Рита, быстрее, быстрее же. Да брось ты все, — нетерпеливо обернулся он, увидев, что Рита пытается собрать в бушлат ложки, кружки, кусочки хлеба.

Рита, торопясь, полезла со всем этим на борт, но бушлат распахнулся, и посуда, загремев, посыпалась вниз. Девушка в нерешительности замерла, и Воронов, дотянувшись, за воротник втащил ее наверх.

— Жми, — махнул он Козыро рукой в направлении кишлака.

Бронетранспортер зарычал, потом резко рванулся вперед. Солдаты, еще не устроившиеся на броне, качнулись, Рита больно ударилась спиной о незастопоренную, прыгающую крышку люка. Она попыталась поймать ее, прижать сверху, но БТР в это время резко встал. Рита, отшатнулась от раскрывшегося во всю пасть люка, потеряла опору. Земля сама бросилась ей навстречу с серым клочком какой-то травы.

Удар был несильный, и от страха быть раздавленной Рита тут же откатилась от огромных, выстроившихся в ряд колес бронетранспортера. И только после этого замерла, закрыв глаза и прислушиваясь к своему гудящему телу. Чьи-то цепкие руки перевернули ее, и она, чтобы не испугать Сергея, сначала попыталась улыбнуться, а потом уже открыла глаза.

Однако вместо старшего лейтенанта она увидела над

собой небритое лицо Хайдара, а уж за ним на машине вставшего во весь рост на башню Сергея. Опершись ногой на ствол пулемета, он неотрывно рассматривал в бинокль кишлак. Стало обидно, и Рита сразу почувствовала боль во всем теле.

— Цела? — наконец спросил Воронов сверху, но девушка, глотая слезы, не ответила. — Цела, я спрашиваю? — нетерпеливо уже голосом командира, который вынужден отвлекаться от главного, крикнул опять старший лейтенант.

— Кажись, цела, — ответил Хайдар, поняв, что медсестра плачет.

— Хайдар, берешь всех — и бегом перекрыть проводнику вон то ущелье. — Воронов указал влево. — Рита, ты в БТР.

Девушка, стараясь не смотреть на Сергея, не вытирая слез и не отряхиваясь, подошла к боковому люку. Подождала, когда из него выпрыгнут десантники, медленно влезла внутрь машины, потянула на себя тяжелую дверку. Потом дотянулась до ручки верхнего люка, застопорила и его. Сразу стало темно, свет проникал теперь лишь через передние стекла. Рита легла на длинное десантное сиденье, подложив под голову чей-то бушлат. Почти не почувствовала, как на этот раз плавно, медленно тронулся бронетранспортер.

«Вот и все, — подумала она. — Вот и все, Сереженька. Нет у тебя ко мне ни любви, ни жалости. Даже Старчук наверняка бы спрыгнул, поинтересовался, как я. А ты...»

Она открыла глаза, посмотрела сквозь колышущуюся вместе с машиной стену пыльного воздуха на люк. За ним стоял или сидел на башне Сережа, Сергей Воронов, в которого она вздумала влюбиться. Почему же ей не везет? Почему других любят так, что об этом пишут в книгах, показывают в кино, а Сергей, а Сережа...

Жалость к себе переполнила ее сердце, и Рита уткнулась в ватник. И вспомнилось, как боялась она обстрела сегодня ночью, и первая встреча с Сергеем вспомнилась, и родители, и вся та, доафганская, жизнь навалилась на нее сразу ярко и тяжело. Рита села, осмотрела выкрашенное белым нутро машины, пошевелила ногами в широких валенках. Чтобы занять себя, наклонилась, нашла под сиденьем свои мягкие горные ботинки, переобулась. Ноги сразу стали легкими, послушными на любое движение, и

Рита даже пристукнула ими о днище БТР. Затем сняла ватные брюки, оставшись в спортивном костюме.

БТР ехал медленно, часто менял направление, порой останавливался, и Рита поняла, что Сергей потерял из виду проводника. Но тут БТР взревел на всю мощь.

«Увидел!» — поняла Рита.

Она выбросила вверх, до стопора, крышку люка, пролезла в его узкое отверстие. Прохладный ветер ударил в лицо, мгновенно высушил глаза. Закрываясь рукой от его упругой силы, Рита посмотрела на Сергея. Упершись ногами в скобы, он одной рукой перехватил автомат, второй держался за фару видоискателя. На груди у него болтался бинокль, и Сергей старался поймать и прижать ремешки подбородком. Но тогда ему, видимо, было неудобно смотреть вперед.

Рита оглянулась. Слева тянулись серые склоны, почти сразу резко уходящие вверх. Справа узкой лентой бежала «зеленка» — прижавшаяся к арыку растительность, за которой белыми пятнами изредка мелькали дувалы. Долина осталась далеко позади, у основания стрелы, раздвинувшей горы, и бронетранспортер забирался все выше и выше, к самому началу ущелья. Сотни таких ущелий сбегают в долину; впереди в ее изгибах никого не было видно, и Рита удивленно обернулась на Сергея: куда они мчатся?

Сергей привстал, Рита проследила за его взглядом и вдруг увидела переметнувшегося через дорогу в заросли проводника в солдатской шапке и с зеленым платком на шее.

Сергей вскинул автомат, не целясь, дал очередь по зарослям.

— Быстрее, — крикнул он Козыро.

Но крутизна склона гасила скорость машины. Воронов от досады ударил кулаком по фаре, она крутнулась, уставилась на старшего лейтенанта стеклянным глазом. И только сейчас Сергей увидел Риту, несколько мгновений недоуменно смотрел на нее, словно припоминая что-то. Потом нырнул в люк.

Бронетранспортер тут же встал, внутри машины раздался треск отдираемых досок. Рита заглянула вниз.

Сергей, отпихивая не до конца оторванную крышку ящика, доставал из него «лимонки» и рассовывал по карманам комбинезона. Сунул за пазуху кобуру с пистолетом.

— Сеня, Козыро, прямо отсюда сразу назад, к Хайдару. Заберешь ребят — и к Уляшеву. Рита, вместе с ними, — поднял он глаза на присевшую рядом девушку. Увидев ее лицо, вдруг тихим голосом повторил: — Вместе с ними, Рита. Так безопаснее.

Он протянул было руку, но потом резко отстранился, схватил автомат, спрыгнул с машины. Рита подалась за ним, но Сергей, выставив локоть и пригнув голову, уже бросился в кустарник. Словно что-то подтолкнуло девушку вслед за ним.

— Сеня, я с Вороновым, — крикнула она в люк и спрыгнула на камни.

— Назад! — услышала голос Козыро, но махнула рукой и, тоже выставив вперед локти, нырнула в «зеленку».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уляшев, стараясь не замечать просящих взглядов Торопова, мерил шагами площадь. Он и сам прекрасно знал, что афганцы устали от двухчасовой беседы, что их сейчас больше волнуют мешки с рисом и ящик с лекарствами, чем рассказы о пенсии, спутниках и пионерских лагерях. Все это было для них необычно, интересно, но далеко, за белыми хребтами Гиндукуша, а мешки стояли рядом, и от ящика шел резкий запах лекарств.

Майор видел, как дети отыскивали у себя болячки и, чтобы не забыть их, прикрывали пальцами. Аксакалы, обернувшись на треск распарываемых мешков, уже больше не сводили взглядов с погнутой серой миски, которую поставил на брезент ришеефид. Вдоль дувала просочился тонкий ручеек закутанных в паранджу и платки женщин, они слились в небольшое черное озерцо с редкими волнами светлых одежд. Им тоже важнее было знать, сколько мисок на семью отмерит старейшина, чем то, каким станет Афганистан в то время, когда вырастут деревья вокруг майдана.

Уляшев хорошо понимал этих людей. Но время, время тянулось, как ишак на перевал, — не поторопишь. И не объяснишь, не скажешь людям, что эта затянувшаяся канитель — ради кишлака. Ради тех, которые сидят сейчас в домах со взведенным оружием и готовы нажать на курки, если... Надо не дать противнику запятнать себя

кровью, не превратить его во врага. Оступившемуся легче вернуться в дом, чем убийце.

Твердили Уляшеву на все лады перед отъездом сюда: Афганистан — это жара, это опасно, это трудно. Ерунда. К солнцу можно привыкнуть, в трудностях закалиться, в опасностях приобрести опыт. Афганистан — это нервы, не дающие человеку ни на миг расслабиться и требующие от него действия, действия и действия. Словно два года идет непрерывный экзамен и на каждый вопрос ты должен отвечать безошибочно и без подготовки...

Уляшев взглянул на часы: до следующего прилета «вертушек» — час, до встречи с агитотрядом — четыре. Но и тянуть время больше было нельзя.

Зная, что врач давно готова к работе, все-таки спросил издалека, выигрывая у банды еще несколько секунд:

— Анна Николаевна, вы готовы?

Она кивнула, и площадь сразу же забурлила. Аксакалы, оставив Торопова, переместились к врачу, боязливо оглядываясь и на мешки: не начали бы раздачу без них. Вокруг Петрова, открывшего банку с поливитаминами, закрутилась карусель из детских голов и рук. Выхватывая друг у друга желтые горошины, дети отскакивали в сторону, удивленно рассматривали доставшиеся бесплатно витаминки, издали показывали их родителям и вновь бросались в свалку.

Уляшев подошел к Анне Николаевне. Перед врачом стоял худой старик и, задрав рубаху, водил руками по дряблому животу.

— Глисты, — обернулась врач к командиру. — Глисты, трахома, туберкулез, ревматизм. Им лечиться надо, а не воевать.

Майор развел руками: и лечиться, и учиться, и работать надо республике. Он оглядел притихшие без хозяев, замершие под солнцем мазанки. Сюда хороший отряд хадовцев *, капитальную чистку — и банды не будет. Но ведь назавтра вместо этой банды встанет новая — коран заставляет мусульман на кровь ответить кровью. И кто знает, может, этот старик, получающий таблетки от боли в животе и беспрестанно кланяющийся Анне Николаевне, тоже возьмет в руки оружие. Выход у народной власти сейчас один: наряду с разгромом крупных банд вести борьбу за население. Захотят аксакалы — вер-

* ХАД — органы госбезопасности Афганистана.

нут домой сыновей, поверят в лучшую жизнь женщины — уговорят мужей сложить оружие.

Уляшев коснулся рукой плеча Анны Николаевны, напоминая ей о времени. Та кивнула. Посмотрела на шепчущихся женщин, показала им жестом: подходите, я же женщина, меня и взял командир в рейс именно для того, чтобы осматривать и лечить вас.

Майор прошел к бронетранспортерам. Вспрыгнув на броню, заглянул в темную духоту люка. Раздетые по пояс десантники оторвались от бойниц, и Уляшев увидел их потные, утомленные лица.

— Жарко, товарищ майор, — проговорил кто-то.

— Так климат-то резко континентальный, — попытался пошутить майор, но тут же перешел на серьезный тон: — Еще часа четыре, товарищи. Надо.

— А с «кровником» что делать? — спросил все тот же голос.

Майор шумно выдохнул:

— Нельзя его сейчас наружу, ребята. Никак нельзя. Не та обстановка. Так что... Укутайте его поплотнее. Еще часа четыре.

На втором «бэтээре» сидел Торопов, и Уляшев не стал больше маячить у машин. Чернявский и Таммелин расстилали около мешков брезент, и Уляшев подошел к ним Солдатам помогал паренек лет двенадцати, хромающий на обе ноги. Однако это не мешало ему ползать на коленях по брезенту и сгонять на края складки. Сумка, закинутая за спину, поминутно спадала под живот, и он наконец снял ее совсем, бережно положил около мешков.

— Командир, хлеб, хорош, — выпалил он все знакомые русские слова, когда подошел Уляшев.

Майор присел рядом, помог выбросить из-под настила крупные камешки.

— Что у него с ногами? — спросил он десантников, но те пожали плечами. — Шевлюга, подойдите сюда, — окликнул он переводчика. — Спросите, что у него с ногами. Может, чем поможем?

Лейтенант присел рядом, заговорил с парнем. Тот махнул рукой, улыбнулся и задрал до колен шаровары. Уляшев отшатнулся, увидев прямо перед собой тоненькие, все в шрамах ноги мальчика. А он что-то живо рассказывал переводчику, помогая себе жестами и мимикой.

— Обе икры ему отрезал хозяин, — тихо сообщил Шевлюга. Потом вдруг зашарил у себя по карманам, отыс-

кал две пачки сахара из сухпайка, протянул мальчику. Тот без слов схватил их, хотел тут же засунуть в сумку, но увидел на обертке рисунок паровоза и уставился на него непонимающими глазами. — Он пастух, — все так же тихо, словно теперь уже боясь спугнуть, оторвать мальчика от невиданной картинки, прошептал Шевлюга. — Две зимы назад во время грозы у него сорвалась в пропасть овца, и хозяин за это отрезал ему икру правой ноги.

— А потом? — не выдержал Чернявский.

— Вторую недавно, когда он не смог отбить овцу у шакала.

— Это хозяин шакал. — Чернявский тоже начал торопливо рыться в карманах, потом подхватился и побежал к бронетранспортерам.

— Почему же он не уйдет от него? Где его родители? — спросил Уляшев, на миг представив своего сына на его месте и ужаснувшись.

— Он сирота. Говорит, что его хозяин — хороший, он кормит и одевает, а недавно разрешил учиться.

— Учиться?

Словно током пронзило Уляшева — из-за банды он совсем забыл о школе, работавшей при душманах. Значит, все-таки она была? И хозяин, отрезавший икры своему пастуху, посылал его овладевать грамотой?

Шевлюга вдруг тоже замер, поняв волнение командира. Потом они оба посмотрели на сумку, словно разгадка этого случая хранилась за ее пыльной мешковиной.

— Вот тебе, — подбежал Чернявский, высыпал к ногам мальчика галеты, сахар, сгущенку, конфеты.

Пастушонок растерянно оглянулся, но тут же схватил подарки, сунул их в сумку. Воровато заслоняясь спиной от других детей, приподнял ее, радуясь этой тяжести. Торопясь, отыскал тесемки, намереваясь затянуть, укрыть от всех свое богатство и, как верил Уляшев, тайну школы.

— Стой! — непроизвольно протянул он руку к сумке.

Мальчик, испугавшись, подался назад, вцепившись в мешковину.

— Не бойся, я тебе тоже... я тоже, — Уляшев полез в карманы, выхватил авторучку. — Вот, держи, это моего сына, он такой же, как ты. Он писал этой ручкой, возьми, не бойся.

Мальчуган осторожно улыбнулся, показав большие бе-

лые зубы, принял авторучку. Приложив руки к груди, поклонился вначале офицерам, потом солдатам.

— Спросите, умеет ли он писать. И чему их учили в школе, — поторопил Уляшев переводчика.

Мальчик вновь сверкнул в улыбке зубами, полез в сумку, радуясь возможности выполнить просьбу шурави и отблагодарить за угощение.

Уляшев раскрыл сшитые веревочкой листы бумаги и увидел нарисованные детской рукой автомат, два пистолета и три ножа.

— Як, ду, сэ, — посчитал, гордясь своим умением, мальчик.

— А писать? — почти шепотом спросил майор, поняв назначение школы.

Пастушонок отрицательно покачал головой.

— Писать учат взрослых, — перевел Шевлюга.

Уляшев встал, резко оглянулся на сидевших около Анны Николаевны дехкан. Те поспешно отвели взгляды, стараясь не выдать, что наблюдали за беседой пастуха и командира шурави.

Сомнений не оставалось: под видом школы в кишлаке готовили мятежников. А заодно приучали к оружию, насилию, убийствам и школьников.

За кишлаком резко взревел бронетранспортер Воронова.

«Что там у него еще? — встрепенулся Уляшев. — Он меня сегодня загонит в гроб».

На площади тоже прислушались к гулу машины, но он стал удаляться, стрельбы не было, и аксакалы вновь обратились к своим болячкам.

И только в отряде поняли: у Воронова что-то случилось.

* * *

Старший лейтенант, продравшись сквозь кустарник, выскочил к реке. Некогда широкая, сейчас она обмелела, сузилась до ручья и негромко журчала под обрывом правого берега.

Воронов прислушался, но ни один посторонний звук не потревожил отлаженный шепот «зеленки».

Вдруг справа, выше по течению, раздался тихий, испуганный голос Риты:

— Сережа-а-а!

Он не успел ответить — раздался выстрел из пистолета.

Пуля прошла где-то рядом с Вороновым, но по ее усталому полету он понял, что она на излете и убить уже не может, а если и ранит, то несильно. Но она прилетела оттуда, где была Рита! Там она имела силу и предназначалась именно для нее!

Сергей дал вверх очередь из автомата, пытаясь вызвать огонь на себя. Ответного огня не было, и он, скользя и оступаясь на камнях, побежал вперед.

Река с каждым шагом все более сужалась, течение становилось быстрее. И только утки, вытянув шеи, продолжали неподвижно сидеть на воде.

«Приманки, — понял Сергей и сразу же увидел укрытия для охотников. — И меня как утку? Но лишь бы не Риту».

Он дал поверх листвы еще одну очередь и крикнул под нее:

— Рита!

Она отозвалась совсем рядом. Выскочила из-за гранатового дерева, и Сергей схватил девушку за плечи.

— Не ранена? Цела?

Рита опустила руки, посмотрела на Сергея. Плечи ее мелко дрожали, и Воронов, как ни сжимал их, не мог остановить эту дрожь.

— Ты почему здесь? — не давая девушке расслабиться окончательно, нарочито грубо спросил Воронов. — Я тебе где приказал быть? Ты хоть думала, что делаешь?

Рита подняла заплаканное лицо и отрешенно тряхнула головой.

— Нет.

Это прозвучало с таким обезоруживающим чистосердечием, что вместо разгона он нажал ей пальцем на курносый нос, вытер слезу на щеке.

— Я ничего, я просто вдруг испугалась, что потерялась, осталась одна...

— Откуда стреляли? — спокойно спросил Воронов.

— Там, — девушка махнула вверх по реке.

— Будешь бежать за мной. Только за мной, поняла? — чуть встряхнул Сергей Риту. Вздохнул, посмотрел на ее синие спортивные брюки, заметные, видимо, издалека. Но, больше не теряя времени, напомнил и скомандовал одновременно:

— За мной!

Никогда не был Воронов так осторожен, как сейчас. И никогда, наверное, не был так рассеян. Тяжелое, сби-

вающееся дыхание за спиной, неожиданное «ой» от подвернувшихся камней мешали сосредоточиться, и он шарахался от солнечного блика на волне, вскрика птицы в кустах.

— Я больше не могу... Подожди... — услышал он хрип девушки.

Сергей невольно обернулся. Рита, упав на колени, окунула лицо в волны и жадными, большими глотками пила воду.

— Встань. Простудишься, — оторвал ее от реки Сергей. Плеснул водой себе в лицо, на грудь.

Рита, схватившись за бок, старалась дышать глубоко, закрывать на выдохе рот. Ноги ее дрожали от напряжения, на подбородке, носу и бровях качались четыре солнца, ухитрившихся втиснуться в каждую каплю воды. И вновь Сергей почувствовал жалость и сострадание к ней.

— Надо бежать, Риточка, — твердо сказал Сергей. — Возьмись за ремень.

Теперь, ощущая каждое движение девушки, он стал внимательнее. Как во времена службы в роте, начал верить, что успеет даже увернуться от пули, прогреми рядом очередь.

— Смотри, — вдруг дернула его Рита.

На противоположном берегу, куда она, не имея сил поднять руку, указала глазами, темнели мокрые от воды камни: совсем недавно здесь перешли реку. Не раздумывая, старший лейтенант дал длинную очередь по кустам, бросился на правый берег.

И тут же остановился: понял, что исчезла связь с Ритой, что она уже не держится за ремень. Резко обернулся: девушка, поглядывая на воду, снимала ботинки, закатывала брюки.

Чертыхнувшись, Воронов вернулся, подхватил ее на руки. Рита обхватила его за шею, вдруг прильнула, прикрыла глаза.

— Эх, Рита-Маргарита... — только и сказал Сергей. Посмотрел вперед. И тут же раздался выстрел.

Он не успел ничего сделать. Голова девушки откинулась назад, и Рита сразу потяжелела, как тяжелеют убитые или раненые. Упали в реку выроненные ей ботинки.

— А-а, — заорал Сергей, нащупывая автомат. — Га-а-д, сво-о-ло-очь!

Он стрелял, не двигаясь с места, до тех пор, пока не

вышли патроны. Затем побежал, увязая в воде, к берегу.

— Потерпи, потерпи, — шептал он, пытаясь перезарядить магазин. — Сейчас, потерпи, моя хорошая, сейчас.

Выбежав из реки, положил Риту под обрыв.

— Где у тебя? Что?

Рита потянулась к правой ноге, и Сергей увидел на брюках выше колена темно-бурое пятно. Сорвав пришитый к рукаву индивидуальный пакет, неуверенно дотронулся до брюк.

— Надо снять, — сказал он, не глядя на девушку.

Она вцепилась в руку Сергея и испуганно замотала головой:

— Нет-нет.

Сергей понял, что она не даст обнажить ногу. Однако ножа вспороть брючину не было, и он, кляня условности, начал разрывать в брюках отверстие от пули. Рита подергивалась от неосторожных движений.

— Больно, Сереженька, больно, — прошептала она.

— Ой, да здесь царапина, — увидев пульсирующую кровью рану, постарался как можно беззаботнее сказать Сергей. Быстро наложил жгут и повязку. — У меня ранение было почти такое же, так что бери пример с меня и скоро будешь бегать. А через тридцать минут будут вертолеты, и мы отправим тебя. В Улан-Батор. Хочешь?

Рита прикрыла глаза: шутку принимаю, но не в силах ответить. Воронов быстро и цепко огляделся. Все время он ждал выстрела в спину, она занемела во время перевязки, и теперь не верилось, что все обошлось, что провокатор не воспользовался этой минутой. Но ведь уйдет, гад, уйдет!

— Ты иди, Сереженька, я теперь одна... дождусь «вертушек», — проговорила девушка.

Воронов обернулся. Рита смотрела на него и пыталась улыбнуться.

— Да ты что говоришь? — Воронов от неожиданности стал поправлять на Рите одежду. — Ну ты такое скажешь! Неужели думаешь, что я променяю тебя на «духа»?

Рита нашла его руку, слабо сжала.

— Я уже хорошо тебя знаю, Сереженька. Ты в первую очередь офицер и никогда себе не простишь, если он уйдет. И мне тоже, ведь это из-за меня... Иди.

— Нет, — отрезал Воронов. — Это я себе не прощу, если оставлю тебя!

— Ты меня меняешь не на душмана, а на чувство долга. И даже не меняешь, а ставишь выше. На мне будет гибель афганских товарищей, если ты его не догонишь. Догони. Ради меня. Я умоляю и прошу.

Сергей отрешенно мотал головой. Оставить Риту? Бросить раненой?

Рита вновь отыскала руку Воронова, прижала ее к груди.

— Дай мне только гранату. И беги. Нет, поцелуй меня.

Сергей, повинуясь, склонился над девушкой, осторожно коснулся ее пухлых, потрескавшихся губ. Рита чуть подалась к нему, и он принялся целовать ее глаза, нос, лоб, щеки.

— Беги, беги, милый, — прошептала Рита. — Я виновата, прости.

— Хорошо, я скоро вернусь, — отстранился Воронов. Достал три гранаты, одну положил под руку Рите. Вытащил пистолет, секунду подумал. У провокатора тоже пистолет, значит, издалека не возьмет.

Сергей снял с плеча автомат, тоже положил рядом с Ритой. Потом посмотрел на часы, сорвал второй пакет с бинтом, отбежал из-под обрыва. Торопясь, выложил на берегу из бинта крест, укрепил его камнями. Рядом разостлал свою куртку, сам оставшись в одной тельняшке.

— Через двадцать пять минут будут вертолеты. — Он вернулся к Рите. — Если я не успею, бросишь в реку гранату, чтоб заметили. Поняла? Место есть, сядут. А я вернусь. Догоню и вернусь.

— Возьми автомат, — тихо сказала Рита, указав глазами на оружие.

— Это тебе. Мой первый подарок.

Рита прикусила губу, но слезы уже хлынули из ее глаз, и она отвернула голову.

— Рита!

— Беги, — не посмотрев, мотнула она головой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Командир, посмотри-ка справа по курсу, — летчик-штурман даже привстал с сиденья, всматриваясь в русло реки. — Вроде крест какой-то мелькнул. Повторим?

Вертолет ведущего сделал разворот. Машина ведомого, задрав хвост, повторила маневр.

— Ишь, гарцует, — не то похвалил, не то пожурил новичка-напарника командир звена. — Где там крест?

— Да где-то мелькнул, а ухватить не успел. Белый вроде.

— Саня, ты что видишь? — откинувшись назад, спросил командир у бортмеханика.

— Вроде ничего, — неуверенно ответил тот, вглядываясь в иллюминатор.

Запросили ведомого.

— Ничего! — пропел тот, и командир вновь недовольно качнул головой, осуждая восторг молодого летчика от первого полета.

— Дали бы знак, — соглашаясь на ошибку и снимая свое подозрение, кивнул летчик-штурман.

Командир для очистки совести сделал еще круг и взял курс на долину...

Рита услышала шум вертолетов сквозь дремоту, вдруг навалившуюся на нее. Она с усилием приоткрыла глаза и в белесой, зыбкой пелене увидела расплывчатую точку «вертушки». Вертолет, качаясь, продвигался вперед, и Рита, улыбнувшись, открыла глаза шире. И тут же подхватилась, закричав от страха и боли — вместо вертолета на нее ползла гадюка.

— Мамочка, мамочка, — зашептала Рита, не смея отвести взгляд от темного упругого тела, скользящего среди камней.

Гадюка еще выше подняла голову-ладошку, как бы прислушиваясь к шепоту, и вновь наклонилась вперед.

Рита отшатнулась, рукой зацепилась за ремень автомата. Обмерла. Вдруг показалось, что вымытые половодьем корневища, водоросли, сучья — все это змеи, застывшие перед броском на нее. Представив, как они обовьют ее тело, девушка, теряя силы, вспомнила об оружии. Автомат лежал под рукой, и она, торопясь, сдирая с пальцев кожу, сдвинула вниз флажок предохранителя и нажала на спусковой крючок.

У змеи сразу же надломилась шея, голова прямо с высоты упала на камень. Гадюка, уже нацеленная на прыжок, в судорогах забилась на берегу. Рита не спускала палец с крючка до тех пор, пока не утих в руках автомат. Кусая от спешки губы, она перевернула перехваченные изолентой крест-накрест два магазина, втолкнула новый желтый штабель патронов в автомат.

Не теряя времени, она оперлась на автомат, встала.

Горы качнулись, но устояли, замерли. Подальше от этого берега, прочь отсюда, прочь, прочь...

Ей удалось сделать три шага: автомат подвернулся на камне-голыше и Рита упала на бок. На мгновение перестала ощущать себя, провалилась, исчезла куда-то, но тут же пришла в себя, открыла глаза.

— Сережа! — в отчаянии позвала она.

В кустарнике чирикали птицы, рядом недовольно бурлила река, еле слышно стрекотали вертолеты. Почему же они пролетели мимо? Неужели не заметили крест? Значит, они сейчас уйдут и вернутся лишь через два часа? А змеи? Нет-нет, пусть что угодно, но только не они, не они...

Она свернула к реке. Вода притушила огонь в ноге, но, чтобы не захлебнуться, Рита вновь встала. Ей удалось сделать несколько шагов к противоположному берегу, но автомат вновь подвернулся, и она, уронив его, рухнула в воду.

— Сережа! — крикнула она, захлебываясь, пытаясь отыскать на дне автомат.

...Крик этот ни на секунду не смолкал в ушах Сергея Воронова. Старший лейтенант понимал, что нереально слышать голос Риты, но она звала и звала его, и с каждым мгновением все сильнее звучали в нем мольба и отчаяние.

«Сережа!»

Он хотел оглянуться, прервать этот нескончаемый крик, но рядом цвиркнула по камню пуля. Воронов, не целясь, выстрелил в ответ, затем обрадованно припал к валуну: догнал! Пистолетный выстрел — это пятьдесят-восемьдесят метров, один хороший рывок. Догнал, догнал...

Сняв панаму, Воронов чуть выставил ее над камнем, поводил вправо-влево. Душман молчал. Видимо, на мякине его было не провести, всем этим уловкам он наверняка сам хорошо обучен. Значит, стрелять будет наверняка.

Справа высилась продолговатая скала, удобная для наблюдения, и Сергей примерился к ней. «Если добегу — будет отлично, а дальше посмотрим...»

Он напрягся для прыжка — и вдруг замер. «Сергей-воробей, Сергей-воробей», — ни с того ни с сего прозвучало в памяти, и он удивился не этой неожиданно вспомнившейся детской присказке, а той тревоге, которая таилась в слове «воробей». Сегодня, совсем недавно, он уже

слышал его, с ним была связана тревога — и это задержало, не дало ему броситься к скале.

«Воробей, воробей... Сергей-воробей, — искал причину тревоги Воронов. — Стреляный воробей... Воробья на мякине не проведешь... Вот оно! «Дух», если только он сидит в засаде, наверняка тоже приметил эту скалу и держит ее под прицелом».

Сергей оглянулся. Опасность требовала осторожности, и Воронов задумчиво сощурил глаза. Как пригодился бы сейчас автомат! А пистолет... что пистолет, с ним в дуэль играть опасно. Да и не до дуэли сейчас: в любом случае надо изъять списки. Сергей присел, стащил тельняшку, свернул ее в ком. Примерил на вес гранату, давая руке возможность привыкнуть к ребристой тяжести «лимонки». Как мастеровой, до последнего жеста знающий свою работу, неторопливо отогнул обнявшие запал усики предохранительной чеки. Вытер о брючину правую ладонь, вложил в нее гранату. Вытянул кольцо.

Все громче и чаще стало стучать сердце. Воронов, успокаивая его, отстранил от себя гранату, вслушался в тишину. Ее нарушал лишь легкий шорох ветерка. А где-то рядом, затаившись, лежал готовый к выстрелу враг. И не просто враг, а предатель, кому нет прощения ни у одного народа.

Сергей еще раз взвесил гранату, затем взял в левую руку пистолет, одежду. Глубоко вздохнул. Замер. И вдруг пронзительно вскрикнул, метнул тельняшку к скале, а сам бросился в противоположную сторону. Хлопнул выстрел, но Воронов не почувствовал того холодка в душе, когда стреляют именно в тебя... В тот же миг он увидел и привставшего из-за камня душмана. Метнул в него гранату, выстрелил.

Провокатор вскрикнул, отшатнулся, вскинул пистолет. Прятаться Воронову было не за что, и он просто упал, продолжая стрелять. Земля под ним дрогнула.

* * *

Ни криков, ни взрывов и выстрелов Уляшев не слышал. Казалось, не слышал он и кружащих над долиной вертолетов — майор неотрывно смотрел на молодого косматого парня, неизвестно когда и откуда появившегося на площади. Может, Уляшев вообще не обратил бы на него внимания, но толпившиеся около Анны Николаевны аксака-

лы вдруг замерли, торопливо присели на корточки, опустили головы. Разом присмирела детвора, в черные статуи превратились женщины.

Косматый медленно, не сводя взгляда с Уляшева, шел по площади. Правую руку он держал в кармане пиджака, и майор тут же вспомнил, как аккуратно, затвором вверх, положил он на коричневое сиденье БТР свой автомат. Неужели сейчас произойдет что-то непоправимое, и он, майор Уляшев, зависит теперь полностью от этого молодого парня? Неужели все, что делалось до этого, ошибка?

Парень направлялся к врачу. Он прошел в трех шагах от командира шурави, лишь на мгновение задержавшись около него и смерив с головы до ног взглядом. И тогда Уляшев, перехватывая инициативу, улыбнулся, дружески кивнул ему и показал руками к столику врача — прошу.

Видимо, это не было предусмотрено косматым, и он недовольно нахмурился, не желая принимать роль исполнителя. Но Уляшев уже подзывал Шевлюгу.

— Переведите ему, что врач готова оказать ему помощь, — кивнул он переводчику, одобрив взглядом, что лейтенант тоже держит руку в кармане. — Громко переведите, чтобы все слышали, — добавил он.

Шевлюга прокричал перевод, и Уляшев опять с улыбкой пригласил косматого к врачу. Тот, все больше хмурясь, вынужден был пойти за майором. Переводчик остался за его спиной.

И тут выдержка изменила парню. Помимо своей воли он несколько раз обернулся на лейтенанта. Заметив это, Уляшев улыбнулся теперь уже искренне: противник начинал проигрывать бой, хотя ни задач, ни масштабов этого боя майор пока не знал. Но он чувствовал главное — нельзя давать парню ощущать себя на площади хозяином, надо его подавить морально, подавить на глазах у жителей кишлака и банды.

Косматый, подойдя к врачу, торопливо выдернул из кармана руку и протянул ее отшатнувшейся женщине.

— Анна Николаевна, больной просит помощи, окажите ее, — медленно, успокаивая врача, проговорил Уляшев.

Ожог пальцев у парня был пустяковый, и, конечно же, не ради этого он шел на площадь. Но тогда зачем? Напомнить, что отряд задержался в кишлаке и пора знать честь? Но до встречи с «зелеными» еще три часа. Что же делать? Скорее всего надо успокоить главаря, который,

конечно же, следит за происходящим. Нервный противник — все равно что безумный: логику его поступков ни понять, ни предугадать невозможно.

— Шевлюга, — подозвал Уляшев переводчика. — Переведите, что через два часа, когда мы будем уходить отсюда... — Он сделал паузу и внимательно посмотрел на лейтенанта. Тот понимающе кивнул, но майор еще раз повторил: — Когда мы через два часа будем уходить отсюда, он сможет еще раз прийти на перевязку. Анна Николаевна, окажите внимание этому человеку, — хозяйски указал он на косматого и, стараясь как можно снисходительнее улыбаться, заложил руки за спину и вновь начал беззаботно мерить шагами площадь.

Однако от его внимания не ускользнуло, что, еще не получив свою долю риса, исчез с площади мальчик-пастух. Это насторожило: неужели есть связь между появлением косматого и исчезновением парнишки? Неужели это какой-то сигнал? А может, просто испуг?

Уляшев остановился около мешков, хотел спросить о пастушке у Чернявского, но тот вдруг замер, прислушиваясь к тонкому гулу бронетранспортера.

— Воронов? — не то удивленно, не то встревоженно раздалось у него за спиной, и Уляшев, оглянувшись, увидел Старчука.

Прапорщик напряженно смотрел на окраину кишлака, откуда, все усиливаясь, доносился гул машины. «Что это его так взволновало?» — мелькнуло у командира. Прапорщик вообще отличался умением исчезать или появляться на глаза в зависимости от настроения начальства.

Бронетранспортер Воронова осторожно выглянул из-за дувала и, не увидев ничего подозрительного, рванулся к площади. Обогнув майдан, медленно приблизился к арыку, наклонился к его холодной воде и замер.

Из люков высунулись Семен Козыро и Хайдар. Они посмотрели друг на друга, решая, кому идти докладывать, и на землю спрыгнул механик-водитель.

— Товарищ майор! — громко начал Козыро, но Уляшев остановил его жестом, взял десантника под руку и отвел в сторону.

Старчук тут же вспрыгнул на броню, заглянул в машину. Что-то спросил у оставшихся внутри БТР солдат, оглянулся на командира. Тот, бросая в арык камешки, слушал рассказ ефрейтора. Потом о чем-то задумался, поглаживая себя по голове. В другой момент это вызвало бы

у Старчука улыбку, но сейчас он старался не упустить из виду лицо командира: что отразится на нем, как вести себя?

Козыро, закончив рассказ, переминался теперь с ноги на ногу, ожидая указаний командира. А Уляшев все продолжал гладить свою стриженую голову.

— Что с Вороновым? Где Рита? — неслышно подошедший Торопов тронул Старчука за руку, и прапорщик от неожиданности вздрогнул.

— Да вроде вдвоем побежали за проводником в горы, — не оборачиваясь, передал он услышанное от солдат в бронетранспортере.

— Рита в горы? Что за глупости? — удивился переводчик, и прапорщик согласно пожал плечами: действительно, глупость. Он хотел еще что-то добавить, но Уляшев высыпал в арык оставшиеся камешки и оглянулся. Секунду смотрел на них, словно делая выбор.

— Малик, — позвал он Торопова, и прапорщик в ожидании замер: если командир называет подчиненного по имени, значит, задание трудное и к приказу добавляется уже и просьба. Обычно в самых трудных ситуациях звучало имя Старчука, почему же сейчас Уляшев, оберегавший переводчиков пуще глаза, изменил своему правилу?

Торопов и Старчук непроизвольно переглянулись, и прапорщик до вздувшихся на шее вен сжал зубы. Это все Воронов. С его приходом в отряд служба Старчука превратилась в ожидание замены. И вот дошло до того, что командир предпочел переводчика...

Офицеры склонились над картой, и прапорщик незаметно нырнул в люк звуковещательной станции. И уже оттуда наблюдал, как пожал Уляшев руку старшему лейтенанту, как тот не совсем ловко влез на БТР Воронова и майор постарался этого не заметить, отвернувшись к Анне Николаевне.

Бронетранспортер, потревожив задремавшую у себя под днищем тень, медленно тронулся с площади. «За Вороновым и Ритой», — догадался прапорщик.

* * *

Воронов в оцепенении смотрел с обрыва на нетронутые крест и куртку, распластанную около них гадюку.

— Рита, — позвал он вначале негромко. — Ри-та!

— А-а, — равнодушно передразнило эхо.

Придерживая иссеченную осколками полевую сумку Шевлюги, старший лейтенант скатился вниз. Он пока понял одно: если бы за Ритой приземлился вертолет, крест и куртку сдуло бы ветром. А раз нет — то Рита или где-то здесь, или ее...

— Рита! — опять крикнул он.

— А-а-а, — уже с насмешкой отозвалось эхо.

Сергей бросился вдоль берега, и через несколько шагов наткнулся на припудренные гарью стреляные гильзы. Склонился над ними, начал перебирать, надеясь найти хоть одну теплую. Но стреляли давно, может быть, даже сразу после его ухода.

— Рита-а! Ри-та-а!

Ничего в ответ, кроме эха. Гильзы были последними, что связывало с девушкой, и Сергей, не зная зачем, торопливо начал набивать ими карманы.

В это время и увидели его с другого берега Торопов и Назмутдинов.

— Рита у вас? — с отчаянием крикнул им Воронов.

Те недоуменно замерли, переглянулись и, ни слова не сказав, бросились к нему через реку. Поняв все, Воронов сел на валун и молча смотрел, как, высоко задирая ноги, перебегают реку Малик и десантник.

— Где Рита? — спросил Торопов, оглядываясь с тревогой по сторонам.

— Не знаю, — пожал плечами Сергей.

— Как не знаешь? Зачем ты ее с собой взял?

— Я не брал. Она сама.

— Так куда она исчезла? — пытался растормошить Воронова переводчик.

— Ее ранило в ногу. Она осталась вот здесь, на берегу.

— А ты?

— Побежал за проводником. Вот. — Он протянул сумку.

— Ты оставил ее раненую? — отстранился недоверчиво Малик, даже не взглянув на сумку. Разве можно сравнивать с ней человека!

— Она сама... — начал было Сергей, но усмехнулся: все Рита да Рита, а куда же смотрел и о чем думал он, офицер!

— Я приказал ей остаться здесь. — Воронов посмотрел на товарищей. Те поспешно отвели взгляды, и он опять

опустил голову: на их месте он бы сам презирал кого угодно.

— Надо ее искать, — принял командование Торопов, видя, что Воронов не способен ни к чему, кроме отчаяния. — Хайдар, пулеметчика с Козырой — в бронетранспортер, остальных — сюда.

Прочесывать берег и кустарник начали вверх по реке, потом на всякий случай вниз. И чем чаще поглядывал на часы Торопов, тем беспокойнее становился Воронов. В простреленной на груди тельняшке, с исцарапанными о кустарник лицом и руками, он бросался то в одну, то в другую сторону. Его тянуло и вперед, в еще не проверенные места, и в то же время, не доверяя солдатам, обходил и их участки. И все оглядывался на крест из бинтов, словно там хранилась тайна исчезновения Риты.

— Все, пора возвращаться, — уже не глядя на часы, сказал Торопов. — Через тридцать минут отряд должен выйти из кишлака.

— Я остаюсь, — тут же отрезал Воронов и протянул переводчику сумку Шевлюги. Торопов понял, что его решение окончательное.

Малик в задумчивости осмотрел берег, сгрудившихся рядом солдат, Воронова. Лицо Сергея с темными кругами под глазами было черным, губы нервно подергивались. Торопов, почти наверняка зная, что Уляшев не одобрит его действий, кивнул десантникам:

— Все остаетесь здесь!

Не отвечая на благодарный взгляд Сергея, Малик вошел в воду. Перейдя реку, оглянулся. Воронов расставлял солдат перед зарослями, и в его движениях переводчик уловил прежнюю уверенность того старшего лейтенанта-орденоносца, что только пришел в отряд и вызвал уважение своей решительностью. Человек сугубо гражданский, два года назад и не помышлявший о воинской службе, да еще в Афганистане, Торопов с завистью относился к сверстникам из кадровых офицеров. Для них, казалось, не существует сомнений, когда дело касается долга. Видимо, это чувство руководило и Вороновым, когда он принял решение оставить Риту, а самому догонять предателя. И потому, что сам Малик в этой ситуации скорее всего не смог бы оставить раненого товарища, он с еще большей осторожностью прикрывал локтями от колючек сумку с возвращенными списками партактивистов, хоть так выражая уважение к товарищу.

— В кишлак, — кивнул он Козыро, едва выбравшись из кустарника.

Семен, для лучшего обзора загнавший БТР на взгорок, снял машину с тормозов.

— Воронов есть, Рита пропала, — прокричал сквозь рев двигателя на немой вопрос ефрейтора Торопов.

БТР, кренясь одним боком к «зеленке», помчал в долину. Козыро железно придерживался правила не ездить дважды по одной колее, и старший лейтенант, веря в его нюх на мины, следил не за дорогой, а за кустарником. Неужели все-таки здесь прошли «духи» и наткнулись на Риту? Бросит Уляшев сюда на прочесывание отряд или все же важнее играть в кошки-мышки с бандой? Рита, Рита...

В зеленой ленте кустарника вдруг мелькнуло светлое пятно. Торопов высунулся из люка по грудь. И не поверил глазам: за бронетранспортером, ковыляя, бежал мальчик-пастух и махал руками.

Старший лейтенант дотянулся до люка механика-водителя, хлопнул Семена по шлему. Тот, сверкнув белками глаз, повернул зеленоватое от пыли лицо.

— Стой! — закричал ему Торопов.

Перепрыгнув с брони клубящуюся у машины пыль, он побежал навстречу мальчику.

— Командир, шурави ханум, — показал на заросли пастух, тяжело переводя дыхание.

— Рита? — схватил его за руку Торопов.

— Ханум, ханум, — закивал парень и потянул офицера за собой.

Сзади непрерывно засигналили, и старший лейтенант оглянулся. Козыро разворачивал бронетранспортер на «зеленку», пулеметчик показывал забытый офицером автомат. Напоминание было не лишним.

Рита, до подбородка укрытая старым, рваным платком пастуха, лежала под гранатовым деревом. Торопов пролез к ней под колючие, низкие ветви. Потрескавшиеся, припухшие губы девушки мелко подрагивали, вокруг прикрытых глаз темнели черные круги.

— Рита, — тихо позвал Малик, но девушка не шелохнулась. Не зная, что делать дальше, он оглянулся на присевшего рядом паренька, спросил по-афгански: — Где ты ее нашел?

Пастух, путая русские и афганские слова, кивнул назад:

— Я шел к овцам по берегу, она переходила реку. Упала. Я помог ей выйти сюда. Шурави хорош, дали бакшиш, я вам не враг. Бери ханум.

Торопов присел, осторожно поднял Риту. Веки ее дрогнули, но открыть она их не смогла и лишь еле слышно прошептала:

— Сережа...

Малик первый раз держал на руках раненого и из всего виденного и слышанного ранее помнил одно — их надо успокаивать.

— Все хорошо, Рита, все хорошо, — шептал он, стараясь осторожнее обойти торчащие сучья. — Сережа здесь, он рядом... А ты потерпи, потерпи, вот уже и дорога, вот и наши.

Козыро, увидев старшего лейтенанта с Ритой, осторожно, не поднимая пыли, подкатил БТР прямо к ним. Однако еще не успели открыть боковой люк, как Торопов, о чем-то вспомнив, посмотрел на часы и крикнул механику-водителю:

— Оранжевые дымы!

Козыро поднял голову вверх. Из-за гряды, словно застоявшиеся, вырвались две «вертушки». Над «зеленкой», опасаясь выстрелов, они резко взяли вверх, но продолжали держаться русла реки, словно хотели там что-то увидеть.

Торопясь, Козыро выхватил из кармашка за сиденьем сигнальный патрон, бросил его пулеметчику. Не теряя времени, разогнал машину на взгорок. Надо было не только обозначить посадку, но и помочь вертолетчикам отыскать безопасную площадку.

То ли от едкого дыма, пахнувшего в их сторону, то ли от неловкого движения Рита застонала.

— Быстрее, — крикнул Торопов вслед уносящему за собой оранжевый дым бронетранспортеру.

Не выдержав ожидания, понес Риту вслед за машиной. Сзади, нарастая, послышался рокот вертолета, и Малик обернулся, приподнял навстречу глазастым машинам девушку: «Да-да, посадку». Пастух замахал платком.

Вертолеты пошли на второй круг, но старший лейтенант уловил, что машины начали отрываться друг от друга: ведущий пошел вниз, а ведомый застрекотал, закружил наседкой вверху, прикрывая товарища. Торопов,

удобнее подхватывая Риту, заспешил к остановившемуся бронетранспортеру.

— Ну вот и все, вот и все, — стараясь не смотреть на пожелтевшее лицо медсестры, продолжал успокаивать ее и себя переводчик, — теперь выживем, обязательно выживем.

Вихрь от винтов сорвал у него шапку, ударил по лицу, связал ноги. У Риты заметались по лицу волосы, но руки у Малика были заняты, и он не мог поправить их, отбросить с глаз. Подскочил Козыро, и они вдвоем, заслоняя спинами Риту от ветра, понесли ее к вертолету.

Пока бортмеханик оттаскивал притороченный к проему двери пулемет, подбежал с раскрытой сумой пастух. На ходу копаясь в ней, вытащил банку сгущенки, в нерешительности повертел ее и положил на грудь девушке. «Чернявский дурак», — прочел на обертке шутливую надпись Петрова переводчик и взглянул на паренька.

— Бакшиш, — прокричал тот. — Шурави хорошо.

— Давай, — крикнул сверху бортмеханик, протягивая руки.

Старший лейтенант и Козыро подняли Риту, всунули ее в дверь. Малик хотел в последний раз взглянуть в лицо девушки, но вертолет в ту же секунду оторвался от земли, боком пошел от «зеленки», затем вверх и, дождавшись ведомого, устремился к гряде, из-за которой они только что вылетели.

* * *

«Неужели этот день когда-нибудь кончится?» — нервно тер затылок Уляшев, провожая взглядом вертолеты. До возвращения Торопова о неожиданной посадке «вертушек» можно было гадать что угодно, поэтому майор старался вообще ни о чем не думать. Но предположения одно нелепее другого вертелись в мыслях: «Убит Воронов? Ранена Рита? Ранены или убиты оба? А может, подрыв машины?..»

— Товарищ майор, — Старчук указал глазами на улочку, и командир внутренне вздрогнул: к площади шел косматый. Не сдержавшись, Уляшев посмотрел на часы. Нет, он не ошибся: душман шел на перевязку на сорок минут раньше. Главарь поторапливает с уходом?

— Заканчивайте, — обернулся командир к прапорщику.

Старчук, до этого осматривающий каждый коробок спичек и кусок мыла, подозвал Петрова, и они заработали в четыре руки, нагибаясь все ниже и ниже в коробки. Подбирал последние зерна с брезента и аксакал, отмерявший рис. Но на площади все словно оцепенели от страха. И Уляшев, глядя на уверенную походку косматого, на руку, засунутую в карман несколько глубже, чем в первый раз, почувствовал, что косматый идет хозяином, идет властвовать, а не подчиняться. Выбить его из колеи могла лишь новая неожиданность, совершенно непохожая на первую.

Бандит уже входил на площадь, и майор начал лихорадочно искать какой-нибудь ход против него.

— Эй, дуст *, — вдруг вскинул в приветствии руку Старчук и вышел навстречу косматому. — Прикурить не найдется? Спичек, спрашиваю, нет? Ну, спички, прикурить сигарету...

Прапорщик нес совершенную ахинею: позади у него оставалось еще пол-ящика спичек, но он говорил и говорил, не давая косматому ни оборвать себя, ни обойти. И именно этого душман, видимо, не ожидал: он готовился к схватке с командиром, первые жест, взгляд, слово принадлежали ему, и никак не прапорщику.

«Отлично, Витя, умница, — порадовался Уляшев. — Ты сейчас не просто прикуриваешь — ты ставишь точку в нашей работе. А вот и бронетранспортер Малика. Все!»

Уляшев впервые за сегодняшние сутки вздохнул глубоко-глубоко, до приятной боли в груди. Сегодня была не просто агитация — она была в окружении врага, и тот ничего не смог с этим поделать. Значит, враг слабее, и это поняли наверняка все. Предотвращено нападение на афганских товарищей, спасены чьи-то жизни — разве это не высшая доблесть солдата! Мы уклонились от боя — но это настоящая победа. А банде теперь не скрыться и не уйти. И не только от подразделений Народных вооруженных сил, но и от раздумий о дне завтрашнем. Как не вычеркнуть теперь из сознания жителей долины бесплатный рис, молитву Малика. И может, вспомнит вдруг при выборе пути мальчонка-пастух подарки десантников, ощутят вкус витаминок другие дети. Ведь невидимая борьба с главарем банды на этой площади шла именно за детей, за будущее республики.

---

* Дуст — друг.

Не обращая больше внимания на косматого, Уляшев вышел на середину площади, аккуратно заправился и громко скомандовал:

— Закончить работу. Приготовиться к движению.

* * *

...Костер затухал. Язычки пламени, боясь остаться один на один с ночью, торопливо прятались в трещины головешек. Первое время среди них находились смельчаки, они выскакивали из затаившегося жара в темноту, секунду-другую выплясывали на углях свой огненный танец. Но силы уже были слишком неравны.

— Значит, мы так и не увиделись, сынок. Прощай!

Сережа, застонав от боли, приподнялся на руках. И занемел от страха: только что вокруг костра сидели люди, протягивала руки мама — и вдруг все исчезло. И уже словно не пламя пряталось от ночи, а люди от него, оставив глупцом-несмышленышем плясать свой танец в густой темноте.

— Мама, — тихо, не желая сразу разувериться в одиночестве, позвал Сергей.

Из углей треснуло винтовочным выстрелом, затем с резким воем пролетела мина...

Выла самолетная сирена. Воронов, сбрасывая дремоту, повернулся к иллюминатору.

— Граница, — радостно сказал сосед, не отрываясь от оконца. — Дома!

Старший лейтенант откинулся на жесткую спинку сиденья, устроил поудобнее ноги среди наставленных в проходе чемоданов.

— Чего не рад? — толкнул локтем сосед.

Воронов, не отвечая, прикрыл глаза. В памяти сразу всплыли события последних дней...

«Хочу вам верить, Воронов, но мы обязаны еще раз все проверить, — начальник штаба части, чтобы не смотреть на подчиненного, сидел за столом вполоборота. — Поймите, вы оставили раненых — афганца и медсестру. Исчез ваш автомат». — «Но если спросить у Риты...» — «У Маргариты Робертовны мы спросим, как только узнаем, куда она попала на лечение. Вы же, по решению командования, возвращаетесь в Союз, к новому месту службы». — «Значит, мне не верите? Значит, я поступал неправильно?»

Начштаба впервые пристально посмотрел на Воронова.

«Вы боевой офицер, старший лейтенант. И, если честно, лично я не знаю, как бы поступил на вашем месте. В Афганистане трудно не только физически, здесь особые отношения между людьми, другие оценки наших поступков. Все намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Но послушайте совет старшего — не горячиться. Ваше отношение к службе на новом месте определит и отношение коллектива к вам, и дальнейший служебный рост...» — «Товарищ подполковник, — решился вдруг Воронов, уловив в голосе начштаба некоторую симпатию к себе, — разрешите просьбу. Личную. Как офицер офицеру».

Начштаба кивнул сразу, хотя было ясно, что после этого он должник старшему лейтенанту.

«Товарищ подполковник, разрешите прочитать рапорт командира отряда. Как его заместитель», — поспешил добавить он, облегчая старшему офицеру принять решение.

Подполковник внимательно посмотрел на Воронова, медленно достал связку ключей, безошибочно воткнул один в скважину сейфа. Затем уже решительно подтолкнул дверь коленом, распахнул ее, подал старшему лейтенанту зеленую папку.

Воронов быстро пробежал глазами текст.

«Я хочу глубже прояснить два момента, — сказал он, перевернув последний лист. Боясь отказа, поспешно произнес: — Здесь две неточности. Первая — Рита... Маргарита Робертовна не говорила категорически, что афганец умер. Она сказала: «Кажется, умер». После этого я приказал оставить его и трогаться дальше. Второе — свой автомат лично в руки медсестре я не отдавал. Я положил его рядом с ней. Поэтому за утерю автомата отвечаю один я».

Начштаба взял папку, посмотрел на рапорт Уляшева.

«Вы ведь понимаете, что ваши слова не будут идти в вашу пользу». — «Но правда не должна идти и во вред».

Подполковник неопределенно поднял брови и подал Сергею лист бумаги.

«Пишите...»

— Ты назад без возврата? — сосед-танкист все не мог успокоиться и вновь тронул локтем Воронова. — А все же жалко улетать. Как там ребята без меня...

Он не спрашивал, не требовал ответа — он разговаривал со своим прошлым уже из будущего, и Воронов позавидовал танкисту.

«Я доложил все, как было. — Уляшев в отличие от начштаба взгляда не отводил. Он даже встал из-за стола, чтобы не смотреть на Воронова снизу вверх. — Но думаю, что выполнение отрядом общей задачи и, в частности, возвращение тобой списков партактивистов покроют...» — «Что покроют? — не сдержавшись, перебил старший лейтенант. Котенок, испугавшись его выкрика, прошмыгнул между офицерами от печки к кровати, улегся рядом с нераспечатанными письмами для Риты. — Что покроют? — шагнул к командиру Сергей, специально переступив ту черту, где пробежала между ними кошка. — Вы, как командир, должны не просто описать обстановку и ситуацию, а дать им оценку. Почему вы этого не сделали в итоговом донесении?» — «Оценку даст командование части». — «Оно уже дало!» — Воронов хотел вытащить из кармана предписание к новому месту службы, но сдержался: командование ведь здесь ни при чем. Как начштаба не знает, что бы делал на его месте, так и он не уверен, был бы благосклонен к офицеру, оставившему раненых и потерявшему личное оружие. Поэтому, махнув рукой, развернулся и шагнул к выходу. В дверях столкнулся с прапорщиком, Старчук поспешно уступил ему дорогу...

— Куда назначение-то? — не унимался сосед-капитан. — Мне Московский военный округ, взяли в столицу. К ней-то хоть привыкнуть можно, не знаешь?

— Все привыкают, — ответил Воронов. — Мне в Прибалтику...

«Я верил в тебя всегда и верю сейчас, — бывший комроты, пришедший на аэродром проводить Воронова, крепко сжал ему руку. — Отыщется Рита в Союзе — и тогда узнаем об автомате. Я все же думаю, что она просто утопила или потеряла его в реке. Найдем. Удачи тебе». «Старший лейтенант Воронов Сергей Николаевич», — прочитал в списке на посадку стоящий на рампе самолета комендант аэропорта.

Сергей вытащил загранпаспорт, открыл его на визе «Возвращается в СССР», показал коменданту. Тот освободил ему дорогу, и Воронов шагнул в Ил. Место у иллюминатора еще было свободным, и он поспешил сесть около него. Отсюда была видна крайняя палатка их город-

ка, и сердце вдруг кольнуло. Почему именно ему выпала такая участь? Почему зачеркнуто все то, что было до этого агитрейса? Почему нет радости от скорой встречи с домом и даже с Ритой?

Из-за палатки выскочил бронетранспортер и на всем ходу направился к воротам в ограждении аэропорта. Видимо, кто-то опаздывал к самолету.

«Разреши рядом, — около Воронова остановился капитан-танкист. Он по-хозяйски устроился с другой стороны окошка. Уважительно оглядел салон. — Да, это не танк».

Вступать в разговор Сергею не хотелось, и он отвернулся к иллюминатору. И не поверил: от бронетранспортера к самолету бежал Козыро. В руке он держал конверт. И Воронов понял, что это ему. От Риты? Отыскалась?

Сергей подхватился, спотыкаясь о чемоданы и узлы, бросился к рампе.

«Нельзя, — остановил его комендант. — Посадка закончена, назад. Назад, это граница, товарищ старший лейтенант». — «Мне взять письмо», — показал Воронов на бегущего десантника, но самолет качнуло, рампа начала подниматься вверх.

Комендант в последний раз окинул взглядом отлетающих и спрыгнул на бетонку. Воронов, торопясь, протиснулся назад к иллюминатору. Козыро, поняв, что опоздал, остановился посреди аэродрома и махал конвертом...

— Слушай, а ведь приземляемся, а? — Капитан повернулся к Воронову, подмигнул. Потом схватился за чемодан, словно через минуту могла последовать команда на выход. — Приземляемся!

В салоне зашевелились, задвигали чемоданами. И только Воронов по-прежнему сидел, откинувшись на спинку сиденья. Лишь когда самолет встряхнуло при касании с бетонкой, Сергей резко выпрямился, поправил мундир и дружелюбно посмотрел на соседа.

— Жизнь-то продолжается, а, капитан?

Танкист удивленно посмотрел на Воронова, но кивнул охотно:

— А куда она денется, если мы остались живы на этом свете. Поживем — послужим.

●

ПОЭЗИЯ

Федор ИСАЕВ

СМЕРТИ НЕПОДВЛАСТНА

Поэма

Памяти комсомолки
Галины Романовой,
героически погибшей
в фашистских застенках

1

Галина!
Вспоминаю, сколько лет
С высот извечных протекло
безмерно
С тех пор, как ты свершила подвиг
свой,
И нет
Ему забвенья, —
Пробуждая души,
Он будет светлым,
Праведным примером
И будущее укрепит минувшим.

2

И видится мне образ твой опять:
Вот ты стоишь над утренней рекой,
И все на свете хочется обнять,
Когда на сердце майский непокой.

Подснежниковый взгляд из-под руки
Так нежен,
Так светло открыты веки
Всем бедам человечьим вопреки
И неподвластны
Всем смертям навеки.
И каждый раз безмолвно поражен
Я был девичьей чистотой твоею,
Которой
Этот светлый мир рожден
И пред которой человек добреет.
Для слов любви, что породнят сердца,
Для счастья материнства создавались
Черты такого нежного лица,
Они самой гармонией рождались,
И бархатных бровей твоих разлет —
Над вечно негасимыми глазами, —
Их свет ко мне из прошлого идет,
Они не все,
Не все еще сказали.
Все четче,
Все яснее твой портрет,
Твои черты
Сквозь годы проступают,
И смерти нет,
Той страшной смерти
Нет!
Иной тебя не знал я
И не знаю.
Стремит ко мне тот неотрывный взгляд
Иную жизнь,
В которой нет предела,
И не свернуть,
И не уйти назад, —
И жизнью всей твое продолжить дело, —
Наполнено оно теплом твоим,
Которым наш тревожный мир храним.

3

Как лето разлилось в родном краю!
И вижу,
Вижу я судьбу твою,
Вот скоро ты окончишь институт,

Ты знаешь, как врачи нужны Отчизне,
И выбран был тобой нелегкий труд,
И будет жизнь твоя —
Во имя жизни.
И новый миг безмерно озарит
Тебя любви счастливым многоцветьем.
...И алый мак свою главу склонит
К дороге,
Что освящена
Бессмертьем.

4

Вот ты опять в косынке голубой
Бежишь отца встречать с тяжелой смены,
Как и вчера, с улыбкой неизменной,
И песня неразлучная —
С тобой.
Отец погладит бережно косу:
— Опять поёшь ты, милая Галинка! —
И, рассыпая легкую росу,
Ведет их к дому светлая тропинка...
— О чем ты, дочка, думаешь?
— О чем? — серьезно дочь отца
переспросила. —
Когда бы не решила стать врачом,
Я песни бы по свету разносила.
— Дочь, в каждом деле верной быть сумей
Ты песне главной выбранной своей!

5

Вот счастье наполняет отчий дом,
Такой же теплый и родной, как прежде,
И Галя в нем взрослеет с каждым днем
С родительской любовью и надеждой.
Как смысл жизни светел и высок
Был для нее,
И мир вокруг чудесен...
Но вот фашистский кованый сапог
Встал на порог,
И стало не до песен.
Предательское слово привело
Сюда врага и указало имя.
И молодую повели «рабыню»,

И горе в хату Галину вошло...
И вот состав над выжженной землей
Увозит юных пленников в Европу.
Германия.
Вильдау.
За спиной
Чужих ветров тревожный, черный шепот...
Концлагерь. Рядом женщина.
— Не плачь,
Мы все здесь по беде своей собратья, —
Ей говорит двадцатилетний врач:
— Нет-нет, не собираюсь умирать я. —
И поклялась тогда она себе,
Что да пребудет с нею месть святая,
Коль есть ты,
Жизнь,
Будь отдана борьбе,
Ведь без нее
Судьба другой не станет.
Тянулись к ней и немцы, и французы,
И каждый сердцем понимал своим —
Зов дочери Советского Союза
Был братским зовом,
Был для всех родным.
И отблеском иных грядущих дней
В глазах жила любовь, надежда, вера,
И сила ежечасного примера
Боролась за несломленных людей.
Но понял враг — жесток народный суд,
Страшны слова «в свободу, братья, верьте», —
И девушку эсэсовцы везут
Полночною дорогой в «лагерь смерти».

6

Ораниенбург над твоею судьбой
Простер свои черные крылья.
Галина! Галина! Что будет с тобой?!
Враги ничего не забыли.
Да только советский характер нельзя
Сломить униженьем и болью,
И здесь ты в борьбе,
И с тобою друзья,
И правда Отчизны с тобою.

И ты понимаешь, что дело не ждет,
В единственно верном стремленье
Призыв твой в подполье ведет —
В «Союз сопротивленья».
Поднимутся головы сотен людей,
Им Галино слово напомнит:
— Пока есть борьба, будем первыми в ней,
Никто за нас долг не исполнит. —
И бой продолжался —
Невидимый бой,
И гибли, живых укрепляя
В нетленной надежде и вере святой,
Победу и мир приближая.

7

Горит свеча.
В глазницах палача
Звериный взгляд в жестоком нетерпенье:
— Романова! Ты будешь отвечать,
Кто есть еще твое «сопротивленье»?
— Я вам отвечу,
Что слепая смерть
Прозреет скоро
И придет за вами,
Что счастье в жизни — Родину иметь
И ненавидеть вас ее глазами!
— Мольчать! С лица земли твоя страна
Исчезнет навсегда с твоим народом!
Ты скажешь, комсомолка, имена
Рабов, что захотели на свободу,
Пока еще горит твоя свеча,
Пока не рвет игла тугую кожу?! —
Плюет Галина в морду палача,
В бесчувственно оскаленную рожу.
...Глаза от боли адской стали шире,
Но голос воли приказал: «Молчать!»...
Тогда ее заставили стоять
Перед портретом фюрера... и били
Три дня, три ночи долгих и бессонных,
Где сил набраться, чтоб не закричать
В бессилье
И хранить в зрачках бездонных
Все ту же веру и приказ «Молчать!».

8

Бурлил апрель.
И жизнь брала свое.
И шла по миру светлая Победа,
Все ближе люди слышали ее,
Желанный мир спешил за нею следом.
Свою погибель чувствуя уже,
Фашизм сводил свои с борцами счеты,
И встали на смертельном рубеже
Измученные пыткой патриоты.
И среди них достойным вожаком
Была, как прежде, гордая Галина
И думала:
А где-то далеко
Есть Днепр величавый и былинный,
И упрекнуть ей не за что судьбу,
Жаль только, лет отпущено немного
На эту справедливую борьбу,
На праведную главную дорогу.
Хотелось бы дожить и победить,
Свой путь победой полной подытожить...
— Да, папа, я сумела верной быть
Той песне, что душе всего дороже! —
И видится Галине отчий дом,
Днепровские задумчивые рощи,
Где в двадцать лет любовь и счастье прочит
Ей жизнь,
Склонясь над девичьим окном.
...И памяти кровавая волна
Захлестывает прошлое,
В избытке —
Мучения,
И снова тишина,
И снова ад переносимой пытки...
— Не слишком веселитесь,
Господа!
Я этой жизнью краткою горда
И тем горда, что Родине своей
Все, что могла, до смерти отдавала,
Что с самых первых до последних дней
Во мне — ее бессмертное начало,
Что именем ее означен путь
Ее детей на этом белом свете,

С того пути немыслимо свернуть,
Когда за честь Отчизны ты в ответе.
Нет-нет, не мой,
А ваш последний час
Пробил уже,
Я точно это знаю,
Пред небом и землей в последний раз
Я вас проклятьем вечным проклинаю!

9

Товарищ!
Если будешь в тех краях,
Где Днепр несет потоки вод лучистых,
Взойди на тот прямой высокий шлях,
Которым Галя шла светло и чисто.
Тебе о ней поведает вода,
Деревья над водой,
Седые хаты,
Что ныне так же Галя молода
И только что пробил ей год двадцатый.
...По улице Романовой идти
И память сохранять в сердцах горячих
Нам выпало,
И не прожить иначе
На этом продолжаемом пути.
...Возьмет мать довоенную косу,
Галинкину, пшенично-золотую,
Опять уронит горькую слезу
Тяжелую, горячую, святую...
А за окном апрельская вода
Все так же широко и величаво
Бежит через века, через года
И омывает вечную державу.
А путь ее — основа всех основ,
Его по зову сердца выбирали.
И все ясней средь новых голосов
В той главной песне
Чистый голос Гали.

Перевел с украинского И. ЖЕГЛОВ

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН

ОБРЕТЕНИЕ

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК

Этот деревянный городок,
Как в колодце свежем вороток.

Крутятся, торопятся года,
Булькает в бадейке стынь-вода.

И века летят из-под стрехи
Пышущие жаром петухи.

Ставней и карнизов кружева.
Сказа память русская жива.

У калитки — девушка, она
Будто на ладони вся видна.

К ней одной из дальней стороны
Скачет, скачет витязь через сны.

ЗВЕЗДНАЯ ВОЛЯ

1

Опять я в родной стороне.
Шумите, березы и сосны.

Приятно, как в юности, мне.
И думы кипят, светоносны.

И нет на пути небылиц.
И ветер не пахнет войною.
И шум иноземных столиц
Банально утих за спиною.

Пусть волосы горькая стынь
Осыпала щедро в дороге,
Нигде не предавший святынь,
Я вновь на семейном пороге.

Заохала старая мать:
«Спасибо!
Приехал, сыночек!»
И так мне легко понимать,
Зачем она, плача, хлопочет.

Зачем на виду у сестер,
Со мной за границей не встретясь,
В окошко, румян и хитер,
Подмигивал искренне месяц.

2

Тропа моей жизни крута.
Мотало,
корежило,
било.
Ни ясность мою ни черта,
Ни дерзость мою не сгубило.

Колышется древний простор —
Отрада для сердца и взора.
О мудрые головы гор —
Под синью там плещут озера.

Когда загорится роса,
Задремлет в закате округа,
Приду я к могиле отца
И к раннему холмику друга.

Покорно и низко склонюсь,
Сберегший в борениях имя.

И, если я в чем провинюсь, —
Покаюсь, но лишь перед ними.

Один постою помолчу.
Любую травинку примечу.
И утром в грозу улечу,
И даже за мертвых отвечу.

В сужденьях и в чувствах прямой,
Я зря не привык суетиться.
Ведь главное — к детству, домой,
К друзьям хорошо возвратиться.

3

У берега чуждых морей
Я тешился мыслью простою:
«Я многих скромней и добрей,
Поэтому дорого стою!»

Не надо настырных улик.
Стремящийся ведает право
На собственный шепот и крик,
На исповедь гордого нрава.

И странствий услада нудна.
А русская память и доля
Нам доблестью предков дана,
Как соколу — звездная воля.

И тем защищен я вполне
От злобы и зависти шалой —
Внезапная женщина мне
Еще улыбнется, пожалуй.

Ревнивому — ссора близка.
А верному — пламень мятежный
И вечная
в мире
тоска
По самой красивой и нежной.

ВЗЯТЬ ЗА КРЫЛО

Все одолеешь, море и пустыню,
Леса возьмешь и горы на пути.
Но если вдруг душа твоя остынет —
Ее снегов уже не перейти.

Так широки и так они ледяны,
Куда ни глянь —
стальные берега!
Я позабыл веселые поляны,
Родные соловьиные луга.

Простор кровавым месяцем расколот,
Как топором.
И в бездне темноты
Сосет мне разум непреклонный голод
Тоски — потрогать теплые цветы.

Склониться бы к родительским могилам.
Послушать деревенскую гармонь.
И душу тронуть пескариным илом.
Взять за крыло вечеровой огонь.

Мы забываем, восходя на кручи,
Вбегая в корабли и поезда,
Зовет нас то,
что человека мучит, —
Свет памяти и совести звезда.

Они горят в сознанье обоюдно,
Под каждой доброй крышею в чести.
Зовет нас то,
что потерять нетрудно,
Но невозможно снова обрести!

УСЛЫШЬ СЕБЯ!

Со злом борясь, я вызываю зло,
И вынужден в пути ожесточаться,
И с недругами доблестно встречаться,
А мне на них действительно везло.

Везло, когда неопытен, один
Я пробивался к своему призванью;
И верилось грядущему признанью,
Что правоте кутузовских седин...

Прекрасное Отечество мое:
Москва,
Урал
и Куликово поле, —
Народа предрекающая воля
И ратника горячее копье!

Я утомлюсь и припаду к траве
Одуматься, чуть-чуть остепениться.
Звенит ковыль, волнуется пшеница,
Орел раскинул крылья в синеве.

Ничьей не позавидую судьбе.
Не поманит к себе чужое море.
Всего, всего,
и радости, и горя
В родном краю — достаточно тебе.

И я опять приподнимаюсь в рост,
Сыновней растревоженный виною, —
Над вечной,
гордой,
нежною страною,
И звездный мир понятен, как погост.

От той черты, где сгинула орда,
И к нынешней, до пращура и внука,
Прокатится через меня беда
Со скоростью космического звука.

ХОЛМ БЕССМЕРТЬЯ

1

Через этот холм
Прошли бандиты,
Конница
Наместника аллаха.

Сколько здесь
Порубано,
Побито,
Под пятой поганой
Пало прахом?

Через этот холм
Иван Сусанин
С ляхом брел
В смертельное болото.
Армию французскую
Кромсали
Казаки.
И в бой
Рвалась пехота.

2

С этого холма
Вскочил
Матросов,
Шапку снял
И дот закрыл собою.
Здравствуй, холм,
Земля великороссов,
Видишь, тучи
Кружат над тобою?

Твой народ
Кому-то неугоден,
Помешал
Разбойничать
Кому-то.
Значит, быть
Кровавой непогоде, —
Палачей
Одолевает смута.

Недруг жизни
Лютей Чингисхана
Беды шлет
Отравные
И муки.
Неспроста заря

Проснулась рано —
Ты один у нас
На главном круге.

Сокрушат тебя,
И чудо рухнет:
Звезды канут
В темноте безбрежной.
Здравствуй, холм,
Вовеки не потухнет
Твой огонь
Страдальчески-
Мятежный.

Зашуми-ка
Травами, лесами,
Богатырь,
Защитник наш и воин.
Приползут
На покаянье сами,
Кто его
Действительно
Достоин...

3

Холм славянский,
Родины основа,
Знаю я,
Ты вечен
И прекрасен.
С высоты твоей
К потомкам слово
И доныне держит
Стенька Разин.

В море синем,
В побуревшем
Небе ль
Парус гнева
Мечется без крова.
И тоской набухнул
Каждый стебель
По рубахе
Яростно-багровой.

На слезах
Вскипают пенно воды,
Ни моста
Не сладить,
Ни парома.
И по Волге
В океан свободы
Поплывут челны
За песней грома.

Холм, ничто тебя
Не порешило,
Ты стоишь в просторах
Звонких мая.
Мне б на миг
Подняться
На вершину,
Встречный ветер
На пути ломая!

ПРОЩАНИЕ

Памяти В. Д. Федорова

Вот и ты лежишь
В земле родимой,
Навсегда суров
И молчалив.
А в сибирской
Шири лебединой
Реют зори,
Плещется залив.

Ветер сник
На поле Куликовом.
И теперь в Москве
Не видишь ты,
Как по древним
Тропам Ермаковым
Прорастают
Красные цветы.

Свет — призванью
И терпенье — людям.

Умираем здесь,
А не гостим.
Нужные заветы
Не забудем.
Грубые обиды
Не простим.

Не сбегали мы,
Не уезжали,
Хорошо иль плохо —
Все одно.
Нам нигде с тобой
За рубежами
Смысла и покоя
Не дано.

Ведь от совести
Не отпереться,
В тайниках судьбы
Не скрыть ее.
Кто стрелял
В твое больное сердце,
Тот сегодня
Ранил и мое.

Снова грозы
Даль приоросили,
И над миром
Встала синева.
Длинные
Бессонницы России
Перельются
В думы и слова.

Перельются,
В душах отзовутся,
Тихо вспыхнут
Звездами в ночи.
И к твоей могиле
Прикоснутся
Их неодолимые лучи.

Сергей БЫСТРОВ

РОДНОЙ ПРИЧАЛ

Короткие рассказы

Рис. В. Завьялова

ЭТА МЕТЕЛЬНАЯ НОЧЬ

Свет уличного фонаря за окном то ярко вспыхивал, то затухал под снежной пеленой. Фонарь всю ночь болтался из стороны в сторону, скрипел и норовил оборваться.

Несколько раз Виктор Иванович Банников просыпался. Всякий раз из-за этого фонаря. Из-за его поблескиваний и скрипа. Из-за того, что свет фонаря был очень похож на всплески корабельного прожектора. Виктору Ивановичу казалось, что он всю ночь видит эти вспышки, пробивающиеся сквозь снежные заряды. Они надвигаются на него, стоящего на пирсе, выхватывают из темноты...

В конце концов Банников не выдержал. Сунул ноги в тапочки, зажег настольную лампу, сел за письменный стол. Торопясь, будто опасаясь забыть или отвлечься, достал бумагу, ручку. Быстро заполнил правый верхний угол, посередине написал: «Рапорт». Перо скользнуло к началу строки: «Прошу освободить меня от должности командира корабля с переводом на штабную работу...»

Рука остановилась. А дальше? Виктор Иванович помедлил и понял, что дальше он толком ничего не надумал. Сколько раз казалось, что причины, которые надо сейчас указать, твердо сформулированы, а теперь... Перо в руке требовало какой-то новой убедительности и точности.

Виктор Иванович откинулся на спинку стула. Убедительность, точность... Он прикрыл глаза рукой, хотел повернуться вместе со стулом, но вспомнил, что это не центральный пост. Обвел взглядом свой кабинет. Удивительно: комната вдруг показалась ему почти незнакомой. Книги, которые, кроме сына, никто не трогал, диван, на котором Виктор Иванович ночевал, когда хотелось остаться наедине с собой, письменный стол, за которым ему и посидеть-то толком ни разу не пришлось. Над письменным столом, на стеклянной полке — миниатюрная флотилия подводных кораблей. Вот это знакомо, потому что принесено оттуда, где вся его жизнь. Черные пластмассовые макеты подводных лодок с белыми ватерлиниями, с красными шпигатами в легком корпусе. На всех Банников служил. Сейчас молодые командиры начинают не так. Лейтенантами приходят на атомоход и до капитана 1-го ранга — без остановок.

Впрочем, Виктор Иванович никогда никому не завидовал. Его командирская школа была посложнее, подлиннее и, как он считал, поосновательнее. Недаром о нем говорили как о лучшем командире-тактике в части... До вчерашнего дня.

Виктор Иванович ощутил горечь во рту. Воздух комнаты показался ему спертым. Чудилось: плечи, грудь стискивает, сжимает что-то невидимое, тугое. Так на подводной лодке иногда чувствуют себя новички. И хочется сорвать эту сковывающую пелену, глотнуть чистого воздуха. Банников сдвинул прозрачную занавеску, приоткрыл окно.

Ветер точно ждал этого, со свистом ринулся в домашнее тепло. Пол, подоконник вмиг оказались густо осыпанными брызгами снега. Виктор Иванович подождал немного и притворил раму.

Он почувствовал, что продрог. Накинул на плечи китель — надо же, как быстро расслабляется человек в тепле. Наверное, потому, что чувствует — есть куда отступить. И совсем другое дело, когда отступать некуда.

Воистину, отступать некуда, когда ты в центральном посту. Сколько раз Виктор Иванович уходил на своем корабле в бой. Разумеется, в учебный. Но разве думает об этом командир, разве щадит он из-за этого свои нервы, разве ищет в этом успокоение? Нет, он живет этим боем, как первым и последним. Он без оглядки выжигает свои силы — все, что накопил. Будто действительно вопрос стоит так: жизнь или смерть. Будто сходня и взаправду может больше никогда не лечь на крутой бок корабля.

— Дуэльный бой, Константин Сергеевич, — говорил капитан 1-го ранга Банников своему старпому, — нельзя провести плохо или хорошо. Его можно провести блестяще или проиграть. Не улыбайтесь, капитан третьего ранга, это, быть может, самое главное, что надо понять будущему командиру атомного корабля.

— Я это понимаю, — зардевшись, отвечал старпом.

Беловолосый, с густыми светлыми усиками и серыми глазами, он всем казался моложе своих молодых лет. Наверное, и самому себе. Поэтому в командире он видел не только начальника, но и старшего по возрасту. Капитан 3-го ранга Кириллов с искренним уважением относился к Банникову, к умению того тонко и вдохновенно работать в центральном посту. Старпом невольно стал подражать командиру, смущаясь, когда это замечали подводники. По этому поводу у них с Банниковым даже состоялся разговор.

— Вы не стесняйтесь, Константин Сергеевич, когда в чем-то становитесь похожими на командира, — говорил Банников.

Они возвращались вдвоем с корабля. Был прозрачный летний вечер, о котором в Заполярье узнаешь, только взглянув на часы.

— Вот посмотрите...

Они разом обернулись. В молочно-белой бухте у пирсов, как киты возле фантастических кормушек, чернели атомоходы.

— Вы посмотрите, — повторил Банников, — у каждого из них свой характер. Вы ведь и сами знаете. 305-й хитер, 306-й осторожен, расчетлив...

— Как их командиры, — улыбнулся Кириллов.

— Вот именно. И ваш корабль тоже будет иметь свой характер.

Старпом опять улыбнулся.

— Конечно, к тому времени вы уже обретете себя, вам не надо будет на кого-либо походить. Вы и от меня возьмете, что покажется нужным, а дополните своим собственным характером, своим талантом.

Капитану 1-го ранга Банникову было приятно учить его, чувствовать, что молодой старпом схватывает все на лету. Приятно было выходить с ним в море, ощущая уверенность, что их экипаж никто не осилит.

Так оно и было. Атомоход Банникова неизменно возвращался победителем из всех боев под водой.

А потом старпом ушел с корабля. Для Виктора Ивановича это оказалось неожиданным: и то, что Кириллову вдруг предложили командирскую должность, и то, что он согласился. Наконец, то, что старпом даже не посоветовался с ним. Потом, правда, извинился. Сказал, что не мог решиться на такой разговор.

Виктор Иванович не показал своей обиды. А внутри не утихала непонятная боль. Непонятная, потому что он не мог, да и не хотел сознаться, что же сильнее всего задело — неоткровенность Кириллова или то, что он, пусть толковый, пусть «академик», будет назначен командиром такого же атомохода, как у него. Без многолетнего, как у Банникова, опыта, без проверки на других кораблях, прямо после старпомства...

Капитан 1-го ранга Банников построил экипаж. Сказал хорошее напутственное слово Кириллову. Откровенно признался, что лучшего старшего помощника у него не было. Потом проводил капитана 3-го ранга на пирс. Но, пожимая руку, не удержался:

— Сколько вам лет, Константин Сергеевич?

Старпом понял, густо покраснел. Но поднял глаза и твердо ответил:

— Вы же знаете, товарищ командир. Тридцать два.

Случилась пауза.

— Это хорошо, когда тридцать два, — прервал молчание Банников. Он поднял руку к козырьку. — Прощайте, старпом!

По разным причинам прощаться было тяжело. Но Виктор Иванович тогда и подумать не мог, что еще тяжелее будет для него встреча с Кирилловым. С Кирилловым — командиром корабля.

А произошла эта первая их встреча вчера.

...Кириллов возвращался из дальнего плавания. Но, прежде чем вернуться в базу, он должен был встретить-

ся в дуэльном бою с подводной лодкой и выполнить торпедную стрельбу. Этой лодкой, чего, конечно, капитан 3-го ранга не знал, оказался атомоход капитана 1-го ранга Банникова.

Задраив рубочный люк, Виктор Иванович легко спустился в центральный пост. Снял альпаковку, шапку. Дал добро принимать балласт. А себе сказал: «Все! Кириллов остался там, наверху. А под водой у меня есть «противник». Просто «противник».

Как обычно, капитан 1-го ранга Банников сел в свое вертящееся кресло, из которого никогда не поднимался до конца боя. Он подготовился к схватке еще на берегу. А теперь слегка прикрыл рукой глаза. И лодка пошла в район.

Сколько раз вот так входил он в район, чтобы один на один скрестить свое оружие с «противником». Сколько крутилось в его голове вариантов, приемов, комбинаций, засекал точки возможных встреч и почти не ошибался. А если случался промах (Банников программировал и такой вариант), он был готов начать игру сначала.

Лодка слушала, слушала, слушала. Винты работали тихо, рули перекладывались плавно. Банников сразу отсек в своих приемах все, что было так хорошо усвоено его бывшим старпомом. Виктор Иванович импровизировал, потом вдруг переходил к «наезженному» варианту, так же внезапно прерывал его, делал неожиданный маневр...

Время бежало, проскальзывало, как песок сквозь пальцы. И это было естественно. И все ради того, чтобы не упустить, не прозевать, не подарить сопернику один короткий миг.

Они оба обнаружили друг друга. И может быть, одновременно сжалось у обоих сердце, может быть, одновременно крикнули они в микрофоны: «Учебная тревога! Торпедная атака!»

Капитан 1-го ранга Банников слышал, как гидроакустик докладывал изменение пеленга на цель. Он видел «противника» сквозь сталь корабля, сквозь толщу воды. Банников уворачивался, маневрировал и ложился, ложился на боевой курс.

Уже казалось — он протянул руку под ставшею маленькой, как рыбешка, как игрушечный макетик в его комнате, подводную лодку «противника». Осталось только рывком сжать пальцы. Но вдруг акустик замолчал.

— Акустик! — крикнул Банников. — Пеленг?

Он почувствовал, что наступило решающее мгновение.

— Контакт потерян, — глухо доложил акустик.

А потом они услышали шум торпеды...

Виктор Иванович отошел от окна.

И не в том досада, что проиграл. На поражениях учатся. Но учатся молодые, у которых все впереди. А когда проигрывает ветеран — тут что-то другое. Что?

Он услышал, как вздохнула за стеной жена. Не спит. Виктор Иванович погасил свет и лег на диван. Зажмурился, попытался заснуть. И снова мигнул сквозь снежные заряды луч прожектора — это швартовался атомоход Кириллова. А пришедший на несколько часов раньше капитан 1-го ранга Банников вместе со всеми встречал его на пирсе.

Корабль был уже совсем близко — кабельтов-два, когда Виктор Иванович неожиданно для себя повернулся и пошел прочь. Он уходил и знал, что будет стыдиться своего поступка. Уходил и ничего не мог поделать с собой.

Никто не окликнул Банникова, не остановил, хотя он чувствовал на себе взгляды и желтый луч прожектора, который, казалось, поймал его и ведет, не выпускает...

* * *

Сначала он не понял, откуда этот резкий звонок, потом сообразил — телефон. И, протягивая руку к аппарату, успел взглянуть в окно. Ветер успокоился, шел тихий снег. Ровно горел уличный фонарь, его желтый свет от столба до земли был весь в серебристую полоску.

— Товарищ командир! — Это был голос Вестника, нового старпома. — Вы с утра будете в штабе? Мне действовать по плану или...

— Или, или! — резко прервал Банников, но, спохватившись, прикрыл ладонью трубку: — Надо приучаться к самостоятельности, старший помощник. Какой же командир выйдет из вас, нерешительного? Кому названивать будете ни свет ни заря?

Банников глянул на часы. Однако надо собираться.

Прямо от подъезда начинался чистый, не тронутый следами снег. С пригорка открылось море. Оно лежало в белом блюдце берегов, черное в сумеречном рассвете. Горстками отражались корабельные огни, атомоходы стояли у пирса.

Банников остановился. Он вспомнил, о чем однажды говорил здесь с Кирилловым. Как быстро уловил тот его мысль.

Надо было идти, а Виктор Иванович стоял и смотрел на корабли. На тот, который привык называть своим, и еще на один, стоявший вторым корпусом, — атомоход Кириллова.

Сзади послышался скрип шагов. Виктор Иванович обернулся, узнал Вестника. Старпом выглядел смущенным и с облегчением пожал протянутую командиром руку. Хотел что-то сказать, но Банников опять повернулся лицом к бухте. Старпом встал рядом.

Виктор Иванович смотрел на корабли и в то же время видел тонкий, чем-то похожий на кирилловский профиль нового старшего помощника. И, удивляясь, заметил, что сопоставляет сейчас атомоход и этого молодого человека.

— Все корабли издалека кажутся одинаковыми, — кашлянув, сказал старпом.

— Да, похожи, — ответил Банников. Помолчав, добавил: — Но у каждого свой характер.

Старпом согласно кивнул и заметил, как теплеет хмурое лицо командира.

— Пойдемте, поговорим по дороге, — сказал Виктор Иванович.

Они медленно спускались к бухте. Иногда Банников останавливался, жестикулировал. Он видел внимательное лицо старшего помощника и уже совсем забыл про начатый рапорт, для которого так и не нашлось убедительных причин. Вспомнил лишь вечером, отправляясь домой. И усмехнулся: так и должно быть. Ведь если проигрывает ветеран, совсем не значит, что он сдается. Просто у него оказались хорошие ученики, и поэтому он еще больше нужен морю.

МОРЯКУ НУЖЕН ДОМ

Мы грезили берегом. Можно было уже грезить. Мы знали, что выдюжим оставшиеся несколько дней. И все сдерживаемое долгие месяцы теперь хлынуло потоком воспоминаний, тоски, радости.

Однако плавание продолжалось. Оно еще давило в легкие тяжелым отсечным воздухом.

Когда подводная лодка шла Корейским проливом, мы почтили у Цусимы мужество русских моряков. Матросы сразу притихли, замкнулись в себе. Мы думали — как здорово, что тысячи миль похода позади. Что не оказалось дрогнувших. И что в отсеках наконец-то стало прохладнее. Не как в тропиках.

Но вот после вахты офицер привычно заскальзывает в постель, которая в одном ряду с матросскими, и закрывает глаза под неумолчный гул дизеля. Тут мысли другие. Они как сладкое, оставленное на десерт.

Я думаю о том, что приду в базу и сразу женюсь.

Сразу кажется, что пахнет сиренью. Это я засыпаю. И мыслям о женитьбе конец. Только пахнет сиренью. Она белыми облаками проплывает в зеленой гуще берегов. А берега плывут в глубоком небе и тихоокеанской воде. Мы около родной бухты. Нет, это сон. Жаль, но еще только сон.

Зато когда меня будит матрос и виновато говорит: «Товарищ лейтенант, пора вставать», я встаю запросто, потому что есть предчувствие чего-то необыкновенного. И не ворчу, как обычно, на Кругликова, заворачиваясь в простыню с головой: «Сколько раз говорить! Не дергайте за ногу! Человек вы или нет?» Я улыбаюсь и думаю — надо спросить у штурмана, сколько осталось до хорошо знакомого нам мыса — первого каменистого кусочка родной земли на нашем пути домой с юга.

А уж когда Кругликов напоминает: «Обедать скоро, товарищ лейтенант», это просто приятно.

Тесная кают-компания кажется огромным залом. У всех круглые лица, даже командир щурится.

Как все меняется к концу похода. Словно не надоели мы друг другу до чертиков, а наоборот, после долгого расставания впервые встречаемся за этим столом. Наш молодой политработник превратился в настоящего морского волка. Этот парень подводную лодку изучил назубок, чем снискал расположение всего экипажа. Сейчас он и спросонья не повесит плакат на глубиномер, как сделал это в первые дни. Даже старпом бросил ехидничать по этому поводу. И все больше интересуется:

— Владимир Васильевич, как насчет лекции для офицерского состава? А то ведь застряли мы на русских импрессионистах...

В такие моменты наш доктор-«академик» мечтательно улыбается. Он шесть лет в Ленинграде учился. В Эрмитаж ходил, привык к интеллигентной жизни. Хирургом готовился стать. Видел себя в белой шапочке, стерильных перчатках. Кругом зеркала, свет, скальпель в руке... А тут ему:

— Доктор! Принимайте харч!

— Доктор! Почему на лодке давно щами не пахнет?!

Но Ваня все-таки с кораблем сдружился и полюбил его. А в нашей жизни это главное. Пусть корабль — не атомоход последнего проекта, а старенькая средняя подводная лодка, где кают-компания, операционная и каюта офицеров превращаются одно в другое за несколько минут, но мы все любим нашу лодку. А командир за это любит нас.

Командир наш каких поискать. Впрочем, с виду ничего особенного. Еще когда на мостике, в альпаковке, вроде представительный. А так — только погоны с двумя звездами да лоб большой. Командир никогда не повышает голоса. От этого на лодке все спокойные — в командира. Да подводникам иначе и нельзя. Слишком мало жилплощади на душу, чтобы кричать. Здесь требовательность должна быть вежливой, умелой.

Вот смотрю я на нашего командира, и все мысли о женитьбе у меня пропадают. А за него самого, капитана 2-го ранга, по-мужски обидно.

Мы уже уходили в море, когда узнали, что уехала от Сомова жена. Красивая женщина, спокойная, но не выдержала. Забрала сына и на Ту-154 улетела в Ленинград. Даже на проводы не осталась.

Кое-кто говорил, что наш командир сам виноват. Всю жизнь в море, из похода в поход. Вон люди поплавают-поплавают, потом на берег переводятся. А он одержимый.

Может быть, и трудно с таким жить. Ждать год, два, три... Но разве ему легче?

Командир наш тогда мало изменился. Был по-прежнему ровным, спокойным. Только щеки запали. И волосы потускнели. Жену он свою не осуждал. А говорят, так еще труднее.

Мы, конечно, порешили, что в походе о своих женах, у кого они есть, ни гугу: у командира жизнь на корабле и так самая тяжеленная.

Но в тропиках, где жара, дышать невозможно, проветриться нечем, наш инженер-механик все дело завалил:

— У меня, ребята, — говорит, — жена всегда в холодильнике лимонад держит! Приятное дело, когда жена твои потребности понимает... — И умолк, будто укололся о наши взгляды.

Тут командир ложку положил, усмехнулся:

— У нас достаточно лишений, товарищи офицеры, чтобы придумывать себе новые. А поговорить о семье в море иногда очень помогает. Сам знаю.

Все покраснели. Даже мы с Михайловым, неженатые. Зато с тех пор все перестали «поститься», и сам капитан 2-го ранга участвовал в приятных беседах. Только о своей жене ни разу не вспомнил, а мы — тем более. И все-таки, когда была «распечатана» последняя морская неделя, офицеры на эту тему опять стали помалкивать.

Мне, холостяку, казалось, что я лучше всех понимаю капитана 2-го ранга Сомова. Горько, когда тебя никто не ждет на берегу. Конечно, однокашники иногда встретят. Но вот когда разыскивают кого-то другого, но не тебя, когда женщины вокруг осыпают букетами мужей, плачут и смеются, прижимаясь к пропахшим подлодкой тужуркам, что-то быстро-быстро говорят, поправляя сбившиеся прически, а ты один стоишь... Внутри все сжимается, словно при срочном погружении. И ты действительно рад бы погрузиться, потому что там не чувствовал себя одиноким. А здесь одиночество остро звенит, бьет в душу. Конечно, потом потихоньку отпускает. Но в такие минуты становится очень понятно, как нужна моряку жена, как нужен ему дом на берегу.

Проходя через прибрежный полигон, мы выполнили торпедную стрельбу. Это по моей части. Тут уж начались другие переживания: боялся я под конец похода сплоховать, настроение товарищам испортить. Двое суток мы с матросами почти не спали. Только когда вышедший навстречу торпедолов поднял обе торпеды, успокоились.

Маленький, не заплывающий далеко торпедолов был для нас вроде первой встречи с берегом.

А потом лег туман. И мы не увидели ни зеленой гущи приморских берегов, ни белых мазков распустившейся сирени. Командир спускался пить чай с воспаленными глазами и был молчалив, оттого что у берега в тумане

трудно. Что до экипажа, то туман своей опасностью как бы приглушал нервное напряжение ожидаемых встреч, как бы смягчал «вхождение в атмосферу». Все были заняты делом. Мостик не тянул к себе офицеров, потому что все равно за кабельтов ничего не разглядишь.

И вот уже я ложился спать перед берегом в последний раз. А за спиной начинало пробиваться утро. Контрастная чернота ночи стала сереть, светлеть. И я знал, что ко времени заступления на вахту будет совсем светло.

Принятая мной вахта должна была кончиться у пирса. Туман поредел. Но высокое солнце все-таки вязло в нем, расплываясь желто-красным пятном. Серая ровная вода дымилась, и утренняя свежесть ощущалась особенно остро.

Командир молча кутался в альпаковку. Слушал доклады, бросал короткие рабочие фразы. И опять молчал. Нам вдвоем предстояло вести корабль последние мили, и я считал, что мне повезло. Да так оно и было. Мы первыми увидим город.

О чем думал Сомов в эти последние часы нашего похода? Может быть, он клял его? Клял море, которое разрушило его семью и оставило его, уже немолодого, одиноким? Может быть, вспоминал о жене, которая живет теперь в Ленинграде и не зачеркивает дни в календаре?..

Мне хотелось представить, о чем думает, о чем может думать командир. Но, видно, это было не для холостяцкой головы.

— Товарищ командир, город! — не удержался я.

— Спасибо, лейтенант. Я вижу, — ответил, не поворачиваясь, капитан 2-го ранга. И мне стало стыдно, будто я подглядывал за ним.

Дымка оборвалась, когда мы проходили мимо ближнего к порту острова. И теперь через голубую толщу влажного воздуха город отчетливо сбегал по сопкам к воде. Солнце высвечивало высокие белые дома с утренней силой. Город шел нам навстречу. А командир не поднимал головы.

Пройдя боны, мы свернули в сторону от большого порта к своей небольшой уютной бухте.

— По местам стоять... — сказал командир, глядя в сторону пирса, открывшегося из-за ближнего мыска, и я с удовольствием начал давить на рычажок сигнальных звонков: длинный — короткий, длинный — короткий...

Слушая доносившийся из люка звон, Сомов улыбнулся одними глазами:

— Ну вот, лейтенант, и пришли. А вам не верилось.

Я улыбнулся в ответ, потому что обоим больше нечего было сказать.

На причале черным прямоугольником стояли встречающие подводники. За ними пестрая мозаика женских пальто. Никелированные трубы оркестра блестели изо всех сил. Оркестр мешал нам работать, приходилось кричать. Моторист из швартовой команды волновался, бросая конец. Но на пирсе его сразу поймали.

И вот уже нас прочно связали с берегом стальные тросы и легкая деревянная сходня. Я смотрел, как спустился по ней командир. Он был уверен и тверд. Громко доложил встречавшему нас командующему об успешном выполнении задачи. И тот расцеловал его. С причала к лодке хлынули букеты.

Часа через два, когда закончились все церемонии, радостные офицеры собрались в кают-компании на последний обед. Командир тоже остался с экипажем. Все были благодарны ему за это. Сомов казался веселым и поздравлял нас с возвращением:

— Когда за спиной прибавляется еще один-другой десяток тысяч миль и ты в родной базе — это самая счастливая минута в жизни моряка. Ее надо научиться по-настоящему любить. Тогда все остальное будет просто.

Мы пообедали. И даже почувствовали, что не хочется расходиться. Но скорее всего не хотелось только мне. Поэтому я и ушел последним.

На автобусной остановке я увидел командира. Он приветливо кивнул головой. Потом мы тряслись на одном сиденье до самого города и смотрели на подросшие за полгода кварталы.

— Ну, я домой, — сказал капитан 2-го ранга, увидев свою остановку.

И тут я неожиданно для самого себя ляпнул:

— Товарищ командир, можно с вами?

Он удивился и внимательно посмотрел на меня. Наверное, все мои мысли были написаны на физиономии.

— Добро!

Мы прошли сквером. Там играли дети. Женщины катали коляски. Визжал транзистор. С балкона старуха кричала на пацанов. «Вот это и есть та земля, без кото-

рой не можешь жить в океане, — подумал я. — Ничего особенного, пока ты на ней...»

В подъезде сомовского дома мы поднялись на третий этаж. Командир вытащил ключ. Но дверь открылась сама. И мы вдруг увидели его жену.

И снова я почувствовал, что стою один и не знаю, куда девать руки и куда смотреть.

Я понял, что надо делать, и, потихоньку отойдя к лестнице, сбежал вниз.

Командир спохватился:

— Володя! Куда? Сейчас же назад!

— Володька! — кричала его жена.

Но я бежал через две ступеньки. И ничуть не жалел об этом. Подумаешь! Посмотрю два-три фильма, схожу в кафе. Мне-то что. Я лейтенант. Мне просто. А вот командиру нужен дом.

ТРИНАДЦАТЫЙ БИЛЕТ

Приятная это вещь — вечерний чай на корабле. Прихлебываешь его из стакана, густо заваренный, индийский высшего сорта, и не торопясь беседуешь с соседом. Чай настраивает на домашнее, земное, и разговор впервые за день сам собой заходит о доме. С Алексеем Павловичем в походе мы не раз вспоминали дом. Все-таки нам, журналистам, не так привычно в дальних плаваниях, и, чего греха таить, скучаем мы гораздо больше корабельных офицеров.

А сегодня у нас разговор особенный. Как-никак, последний вечер в уходящем году. Мы смакуем чай маленькими глотками. Смакуем и рассуждаем, как готовятся к Новому году там, на берегу. Приятно думать, что тебя сейчас тоже, может быть, вспоминают. И даже когда будет шумно от смеха, музыки, новогодних шуток, люди на несколько секунд оторвутся от всего этого, чтобы выпить шампанского за счастье тех, кто в море, то есть за нас.

Алексей Павлович — капитан 2-го ранга, опытный журналист, побывавший во всех океанах и многих морях. Воевал матросом на подводной лодке. В семнадцать лет имел ордена Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медаль Ушакова.

— После войны я пользовался большим успехом на танцах, Антоша, — с улыбкой признавался он. — Особенно из-за медали Ушакова. Вся она — с якорем, на цепочках — очень нравилась девушкам...

Умеет Алексей Павлович рассказывать. И любит. У него про запас столько всяких историй, что, кажется, нам хватит их не на месяцы, а на год плавания. Чего он не перевидал! Вот только Новый год в тропиках ему еще ни разу не приходилось встречать — хоть в чем-то мы оказались одинаково неискушенными.

Я решил подарить на Новый год Алексею Павловичу лучшую свою вещь — шариковую ручку. Теперь мне не терпелось закончить чаепитие, чтобы исполнить свое намерение. Кстати, и засиживаться было неудобно: вестовые собирались начинать праздничную уборку кают-компании. Гирлянды, шары, блестки, серпантин — все лежало на диване в углу. А вот елку (из чего ее только соорудили боцманы?) еще никто не видел.

Мы вышли на палубу. Как это чудно и непривычно: у людей мороз, снег, а здесь Южный Крест над головой да жара.

— Антоша, идем в каюту, — сердито буркнул Алексей Павлович. — Не могу я смотреть на это антиновогоднее безобразие!

В каюте мы приготовили парадную форму. Ничего, с помощью кондиционера выдержим. И я подарил свою ручку.

Она давно нравилась Алексею Павловичу. Он с удовольствием положил ее в карман и тут же огорченно вздохнул:

— Жаль, что нечем сейчас отдарить. Но если хочешь, Антоша, вместо новогоднего сюрприза — одна небольшая история.

И как обычно в таких случаях, мы закурили.

...Абитуриенты прощали Саше Шувалову все, когда он садился за пианино. Саша играл в комнате отдыха каждый вечер. При этом некоторые заядлые зубрилы ворча уходили в дальний кубрик, а большинство все-таки оставалось послушать.

Говорили, что Шувалов из рода потомственных военных моряков и его дед был чуть ли не адмиралом, что Саша мечтал быть пианистом, закончил лучшую в Ленинграде музыкальную школу, но пришлось подчиниться воле отца — капитана 1-го ранга.

Да и в самом деле казалось, будто до конкурса, экзаменов и училища Шувалову мало дела. Хотя еще в первые дни он самоуверенно заявил:

— Ребята, вы не обращайте на меня внимания, занимайтесь. Я-то поступлю.

Абитуриентам это не понравилось. Горячий Гена Цатурян, уже отмолотивший два года срочной, съязвил:

— Надеешься, дорогой, «рука» поможет?

— Зачем «рука»? — невозмутимо ответил Шувалов.— Голова.

И он действительно блестяще сдавал экзамены, хотя почти не готовился к ним. Абитуриенты только диву давались, как можно хорошо все помнить, не занимаясь, не повторяя. Многие сходились на мысли, что парню здорово везет. Саша не пытался изменить это мнение. По вечерам он играл, а днем читал какие-то посторонние книжки.

Старшина 1-й статьи Федор Гуров, человек настойчивый, работящий, открыто и бесхитростно говорил Шувалову:

— Золотая голова у тебя, браток. Мне бы такую. Жаль только, любви у тебя к морю нет. А без этого моряк — не моряк.

— Ничего, браток, — в тон Гурову отвечал Саша, — любовь — дело приходящее. Тебя бросит, ко мне придет.

— Ну-ну, — хмуро заканчивал разговор Федор.

Он не понаслышке знал море, служил уже по последнему на Северном. И в училище Гуров поступал второй раз. В первый провалился. Потом год пережидал, не отваживался. А теперь все-таки решил испробовать последнюю возможность.

Занимался Федор с остервенением. И, разумеется, не посещал «музыкальные вечера» Шувалова. Но самое большее, что получал Гуров на экзаменах, была четверка. Только сочинение он написал на пять.

«Я, братки, от и до все знаю, а вот сказать делом не могу», — объяснял старшина товарищам. И каждый раз, красный, вспотевший, выходя из экзаменационной комнаты, уныло повторял:

— Ну вот, я же говорил. Опять четыре балла.

Его так и прозвали «Четыре балла». А старшина с несокрушимым упорством начинал готовить следующий предмет.

Перед последним, самым трудным экзаменом — мате-

матика устно — уже прояснилась картина с проходным баллом. Обстановка на этаже абитуриентов накалилась до предела. Даже Шувалов быстро сворачивал свои «концерты», не решаясь отрывать товарищей от занятий.

Утром все проснулись до подъема и почувствовали, как тело охватывает дрожь — от утренней свежести, сочащейся в окно, и от острого, нарастающего волнения.

После физзарядки умывались и брились тихо, без привычных шуток, плеска. Один Саша Шувалов по обыкновению был невозмутим. Насвистывая мазурку Шопена, он тщательно растерся пушистым полотенцем, аккуратно расчесал пробор перед большим зеркалом и занял очередь за утюгом — отгладить брюки.

В эти часы уже никто не держал в руках учебника. Все старались как-нибудь убить время, медленно тянувшееся до решающего момента.

Открыв дверь в комнату отдыха, Шувалов увидел Федора Гурова. Тот сидел спиной к стене за первым столом и внимательно читал.

— Товарищ Федя, хватит зубрить! — добродушно стукнул его по плечу Александр и увидел листки в линеечку, исписанные крупными печатными буквами.

— Я не зубрю, — вяло отозвался старшина и слегка покраснел, перехватив шуваловский взгляд на листки. — Письмо. От матери из деревни. Она у меня не шибко грамотная. Вот видишь, корябает с трудом. Переживает. Нет у нее больше никого...

Шувалова будто кольнуло. Он отдернул руку, круто повернулся и вышел в коридор.

На экзамен им выпало идти в первой пятерке: Гуров — третий, Александр — четвертый. Так, по порядку, Саша и сел за старшиной, невольно подумав, что за такой спиной хорошо списывать.

Он чуть ослабил галстук на своей рубашке, окинул взглядом комнату, остановив его на математике — седом сморщенном старичке. Тот поднял голову, блеснул очками:

— Вам что-нибудь неясно, молодой человек?

— Нет, спасибо, — вежливо поклонился Саша, — напротив.

Александр перевернул билет. Тринадцатый. Еще у стола он усмехнулся этому. Любопытно посмотреть вопросы под номером чертовой дюжины.

Первый был настолько прост, что Саша не стал его

обдумывать. По второму прикинул план ответа и припомнил парочку примеров, которыми можно блеснуть. Наконец он просмотрел задачку. Тригонометрическая. Тоже немудреная. Шувалов достал ручку. И вдруг похолодел: из головы выскочила формула. Ерундовская формула... Он еще раза два пробежал задачку. И понял, что не может вспомнить.

«Вот ведь чертовщина! На последнем экзамене, на последнем вопросе — и такой казус». Александр представил, как будут подсмеиваться над ним товарищи, как будут напоминать об этом пустяке и потом, когда он поступит...

Шувалов посмотрел по сторонам, на спину старшины 1-й статьи. «Вот кто может выручить и не проболтается». Он осторожно ткнул пальцем Гурова. Тот неуклюже повернулся. Саша сунул ему в руку писульку с просьбой.

Математик встревоженно нахохлился, встал из-за стола. Шея Гурова малиново накалилась, на ней проступил пот. Он боялся подвести товарища.

Однако старичок не подошел. Видно, поднялся он для порядка. Федя облегченно вздохнул и, выждав момент, выполнил просьбу Шувалова.

Едва Александр прочел первые буквы формулы, как вспомнил ее. Надо же забыть такую!

Математик оказался крут. Двум первым экзаменующимся он поставил тройки за в общем-то приличные ответы. Поэтому Федя взмок, еще не поднимаясь из-за стола.

Шувалов с болезненной внимательностью ловил каждое слово Гурова. От досады ему иногда хотелось ударить кулаком по столу: «Ведь знает же, знает материал, а не может подать!..»

И Саша представил, как сейчас математик с трудом натянет старшине четверку. А нужного проходного балла это не даст. И поедет старшина дослуживать свой последний год на Северный флот. Мать же будет успокаивать сына своими печатными буквами, — мол, не всем, Феденька, быть учеными.

Потом Шувалов представил, как выйдет он сам, спокойный, уверенный, к доске. Будет удивлять старичка своими знаниями, будет щеголять каждой произнесенной фразой. И формулу, что подсказал ему бескорыстный североморец Федя, сумеет красиво подать...

Александр с грохотом отставил свой стул, словно не

заметив, как изумленно вскинул брови математик, положил ему на стол билет, извинился и вышел из класса.

Через день должны были объявить результаты. Однако все уже знали, кто поступил. Среди принятых был и Гуров. Но он ходил хмурый, рассеянно кивал головой на поздравления. А вечером в первый раз пришел послушать Шувалова.

Когда Саша играл, товарищи прощали ему все, даже эту непонятную сегодняшнюю выходку. Потому что играл он здорово.

На улице шел мелкий дождь, шурша по листьям каштанов. И вдруг этот шум, доносившийся в открытое окно, будто очистился, стал явственней. Он возникал из-под пальцев пианиста, как тонкая, прозрачная пряжа, и расстилался в воздухе звенящей тканью дождя. Федору не верилось, что это музыка. Но он видел гибкие, летучие пальцы Александра на клавишах, видел его вдохновенное лицо.

Потом старшина почувствовал, как звуки нарастают, и вот уже хлещет, захлебываясь в лужах, ливень. Бегут завихряющиеся потоки, срываются с крутых берегов. И падают в море. Да, в море. Его-то не мог перепутать старшина 1-й статьи. Оно шестибалльным накатом било в скалы, пучилось, шипело сорванными брызгами. Море билось в комнате — под руками Шувалова.

На следующий день Гуров провожал Сашу до КПП. Он шагал рядом и все не мог найти нужных слов. Шувалов насвистывал мазурку и помахивал маленьким чемоданчиком.

Только у самого выхода старшина наконец собрался с духом. Он остановился, уперся взглядом в землю:

— Ты вот что, браток! Мои слова насчет моря там, любви и прочее близко не принимай. Ошибся я, кажется.

Шувалов оборвал свист:

— Рано ты по мне панихиду справляешь, флот. — Потом мягче добавил: — Мы еще встретимся с тобой, Федя. В море.

...Алексей Павлович встал, прогулялся по каюте. Стрелка на наших часах показывала, что мы можем опоздать.

Уже одеваясь, он добавил:

— С того времени прошло порядком лет. Федор сейчас на Северном флоте командует подводной лодкой. Ор-

деном Ленина награжден. Говорят, один из самых перспективных командиров.

— Славная история, хотя чего же тут новогоднего? Ну а Александр?

— Идем, мы действительно опоздаем, — заторопился Алексей Павлович и уже на ходу бросил: — Александр — имя вымышленное!

В кают-компании были выключены плафоны, на столах горели свечи. А на завешанной игрушками елке мигали цветные фонари. Пахло мандаринами, воском, порохом хлопушек. Пахло настоящим Новым годом.

Старший начальник сказал речь. У него это получилось хорошо. Особенно там, где говорилось о нашей морской службе, о любви к ней. Вроде и просто, но у всех сразу стало тепло на душе.

В веселье — дым стоял коромыслом — я совсем забыл о недосказанной истории. И вдруг услышал: кто-то заиграл Рахманинова, «Вариации на тему Шопена». Здесь, на корабле, это было так удивительно, что я тут же обернулся.

У пианино сгрудились офицеры. А за инструментом сидел наш начальник.

Я вопросительно посмотрел на Алексея Павловича. Он сидел довольный, улыбался и утвердительно кивнул мне.

СПАСИБО, БАТЯ!

Толпа ожидающих не умещалась на тротуаре. Люди, поеживаясь от холода, поглядывали — не идет ли автобус. Вдруг из толпы, размахивая рукой, выскочил морячок. Алексей Матвеевич резко затормозил. Через секунду матрос был уже около машины.

— Подвезите, батя! — выдохнул он.

— Садись, — ответил Косов. — Только я не за город...

— А-а, — парень перестал улыбаться, — жаль. Автобуса нет. Думал, может, до Березовки подкинете. Два года дома не был...

— Не могу, дорогой, — мягко пояснил Алексей Матвеевич, — ждут меня. Никак не могу.

— Понимаю, батя. Извините. — Матрос захлопнул

дверку. И, увидев, что Косов смотрит на него через стекло, весело крикнул: — Будьте здоровы, батя! Флот не пропадет!

Косов медленно тронулся. В зеркало было видно, как моряк отошел в сторону, сел на чемоданчик.

Алексей Матвеевич прибавил газу. «Действительно не могу, — подумал он, — времени в обрез, а до Березовки километров двадцать...»

Осенний город влажно дышал просыпающимися улицами. Дворники жгли листья. Дым костров, мешаясь с туманом, повисал на блеклых каштанах.

Алексей Матвеевич машинально вел «Москвич», притормаживая на перекрестках. Настроение у него испортилось.

Впереди зажегся красный. Косов остановил машину. Красный горел и горел... Наконец вспыхнул желтый. Алексей Матвеевич вдруг, резко развернув машину, понесся назад.

Парень в черном бушлате сидел на чемоданчике, подперев руками подбородок.

— Садись! — крикнул Косов.

Морячок прыгнул на заднее сиденье, и «Москвич», взвизгивая на поворотах резиной, расплескивая лужи, помчался за город.

...Пассажир оказался неразговорчивым. Алексей Матвеевич тоже молчал. Лишь время от времени поглядывал на парня в зеркальце.

Вот уже остались позади многоэтажные дома новостроек. Замелькали кирпичные домики окраины с побуревшими садами, с заборами из металлической сетки.

— Может, закурим, батя? — предложил матрос.

— Давай, если «Беломор», — хмуро согласился Косов.

— «Беломор», «Беломор»! — обрадовался матрос, сбив на затылок бескозырку. — Я только его. На флоте привык.

— Я тоже в свое время привык, — Алексей Матвеевич жадно затянулся. И, прищурив от дыма глаз, спросил: — Надолго в отпуск-то?

— Двадцать пять суток.

— Ого, уж больно много по нынешним временам.

— Да что вы? — Парень еще дальше сдвинул бескозырку. — С Тихого на дорогу пятнадцать суток положено. Ну и десять...

— Что десять-то? — не оборачиваясь, спросил Косов.

— Ну, десять... Поощрили, выходит, — замялся морячок.

— «Выходит». Ничего себе. Значит, сам не знаешь, за что поощрили?

Слова Алексея Матвеевича повисли в воздухе. Матрос открыл было рот, но смолчал.

Половину пути уже проехали. Матрос сосредоточенно мял в коробке окурок, время от времени поглядывая через стекло. Алексей Матвеевич потихоньку насвистывал. В зеркале он видел опущенную голову парня. Примирительно заметил:

— Чего приуныл-то? Домой ведь едешь...

— Это верно, — подтвердил матрос. — Давно не был...

— Зато сразу десять суток отгуляешь... И всех вас так поощряют? Или нет?

— Почему это всех? — недовольно буркнул моряк.

— Ну а тебя, например, за что все-таки поощрили?

— Да был случай один. — Матрос, опустив стекло, выбросил папиросу.

— Чего же тянешь? Коли заслужил, то и похвалиться не грех! Если, конечно, не секрет...

— Ну, было дело — товарища одного спас. Штормило сильно, а он молодой. Растерялся и за бортом очутился. А я за ним прыгнул. Вот и все.

...«А я за ним...» — словно полоснуло по сердцу Алексея Матвеевича. Он почувствовал, как прихлынуло к нему давнее, почти забытое чувство, которое вспоминалось только во сне.

Глаза привычно следили за дорогой, а в сознании ясно, с малейшими подробностями — словно это он, а не моряк, прыгнул за борт — вырастала картина, о которой Косов услышал только несколько слов.

Он повернулся к своему пассажиру:

— Наверное, не подумав, прыгнул за дружком-то?

Моряк удивленно вскинул брови:

— Да что ж думать-то! Пока думаешь, браток утонет.

— Правильно, сынок! Раздумывать в таких случаях не приходится. — Косов отвернулся.

А матрос, посмотрев на водителя, вдруг почувствовал, что батя ему сильно нравится. Он не заметил, как под мостом сверкнула рябью родная речка, как вынырнули справа из-за перепаханных полей избы Березовки.

— Батя, проедем!

Машина остановилась.

— Рано вроде бы или ты через поле? — Косов опустил стекло.

— Конечно, полем. Зачем круг давать. — И матрос выскочил из машины, подхватив чемодан. — Ну, батя, спасибо большое! Да что там спасибо. Возьмите хоть на бензин, что ли. — Матрос неуверенно протянул Косову трешку.

— А я считал, ты свой парень. — Алексей Матвеевич, отвернувшись, включил двигатель.

— Извините, батя. Я подумал...

— Плохо подумал, флот, — усмехнулся Косов, включил передачу и начал сдавать машину назад.

— Ну, батя, так же нельзя. Деньги — шут с ними, но я должен отблагодарить. А, батя? Так же нельзя... Может, домой заедем? Яблок нарвете, у нас яблоки!..

— Не могу, флот! Не могу, — не сдержавшись, улыбнулся Косов. — Мне все-таки на работу надо.

— Нет, так нельзя, — не отставал матрос. — Вы мне адрес свой дайте. Найду. Ведь жениться приехал. На свадьбе моей спляшете, а, батя?

Косов остановился.

— Вот это дело. Только мне, сынок, плясать-то не на чем. Проплясал я свои ноги на войне, в сорок третьем. Тоже вроде тебя, по-флотски, не раздумывая. — Алексей Матвеевич опять включил передачу, и, ткнув пальцем в треугольный значок с буквой «р» на лобовом стекле, пошутил: — А ты, флот, ненаблюдательный: машина-то инвалидская.

Матрос растерянно сделал два шага за удаляющимся «Москвичом».

Алексей Матвеевич прибавлял и прибавлял газу. Он опаздывал. Но об этом не думалось. Ему стало легко и даже весело, как не бывало уже давно...

Слева мелькнул розовой пеной осинник. Косов оглянулся. Уже далеко, на подъеме дороги, расставив ноги, посреди шоссе стоял матрос. Стремительно раскидывая руки, он сигналил бескозыркой.

И хотя Алексей Матвеевич давно забыл семафор — эту морскую азбуку, ему показалось, что он понял два все время повторяющихся слова: «Спасибо, батя!»

●

ПОЭЗИЯ

Константин ВАНШЕНКИН

ИЗ КНИГИ «ПРИМЕТА»

* * *

Еще трава колола пятки, —
С тех самых детских лет босых
Жизнь у него была в порядке,
Расчерчена — от сих до сих.

И вот в какое-то мгновенье
Увидел с ужасом, что вдруг
Жизнь вышла из повиновенья,
Как будто вырвалась из рук.

Электровозом от вокзала
Пошла, инерцию создав.
И управленье отказало,
И давит на плечи состав...

ЗАГОРЬЕ

На хуторе Загорье
Росли мы у отца.

А. Твардовский

Дворянские усадьбы,
Где жили Блок и Фет,

Могли не угасать бы
Еще немало лет,

И люди, не по плану,
Тянулись бы туда, —
Как в Ясную Поляну,
Что нынче, как *тогда*.

...Вот родина поэта.
Не двести лет, не сто
Существовало это
Крестьянское гнездо.

В отличье от дворянских,
Орловских, тульских, брянских.
Но общее одно —
Исчезло и оно.

* * *

Было спокойно за низким окном,
Зелено очень.
Но почему-то он был на ином
Сосредоточен.

Лишь мимоходом журналы листал.
Двигались блики.
Гладил рукой шестигранный кристалл
Выбранной книги.

Мягкая лампа за правым плечом
У изголовья.
Но он не думал уже ни о чем,
Кроме здоровья.

Вот как заклинило нынче его
Резко и туго.
И не осталось уже ничего,
Кроме недуга.

* * *

Раскинул дождик сетку,
Взял ею в оборот

Садовую беседку,
И сад, и огород.

Захлопнуты ворота.
Намокший день сердит.
Ученая ворона
На пугале сидит.

А ветеран-участник
Лег с книжкой на кровать,
Довольный, что участок
Не нужно поливать.

ПЛЯЖ

Золотой полдневный пляж.
Загорелые богини —
Их походка, их бикини,
В мыслях всяческая блажь.

Как сквозь сон, в который раз,
Женский смех звучит над пляжем.
Мы под ту же дудку пляшем, —
Как до нас, как после нас...

ПУТЕШЕСТВИЕ РОЗ

Рассвет. Густые росы.
Работа, вправду, дерзкая:
В Крыму срезают розы
Замедленного действия.

Вот только б дотерпели
Близ самолетных ребрышек
До той заветной цели,
До рынка, до Черемушек.

Коснулся Ил бетона,
И сделано все начисто.
Но каждого бутона
Свое движенье начато.

Да не волнуйтесь, что вы,
Когда такие новости!

Они вполне готовы —
Уже не остановите.

...Невеста смотрит мимо.
Глаза пока что детские.
Она сама как мина
Замедленного действия.

ИГРА

Слабый выиграть у сильного
Тоже может иногда.
Только рев над гранью синего
Исцарапанного льда.

Над хоккейною коробкою —
Свист, и возгласы, и смех.
Да, вот так! С душой неробкою
Победить возможно всех.

Над вратарскою площадкою —
Клочья дерна на шипах.
Не успеть минутой шаткою
Отыграться впопыхах.

На всю жизнь, с учетом старости,
Средь печалей и утех —
Ощущенье прочной радости,
Или горечи — у тех.

ЗАМЕНА СПЕКТАКЛЯ

Шел по Москве, и насвистывал что-то, и около
Сводной афиши, ее изучая, затих.
Вместо «Богатой невесты» пойдет «Трехгрошовая опера»,
Вместо «Разбойников» будет «Святая святых».

Странное дело. Какая нелепая вывеска,
Та, что спектакли сметает со сцен и с арен.
Если объявлена ранее «Ночь после выпуска», —
«Шесть старых дев и один лишь мужчина» годятся ль взамен?

Вы объясните, куда ж это все-таки движется?
Сняли премьеру, внезапно другой заменя...
В плане издательском есть моя скромная книжица, —
Кем же и чем же небрежно заменят меня?

ФИЛОСОФЫ

— Не замечали б света,
Когда б за ним не тьма...

— И не ценили б лета,
Когда бы не зима...

— Худые любят толстых,
А толстые худых...

Пора в речах и тостах
Вам сделать передых.

* * *

Не такие уж простушки,
Не такие простаки —
Пели песни и частушки
У серебряной реки.

Но пока они резвились,
Посветлела эта высь.
Кудри русые развились,
Косы в лентах посеклись.

* * *

Когда-то ветер выл в трубе,
Полночной вьюгою пугая.
Теперь вода поет в трубе,
И лишь труба чуть-чуть другая.

Ты различаешь этот вой
И этот свист в режимах грубых?..
Один и тот же домовой
Лет полтораста стонет в трубах.

Юрий ПОМЧЕНКО

Рис. О. Отрошко

РАСПЛАТА

Повесть

1

Инспектор по охотоохране и лесник Прокопий Алексеевич Ширяев, по прозвищу Лешак, утром отправился в тайгу. Нужно было осмотреть свой участок заповедника и подготовить к сезону охотничье зимовье...

Ширяеву перевалило за шестьдесят, но годы мало тронули старого таежника. Был он широкоплеч и высок, легок на подъем. Черная, с редкой сединой борода густо окладывала скуластое лицо, на котором из-под лохматых бровей поблескивали небольшие темные и глубоко посаженные глаза. Его пристальный взгляд, а смотрел он всегда в упор, выдерживали немногие. Ширяев был добрым человеком, и это особенно чувствовали дети. Как только появлялся он в таежном селе Демидове — жил Прокопий Алексеевич на кордоне, — ребята тут же окружали его, смотрели на Лешака с восхищением, зная,

что тот на фронте был снайпером. О его меткой стрельбе ходили легенды.

В этот раз, идя в тайгу, Прокопий Алексеевич надеялся выследить Матвея Кирькина — самого злостного браконьера в округе.

Шесть лет назад Кирькина осудили на два года за браконьерство. Матвей, отбыв срок, вроде приутих на время, а потом снова принялся за свое, сделавшись хитрее и осторожнее. Тайгу он знал хорошо.

...К вечеру Прокопий Алексеевич выбрал ночлег и развел костер. Приготовил ужин, накормил собак и лег спать. Шайтан ткнулся влажным носом в щеку и, дождавшись ласки хозяина, свернулся клубком у ног. Рядом с Шайтаном, клацнув в зевоте клыками, улеглась и Белка.

Шайтан появился у Ширяева при необычных обстоятельствах. Четыре года назад, застигнутый непогодой, лесник отсиживался в охотничьем домике. С ним находился старый пес Казбек — хорошая охотничья лайка. Казбек дремал у порога. Изредка пес поднимался и потягивался, подходил к хозяину, подолгу смотрел в глаза, как бы успокаивая, что, мол, не стоит переживать — в тайге случается всякое... К вечеру Казбек забеспокоился, и Прокопий на всякий случай поставил рядом карабин, думая, что пес почуял зверя.

Зарычав, Казбек ударом лап открыл дверь и пропал за порогом. Прокопий Алексеевич выбежал следом, решив, что к зимовью пожаловал медведь. Где-то в темноте лаял Казбек. Но в лае не было той ярости, когда пес выходил на зверя, а проскальзывала непонятная растерянность. Под кустами Ширяев увидел незнакомую собаку. Она рычала и встречала Казбека оскаленной пастью, а тот смахивал на неуклюжего ухажера, и Прокопий Алексеевич догадался, что под кустом сука. Рассмотрел: возле нее копошился крупный щенок. Отогнав Казбека, Ширяев впустил собаку в избушку и накормил ее. Это была худющая, с выступавшими ребрами и отвисшими сосками лайка. Он удивился, не понимая, как она появилась в такой глухомани со щенком. Потом догадался — собака, видимо, потеряла хозяина и пристала к волчьей стае. Такое случается среди собачьего племени. Спарилась с волком и ощенилась. Волк-самец, видать, погиб, а она, сохранив одного щенка, снова начала искать покровительства у человека.

Щенок был полукровкой. У него была острая морда и огромные клыки, крепкие ноги и сильное сухопарое тело. От матери-лайки по наследству передался хвост, пушистый и завитый полукольцом набок, да белое пятно на широкой груди.

Через два года Шайтан стал великолепной охотничьей собакой. Даже видавший виды Ширяев удивлялся иногда неукротимой охотничьей злости Шайтана, который брал и соболя, и белку, и сохатого, а при выходе на медведя превращался в настоящего черта.

Прокопий Алексеевич засыпал. Откинул накомарник — комары с наступлением ночной прохлады исчезли. Но сон не шел. Глухо шумел лес, по вершинам сосняка гулял верховик. Шурша, сыпались на землю иглы хвои. На западе рассасывалось теплое пятно заката и раздавались таинственные, как человеческие вздохи, крики сов...

Вся жизнь Прокопия Алексеевича связана с тайгой. Отец и дед были охотниками. Родитель умер уже после войны, а дед пропал на промысле в тридцатом году. Через полгода после исчезновения деда отец разыскал место трагедии. Дед, ранив медведя, по какой-то оплошности не добил его, и тот изломал старого охотника. На поляне вместе с медвежьими и человеческими костями валялась проржавевшая берданка...

Отец Прокопия Алексеевича в гражданскую воевал против Колчака. В отряде его уважали и побаивались. Крепким был мужиком, умел держать слово, тайгу знал как свои пять пальцев. Обложили однажды колчаковцы отряд, прижали к сопкам, гибель в глаза смотрела, но через непроходимые мари и болота, которые и зверье стороной обходило, вывел Алексей Андреевич отряд из западни, а потом партизаны ударили по тылам карателей, загнали колчаковцев в болото, там их и прикончили. Командир отряда снял со своего плеча маузер и перед строем партизан вручил его Алексею Андреевичу.

Утром, выйдя на горную тропу, Ширяев привязал собак на повод. Тропа с каждым метром подъема сужалась и серой змейкой продиралась сквозь заросли кедрового стланика и каменных россыпей.

Перед перевалом он подогнал снаряжение и перемотал портянки. Заметив на тропе свежий помет диких коз, Прокопий Алексеевич успокоился, поняв, что переход через перевал не разрушен.

Лес сбежал вниз. Под Ширяевым в переливающемся мареве раскинулась безбрежная тайга... Ранней осенью ревут сохатые, вызывая на бой соперников. Начинается гон, и самцы в брачной красе: с мощными разлапистыми рогами и шерстяными серьгами. На лесных полянах происходят смертельные турниры за право продолжения лосиного племени. Закончится гон, уведет победитель лосиху в глухомань, к декабрю сбросит свои рога до новых схваток, а сейчас бурлит в жилах горячая кровь и толкает лесного великана на безрассудство ради любви... Хозяин тайги — медведь жирует по орешникам и ягодникам, бродит по зарослям, примечает лежку на долгую зиму. Соболь меняет летнюю шубу на зимнюю. Во время линьки он необычайно пуглив и осторожен. Укроется тайга снегом, и станет соболь самой желанной добычей охотника. Глухари выбирают места по отмелям рек и озер с отборным песком и наполняют зоб крупными песчинками, так как зимой питаются хвоей и шишками, а их нужно перетирать.

На болотах и поймах озер раздаются фанфарные переклики журавлей. Взрослые гоняют по небу молодняк, подолгу не позволяют журавлятам приземляться, бьют крыльями ленивых и непослушных, готовят молодых к длительному и трудному перелету в теплые края, тренируя у них силу и выносливость...

Тропа узкая. Внизу, по дну ущелья, как россыпи стоячих спичек, редкие сосны. Прокопий Алексеевич, ощупывая ногой каждый выступ, прижимается спиной к гранитной стене и медленно продвигается вперед. Тропа иногда так сужается, что кажется, вот-вот оборвется в пропасть, хищно поблескивающую глянцевыми клыками гранитных оскалов... Наконец тропа расширилась, и Ширяев перевел дух. Самое опасное место осталось позади, но тропинка по-прежнему узка, и двоим на ней не разойтись.

Шайтан зарычал и натянул повод. Прямо на них выскочил горный козел. Ветерок дул на охотников, и козел не учуял опасности. Ширяев замер. Одно неосторожное движение и... Шайтан и Белка напряглись, готовясь

к прыжку, ощерились и прижали уши. На загривках собак поднялась шерсть.

— Стоять! — приказал Прокопий Алексеевич, расстегивая повод. — Белка и Шайтан, стоять!

Козел, застыв, смотрел на них. Ширяев залюбовался зверем. Собаки, злобно рыча, не трогались с места, и Прокопий Алексеевич через натянутый повод ощутил дрожь их тел. Они как бы предупреждали козла, чтобы тот по-хорошему уступил тропу. Ширяев видел желтоватые глаза, наклоненные вперед витые рога и точеные копытца... Козел, не спуская с собак глаз, начал медленно пятиться назад.

— Тихо, Шайтан! Стоять, Белка!

Отступая, козел нащупал задними ногами расширенный участок тропки, подтянул передние и неожиданно, как акробат, сделал свечку, развернулся в воздухе и, прыгнув, скрылся за поворотом скалы... Прокопий Алексеевич вытер со лба пот и улыбнулся.

Около речки Быструхи, рядом с небольшой заводью, Прокопий Алексеевич остановился, чтобы перевести дух после перехода через перевал. До зимовья оставалось около получаса хода. У стока воды, перегораживая заводь, лежал наносник. Сквозь стволы, расчесывая пожелтевшие пряди ветвей, бежала быстрая вода.

Вдруг послышались крики всполошившихся журавлей, тревожно зацокали белки. Шайтан заворчал и посмотрел на хозяина...

Стало трудно дышать. Воздух загустел и комком застревал в горле. Пахнуло влагой, и зашумела тайга. Рябью покрылась заводь, под корягой гулко ударил таймень. Солнце светило по-прежнему ярко, но в лесу что-то изменилось и вызывало в душе тревогу.

Прокопий Алексеевич заметил над перевалом небольшую тучку, играющую в полуденных лучах. Она растягивалась, росла, становилась мрачнее и, выползая из-за вершины гольца, закрывала солнце. Надвигалась гроза, и задерживаться у заводи было опасно. Огромная беда, когда в тайге разражается ливень с ураганом. Ветер шутя валит столетние сосны. Вода, накапливаясь в заторах ложбин и распадок, прорывается и идет сокрушающим валом.

Ветер усилился. Застонал лес. Закричали кедровки, и всполошились бурундуки. Быстро потемнело. Туча затянула все небо. Шайтан рвал повод. Мимо, ломая кустар-

ник, промчался испуганный, почти черный огромный сохатый. Лось не обратил внимания на охотников, и это было первым признаком надвигающейся беды...

Ударили первые молнии. Заполыхало небо. Застучали крупные капли дождя. Раздался треск грома, и послышался нарастающий гул — с гор шел тугой ветер, предвестник урагана. Молнии забили чаще, и раскаты грома слились в непрерывный сухой треск. Дождь перерастал в ливень.

Прокопий Алексеевич, пробираясь в завесе сплошного потока воды, ткнулся в стену домика. Открыл дверь, отдышался, снял рюкзак, вытащил из рюкзака рацию, поставил ее в угол, снял и отжал одежду, развесил ее на шесте и затопил печь.

В избушке пахло плесенью, витал дух запустения. Огонек полыхнул прыгающим пламенем — тяга была сильной. Сразу стало уютнее. Собаки подползли к печурке и начали успокаиваться.

Вдруг задрожали стены и качнулся потолок от удара грома. Взвизгнула от страха Белка, и, прижимая уши, зарычал Шайтан. Дробным обвалом забила канонада небесной артиллерии, заполыхало пламя в узком окне сторожки, отпечатывая на полу пляшущий квадрат ослепительного света. Разряды грозы были настолько оглушительными, что Прокопий Алексеевич невольно приподнялся с топчана, и этот рвущийся треск грома вызвал у него на душе смутную тревогу, он почувствовал запах гнилого лука — запах тротила, и перед ним промелькнула почти забытая памятью поляна, вся лохматая от разрывов снарядов, и обгорелое, перекошенное в страхе лицо Матвея Кирькина с косым разрезом кричащего рта...

2

Кирькины приехали в Демидово в тридцатые годы, прижились на новом месте. Хозяин, Семен Лукич, немалое семейство держал в крепких руках. Занялись охотой, в промысле были настойчивыми и удачливыми, както незаметно для всех обросли хозяйством, обзавелись скотиной.

Прокопий, отслужив в Красной Армии, сошелся с Матвеем — младшим сыном Кирькиных. Матвей был веселым и красивым парнем, к тому же говорун и гармонист, по-

любился демидовским девкам. В Матвее было то, чего недоставало замкнутому Прокопию.

Отец Прокопия не любил Кирькиных за жадность и осуждал сына, что тот вяжется с Матвеем, но Прокопий отмалчивался и поступал по-своему...

Дружба с Матвеем разладилась из-за Марьяны Журавлевой. До приезда Кирькиных Марьяна поглядывала на Прокопия, но с появлением Матвея она начала избегать встреч с ним.

Много было в Демидове красивых девок, но думы Прокопия занимала только Марьяна. Будоражила она парня, как крепкая брага.

Прокопий, встречаясь с Марьяной, терялся от волнения и млел в хмельном тумане. Знал, что она частенько посмеивается над его нелюдимостью, зовет Лешаком, но ничего не мог с собой поделать и жил как опоенный приворотным зельем, смутно надеясь на какое-то чудо, когда Марьяна обратит на него свое внимание.

Каждый вечер, вышагивая по шесть верст, приходил он с кордона в сельский клуб. К полуночи заведующий гасил керосиновые лампы и выпроваживал парней и девок из клуба, и те шли на выгон у Быструхи, где до рассвета отплясывали топотуху с припевками.

Матвей играл на трехрядке, а Прокопий, примостившись где-нибудь на пеньке, не сводил с Марьяны тоскливых глаз. Выйдет она в круг, забросит толстую косу за спину, плавно пройдет по поляне, обожжет зовущим взглядом и, сознавая тайную власть над парнем, подступит к Прокопию, запевая чистым голосом в лад музыке:

Ой ты, Проня-Лешачок,
Все сидишь вздыхаешь?
Пробежит немного время,
Девок растеряешь!

Засмеются девки и парни, покраснеет Прокопий от досады. Нужно Марьяне отвечать — ведь она его в круг вызывает. А ему легче на медведя с ножом пойти, чем слово ответное пропеть!

Зато Матвей не теряется. Тряхнет смоляным чубом, растянет мехи гармони, вскинет, как рысак, голову и пойдет в припляс вокруг девушки:

Марьянушка, голубушка,
Лапа золотая!

Улыбнися только мне,
Я захомутаю!

Усмехнется Марьяна, прищурит свои зовущие глаза, зазвенит насмешливо ее голос:

Твой хомутик, миленький,
Весь потрескан — хиленький!
Если я к тебе приду,
То в телегу запрягу!

Прыснут девчата и загогочут парни: «Ай да Марьяна!» Но нет, не сдается Матвей, упорно и липуче охаживает девку. Растягивает мехи, звучат быстрые переборы, ласково и воркующе стонут басы гармони.

Ах ты, милая моя,
Запрягай хоть в сани!
Я готов из-за тебя
Их таскать годами!

Помрачнеет Прокопий, перехватив их быстрые взгляды, с болью в душе слушает веселую песенную перепалку. О многом на вечеринках говорят скороговорки: и в любви объяснение, и отказ нелюбимому.

Но как ни находчив Матвей, а забьет его Марьяна припевками. Последнее слово всегда за ней... «И как у них только строки плетутся? — думает с завистью Прокопий. — Разве можно тягаться с Матвеем? Горазд он, варнак, на легкое слово!» А дубовый язык Прокопия не умеет вязать паутину складных и ласковых слов.

Звенела трехрядка до вторых петухов, расходились по дворам уже по утренней росе...

Извелся Прокопий от дум по Марьяне, осунулся и потемнел. Отец, обеспокоенный настроением Прокопия, угнал парня на всю зиму в тайгу, думая таким образом избавить сына от душевной смуты. Тайга, как известно, сильных лечит, а слабых ломает, но Прокопий к тому времени, несмотря на молодость, был уже признанным в округе охотником.

С раннего детства у него появилось какое-то необычное чутье природы. Будучи еще несмышленышем, он мог часами выслеживать белку или бурундука, лису или бобра, изучать их повадки, и это доставляло ему боль-

шую радость. Прокопию самому другой раз казалось, что он повязан с тайгой чем-то таинственным, которое задолго позволяло ощущать приближение грозы или урагана, находить в непролазных зарослях нужную звериную тропку... Даже отец, старый и опытный охотник, удивлялся порой необыкновенной способности сына понимать тайгу и зверя.

Всю зиму провел Прокопий на промысле, добывая соболя и белку, а когда возвратился из тайги, то узнал, что Матвей увел Марьяну в свой дом.

Прокопий известие внешне принял невозмутимо, вида родным не показал. Всю ночь не спал, смолил самосад, а утром тайком ушел с собакой к давно примеченной берлоге.

Начался апрель, но весна припозднилась — жали еще по ночам крепкие морозы, закручивались хлесткие синие вьюги...

Поднял шестом медведя, отбросил в сторону ружье и остался перед зверем с одним ножом: бурлила в венах дурная кровь, размывала разум. Медведь, учуяв человека, рявкнул и пошел на парня. Хорошо, что взял с собой собаку, — это и спасло Прокопия. Пес вцепился в зверя, приостановил его. Опустил нож Прокопий и отскочил в сторону, опалила его мысль: чем же медведь виноват в его горе? Чуток не нарушил свое впитанное кровью правило: не трогать ни по баловству, ни по дурости любого зверя... Но рассвирепевший медведь успел-таки зацепить парня лапой по плечу. Отлетел Прокопий в сугроб, но быстро вскочил и спрятался за ствол сосны. И снова собака помешала зверю подмять под себя охотника... Лапал медведь ствол дерева, пытался зацепить Прокопия когтями, от ярости грыз кору клыками, обдавая смрадным дыханием. Ломались под ним кусты, клубом вздымался снег: ловил момент зверь, чтобы изломать охотника.

Схватка оказалась жестокой. Медведь сломал хребет собаке, а сам, рыкая, ушел в заросли...

Отец, почувствовав неладное в поведении сына, следом приехал на лошади к берлоге. Прокопий, опустив голову, сидел на коряге и держал на коленях мертвого пса.

...Запаливая мерина, отец пригнал розвальни к дому. Вправил сыну выбитое плечо, а потом схватился за вожжи. Разъярился, отогнал жену и дочерей, пытавшихся заступиться за Прокопия, закричал гневно на сына:

— Какую собаку загубил, а?! Дышло тебе в печенку! Запорю!..

Протянул Прокопия несколько раз по спине. Тот не отклонился, молча перенес боль. Бросил старик вожжи, затопал ногами на перепуганных женщин:

— Чо зенки вылупили и рты пораззявили?! Все из-за вас, длиннохвостые! Марш топить баню!..

Выпарил Прокопия в бане, смазал ссадины на теле настоем из трав и медвежьего жира, а затем, похлопав сына по литому плечу, покачал головой и не без гордости пробурчал, удивляясь:

— Ну и крепок же ты, Пронька! Чистый дубок, язви тебя, варнака, в душу! Наш корень — ширяевский!

Помолчал, а затем добавил:

— Брось ты думать об этой девке! Жадна, корыстна... Да за тебя любая с радостью пойдет!..

Грустно улыбнулся Прокопий Алексеевич, вспоминая далекие молодые годы. Действительно, чуток не рехнулся он тогда от тягучей тоски по Марьяне. Но началась война, и личное притушилось общим страшным горем... Вздохнул.

Шайтан, услышав вздох хозяина, подошел к полатям и, повиливая хвостом, уставился на него умными желтыми глазами, точно спрашивая: чем же помочь тебе? Прокопий потеребил пса за уши.

В первые месяцы войны они вместе с Матвеем воевали в одном полку.

Батальон, прикрывающий большак у хутора на подступах к Клину, был выбит немцами и отходил к лесу. Ширяев с Кирькиным были на фланге, и Прокопий из ручного пулемета прикрывал отход своей роты... Закончились патроны в диске, а фашисты снова поднялись в атаку. Матвей подал ему запасной диск. Он перезарядил пулемет, огнем снова прижал врага к земле, затем отполз в сторону, вскочил для перебежки на другое место, но в этот момент рядом грохнуло. Сильный удар в спину на какое-то мгновение лишил его сознания... Голова болезненно звенела. Увидел склонившегося Матвея.

— Помоги подняться, — прохрипел Прокопий, пытаясь встать на ноги.

Кирькин что-то закричал, дико зыркнул глазами по

сторонам, согнулся и огромными прыжками, втягивая в плечи голову, побежал к близкому подлеску.

— Матвей, ты куда?! Помоги! — закричал Прокопий и не услышал своего голоса.

Попробовал сам подняться, но упал. Лес был рядом. Мысль о том, что его сейчас могут убить, как-то мало тронула Прокопия. Страшным казалась неподвижность. Тело, которое раньше не ведало усталости, было чужим и беспомощным... Фашисты приближались. Он увидел их совсем рядом. Собрал силы, оттолкнулся руками от земли, перекатил непослушное тело под кусты в воронку от бомбы и уронил голову, неповоротливую, разбухающую от боли. Боль усилилась, и Прокопий провалился в глухую вязкую темноту...

3

Сколько длилось беспамятство, он не знал, а когда пришел в себя, то не сразу сообразил, что же произошло с ним. Первое ощущение реальности — дробящийся, перекатывающийся волнами болезненный шум в голове. Хотел приподняться, но чувство близкой опасности заставило притаиться. Пошевелил осторожно руками и ногами — они повиновались ему. Приподнял голову из воронки и оглядел опушку. По полянке спокойно бродили фашисты. Прокопий ничего не слышал, но по их поведению догадался, что бой закончился и откатился куда-то в сторону.

И оттого, что, контуженный, он ничего не слышал, а только видел немцев, видел сентябрьское небо, шевелящиеся от ветерка пожелтевшие листья кустарника, Прокопий испытывал какое-то странное чувство нереальности... Он мотнул головой, пытаясь вырваться из этого бредового состояния, но от движения тупая боль грохнула по вискам, и он снова чуть не потерял сознание.

Сбоку, метрах в сорока, Прокопий увидел небольшую группу красноармейцев, окруженных фашистами. Среди них находился взводный командир лейтенант Рощин, и рядом с ним, наклонив голову, стояла Галина — военфельдшер батальона, темноглазая, с ямочками на круглых щеках, украинка. Лейтенант был с перебинтованной грудью и опирался на плечи бойцов.

Затем он увидел, как фашисты, подталкивая автоматами в спины, подводят еще несколько красноармейцев, и

среди них шестнадцатилетнего Мишу Снегирева, приставшего к бойцам и прижившегося в роте. За веселость и непосредственность бойцы ласково называли его Снегирьком.

Снегирек был ранен и шел согнувшись, волоча ноги. Споткнувшись, он упал. Попытался подняться, но, как надломленный колосок, снова приник к земле. Фашист что-то закричал, пнул его сапогом в бок и поднял автомат. Снегирек перевернулся на спину, закрыл лицо руками, подтянул ноги в коленях, оттолкнулся каблуками, пытаясь отползти на спине в сторону от направленного в грудь дула автомата. Автомат в руках фашиста вздрогнул, выплюнул пульсирующий белесый дымок, и парнишка вытянулся на земле, раскинув по сторонам руки.

Убийство Снегирька потрясло Прокопия, и он почувствовал, как звон в голове усиливается до тонкого вибрирующего писка, который внезапным болезненным толчком выбил пленку глухоты. Ширяев услышал гул орудийных разрывов и гортанные выкрики чужой речи.

— Коммьисар?! Шнель!

Немец толкнул стволом в грудь лейтенанту и, поведя автоматом, жестко и резко повторил незнакомые слова:

— Шнель, шнель!

Качаясь и через силу удерживая равновесие, Рощин вышел из строя и остановился перед фашистами. Лицо взводного было осунувшимся и неестественно бледным, и лишь жгуче темнели глаза и кучерявились волосы над высоким лбом.

Он что-то проговорил фашистам, и те весело загоготали. Один из них, коротко размахнувшись, ударил лейтенанта в лицо. Рощин упал. Немцы снова рассмеялись и смотрели на взводного, который через силу приподнялся на колени, замотал головой. Раздался протяжный стон, прерванный автоматной очередью...

Немцы снова засмеялись и закричали. Коренастый, с кривыми ногами рыжеволосый фашист выдернул из строя военфельдшера. Галина споткнулась и припала на колени. Немец, улыбаясь, сделал знак, чтобы она поднялась. Галина медленно встала, закрыла лицо руками. Немец, по-прежнему улыбаясь похотливой улыбкой, отвел ее ладони от лица, уперся дулом автомата в подбородок, поднимая голову, а свободной рукой стал мять грудь девушки... Хохот среди немцев усилился. Фашист погасил

улыбку и, раздувая ноздри, запустил руку за ворот гимнастерки, рванул ее на себя...

Галину в разорванной гимнастерке, подталкивая в спину, повели в сторону от пленных. Она двигалась толчками, как ослепшая...

Что произошло с ним, он потом, вспоминая этот страшный день в своей жизни, не в состоянии был объяснить. Раздался крик. Это кричала Галина. И Прокопий, ощутив морозную дрожь в теле от этого полного ужаса крика, помимо своей воли поднялся из воронки.

Фашист, заметивший Прокопия, вскинул автомат и навел на него, наблюдая за ним настороженными глазами. Увидев, что красноармеец безоружен, немец опустил ствол и, улыбаясь, поманил его пальцем:

— Ком цу мир, рус зольдат! Ком цу мир!..

Прокопий медленно приближался к немцам. Один из фашистов подтолкнул его к пленным, и Ширяев как-то безразлично отметил, что Матвея среди красноармейцев нет. Значит, успел выскользнуть из немецкой петли...

Их прогнали через хутор, провели во двор большого дома и загнали в деревянный сарай. В хуторе, по всей видимости, разместилась какая-то хозяйственная часть. Прокопий успел заметить во дворах повозки с крупными короткохвостыми першеронами, фургоны с грузами, машины с ящиками в кузовах. Жителей не было видно, а немцы со смехом ловили домашнюю птицу. Доносился запах паленой щетины, а из дома, во дворе которого находился сарай с пленными, беспечными и веселыми переборами звучала губная гармошка.

К вечеру сменилась охрана, и появился новый часовой. Он открыл дверь и, весело оглядев пленных, произнес на ломаном русском языке:

— Ви есть пленный зольдат! Надо... тихо, ферштейн? Плёхо есть поведений — пиф-паф. — Он прищелкнул языком и повел дулом автомата. — Ферштейн?

Немец был невысок, но плотен и, видать, силен. С длинными волосатыми руками. На бычьей шее приплюснулась голова со скошенным лбом, на который из-под пилотки выпала косая прядь челки. Тугие щеки лоснились. На сером, мышиного цвета мундире сполз набок ремень, оттянутый подсумком с автоматными рожками.

Маленькие, ничего не выражающие глаза вдруг вызвали у Прокопия такой тяжелый приступ ненависти, что он поймал себя на страстном желании сдавить горло фаши-

сту. Он, движимый ненавистью, качнулся к часовому. Тот отпрянул, лязгнул автоматом и заорал:

— Хальт! Цурюк!

Захлопнул дверь, закрыл на засов и, ругаясь по-своему, присел на колоду у сарая. Прокопий обессиленно опустился на земляной пол.

Было слышно, как через хутор прошла колонна танков. Вздрагивали стены сарая, стонала земля под рвущей тяжестью металла.

— Вот прет! — прошептал кто-то обреченно.

Сержант Петров грубо выругался и прикрикнул:

— Замолчи!..

Он придвинулся к Прокопию и зашептал:

— Уходить нужно. Утром собьют в большую партию, усилят охрану, и амба! Надо уходить. Лес рядом, укроет. Ночью подроем сарай и уйдем.

Они приникли к дверям и посмотрели в щель. Часовой по-прежнему сидел на колоде и что-то напевал. Автомат лежал на коленях... Вдруг он зашевелился и что-то прокричал. К нему подошел солдат, поставил на колоду котелок, засмеялся. Донесся запах жареного мяса. Прокопий невольно сглотнул слюну — с самого утра во рту не было ни крошки.

Фашисты поговорили и разошлись. Часовой присел на колоду и заскреб ложкой.

Гасли звуки, наползала темнота. Где-то на хуторе слышалась незнакомая пьяная песня. На востоке глухо гудела канонада — фронт откатывался к Москве.

С тыльной стороны, подрывая землю, они отодвинули два бревна. Работали споро, но осторожно. У дверей оставили наблюдателя за часовым... Ширяев с трудом первым протиснулся в проем, вылез наружу и замер в бурьяне. Следом за ним выползли все пленные. Вокруг было тихо...

Днем они отлеживались в глухих местах, а по ночам пробирались на восток. Отощали и оборвались. Питались ягодами и грибами. Обходили большаки и деревни. На десятые сутки вышли к своим...

Через несколько дней Прокопий столкнулся с Матвеем. Кирькин, увидев Ширяева, побледнел и быстро посмотрел по сторонам, сразу напомнив Прокопию тот миг, когда он вот так же воровато повел глазами, прежде чем

оставить его, беспомощного, перед фашистами, заискивающе улыбнулся и, расставляя руки, с опаской приблизился к земляку.

— Пронька?! — воскликнул он преувеличенно радостно. — Жив?! Я-то думал...

Прокопий криво усмехнулся, взял его за ворот шинели и, обрывая крючки, подтянул к себе, заикаясь, выдавил:

— Га-ад ты, что ни на есть ползучий!

— Пусти! — прохрипел Матвей, пытаясь освободиться.

Прокопий оттолкнул его в сторону, сплюнул и, не оглядываясь, ушел в землянку.

Через месяц командование полка, как умелого стрелка, отправило Ширяева на краткосрочные курсы снайперов, организованные армейским штабом...

4

Кирькин вскоре был ранен и после госпиталя попал в другую часть. По письмам из дома Прокопий знал, что Матвей жив и продолжает воевать. Последняя встреча на фронте произошла уже в августе сорок четвертого.

Стрелковый гвардейский полк в составе 4-го Украинского фронта достиг предгорий Карпат и, измотанный боями, занял оборону. Полк пополнялся людьми и техникой, накапливая силы, и готовился к наступлению в горах.

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Продолжить последовательное освоение научно обоснованных систем ведения хозяйства... Значительно повысить продуктивность и устойчивость земледелия, осуществить в этих целях комплекс мер по увеличению плодородия почв, внедрению интенсивных технологий возделывания сельскохозяйственных культур.

Из Основных направлений экономического и социального развития СССР

ПОИСК БЕРЕЖЛИВЫХ

ДАЖЕ ПО МЕРКАМ Забайкалья с его неохватными просторами совхоз «Анинский» Хоринского района — одно из крупных хозяйств Бурятии: его угодья занимают площадь в 31 тысячу гектаров. В степных долинах, на склонах покатых травянистых сопок пасутся 24 тысячи овец бурятской тонкорунной породы. На молочнотоварных фермах совхоз содержит свыше двух с половиной тысяч голов крупного рогатого скота. На пашнях, прорезанных широкими полосами паров, нитями оросительных каналов, зреют стойкая к морозам и засухам пшеница да «ярица» — местная рожь. А в степной глубинке механизаторы поднимают целину для посева многолетних трав, кормовых культур, строятся благоустроенные дома для чабанских бригад. «Анинский» — богатое, развивающееся хозяйство, и немалая заслуга в этом принадлежит движению бережливых, которое возглавляет молодой экономист комсомолка Любовь Дармаева.

Люба с детства, как все ее сверстники, жила заботами и делами старших и не случайно после окончания десятилетки поступила в сельскохозяйственный институт. В студенческие каникулы, как и в школьные годы, трудилась на полях и фермах «Анинского», где остро нуждались в рабочих руках. На практике искала применение знаниям. Уже на втором курсе Люба определила тему будущего диплома. В совхозе по инициативе коммуниста механизатора Рентина Доржиева внедряли бригадный подряд. Люба участвовала в становлении нового метода и как рядовой полевод, и как начинающий специалист: помогала товарищам в расчетах подряда, учила экономически определять его перспективы. Так сначала в коллективе Доржиева, а впоследствии во всех бригадах «Анинского» начались занятия по изучению основ экономических знаний.

Люба стала неутомимым пропагандистом бригадного подряда. В свободное время бывала в других подразделениях совхоза, рассказывала о преимуществах оплаты труда по конечному результату, для примера водила заинтересовавшихся на участки своей бригады: сравните, как набирают силу всходы у вас и у нас! Выходит, невыгодно цепляться за старое...

В институте после лекций она подолгу засиживалась в научной библиотеке: поставила задачу в деталях изучить опыт развития экономики на селе, продумывала, как применить лучшие варианты в условиях «Анинско-

го», советовалась с преподавателями, профессорами и, приезжая в совхоз, испытывала задуманное на практике. Постепенно она формировалась как специалист, с высшей оценкой защитила диплом по теме бригадного подряда и при распределении попросила направить ее в родное хозяйство...

Из данных, приводимых экономистом Дармаевой, становится ясно: «Анинский» на подъеме. При утвердившемся повсюду подрядном методе рост производительности труда значительно опережает рост фонда зарплаты, кстати сказать, ощутимо повысившейся. Только за последнее полугодие хозяйство получило свыше ста тысяч рублей прибыли. Но важен не только материальный эффект. Одно из главных достоинств подряда, считает Люба, в его влиянии на развитие творческой инициативы. Осознав себя полновластными, ответственными хозяевами, люди стремятся с максимальной отдачей использовать средства, которыми располагают. Поиск резервов экономии приобрел в хозяйстве массовый характер.

К Любе часто обращаются по самым различным вопросам. Однажды пришла к ней общественница-пенсионерка, с досадой поделилась своими наблюдениями: есть такие дома в поселке, где даже днем не выключают электросвет. Делала она замечания хозяевам, а те в ответ: мы, дескать, не крохоборы, чтобы экономить на копейках. «Действительно, все у нас теперь зарабатывают хорошо, и оплата по счетчикам невелика,— рассуждала общественница.— Но как не понять, что для государства электроэнергия дороже денег! На сбереженных киловаттах заводы работают, наши же фермы, мастерские. Поговорили бы вы об этом с людьми — вас поймут правильно».

Такие беседы состоялись. Цифрами, на конкретных примерах Люба показала, какой дополнительный источник энергии даст экономия электричества в быту, как эта экономия будет использована на производстве и в конечном счете отразится на заработке рабочих. Выходило, что сбереженные «копейки» оборачивались рублями. После бесед с жителями, выступлений Любы по местному радио расточительная «иллюминация» в домах прекратилась.

«В поисках резервов экономии очень важно, образно выражаясь, быть «дальнозоркими»,— записала в своем дневнике Дармаева.— В курсе занятий по основам экономических знаний мы ввели «семинары бережливости». Обсуждаем опыт новаторов, знакомимся с путями, которыми они шли в поисках экономии. Случается, что рабочие критикуют сами себя: у нас были и есть такие же возможности, а мы прошли мимо. Поняли, значит, станут внимательней и зорче. Я убеждена, что каждый рядовой производственник, развив в себе творческое «зрение», способен увидеть в своем деле еще не использованные, глубинные источники экономии».

«Семинары бережливости» выявили немало таких источников. Звеньевая маточной отары Меланья Балсумбаева сообщила, что после уборки пасла овец на пожнивных остатках ржи и пшеницы. Овцы хорошо набрали вес, удалось сберечь часть грубых кормов. Что, если перевести на подобный выпас другие отары?

Специалисты научно выверили предложение. Пожнивье на корню оказалось не менее питательным, чем обработанная в запарниках ржаная и пшеничная солома. Выпас на пожнивных участках сберег хозяйству многие тонны кормов.

Еще один вклад в кормопроизводство внес механизатор Александр Конаков. Он утверждал, что травы лучше всего косить ночью. С утра в жаркие и ветреные забайкальские дни сено быстро сохнет, сохраняет аромат и, как предполагал Корнаков, более питательно для животных. Предположение проверили биохимическим анализом.

Прав был опытный полевод! В 3 часа ночи в килограмме травы содержалось 155 миллиграммов каротина, а к 7 утра — только 120. К полудню количество каротина снижалось почти вдвое. Питательное вещество как бы пряталось от жары в корни. Взяли на анализ сухую массу, и опять поразительный результат: в килограмме сена ночного укоса до 38 миллиграммов каротина, а в сене дневного — 17. Теперь ночная косовица также приносит хозяйству выгоду: высокая питательность сена снижает его расход.

К работе «семинаров бережливости» Люба привлекла специалистов всех служб хозяйства. Все предложения, идеи стали обсуждать сообща — и с точки зрения практиков-производственников, и с теоретической, научной стороны. Нередко возникали споры, но тем точнее, обоснованней были общие выводы.

Последователи зачинателя бригадного подряда в совхозе применили систему паровых кулис. После уборки примерно треть поля они запахивают полосами под чистые пары, потом сеют на них зерновые, а соседние, «потрудившиеся» полосы-кулисы таким же способом отправляют на «отдых». Выгодна ли будет такая система для других зерновых угодий хозяйства?

Нашлись возражения: опрометчиво оставлять под парами много земли. Уменьшатся действующие площади — снизится производство зерна по хозяйству.

В ответ новаторы привели веские доводы. Пары — всем известно — повышают плодородие почвы, урожай с них высок, вполне компенсирует потери от «отдыха» соседних участков. И не только компенсирует. При общем подсчете «на круг» урожай с кулисных полей был выше прежних. Но выгода не только в этом: наращивается плодородие почвы, урожаи будут неуклонно возрастать, а кулисное расположение паров снизит затраты труда, сэкономит время, даже горючее.

Предложенный способ землепользования специалисты тщательно выверили, внесли в него дополнения.

ПОВСЮДУ в «Анинском» набирает силу поиск бережливых, и его результаты наглядны. Существенную прибавку к заработку работников совхоза составляют премии за экономию. Чабанки из звена М. Балсамбуевой, например, получили дополнительно к основной оплате по 500 рублей каждая, премиальные в бригаде механизаторов А. Корнакова составили без малого 5 тысяч рублей. Любовь Дармаева, которой поручено направлять и координировать движение бережливых, сообщила, что материальный эффект от экономии дал возможность значительно улучшить бытовые условия в поселке совхоза, позволит расширить жилищное и культурное строительство. Хозяину понятно: сберечь — значит умножить. Сберечь и умножить для государства и для себя.

Ю. ГУРЬЕВ

ГДЕ ПРОВЕСТИ свое свободное время? Где заняться любимым делом? Куда пойти в выходной день всей семьей?

Дать ответы на эти вопросы не проблема для коллектива Каунасского завода искусственных волокон. В их распоряжении замечательный Дворец культуры и спорта. Здесь работает тринадцать кружков художественной самодеятельности, два технических кружка, музыкально-драматическая студия, двенадцать объединений по интересам. Особой популярностью пользуются такие клубы, как, например, «Мельпомена», объединяющий любителей театрального искусства, молодежный клуб, клуб интересных встреч. У любителей спорта — 50-метровый бассейн с

ДВОРЕЦ СОБИРАЕТ ТАЛАНТЫ

восемью дорожками и огромный легкоатлетический манеж общей площадью 2700 квадратных метров, где одновременно можно проводить и соревнования по баскетболу, и заняться акробатикой, прыжками в высоту, длину, метанием ядра...

Никогда не пустуют помещения заводского Дворца культуры и спорта! Загляните сюда в любой день, и вы увидите, как самозабвенно разучивают новый танец дошколята, а в другом помещении идет репетиция духового оркестра. Этажом выше старшеклассники с увлечением занимаются в радиокружке... Заводчане гордятся своими народными музыкальными ансамблями, такими, как ансамбль песни и танца, духовой оркестр «Плоштас», детский ансамбль «Дудочка»,— все они непременные участники традиционного фестиваля «У берега моря», в котором принимают участие все фольклорные ансамбли Литвы.

Не так давно во Дворце культуры и спорта появился еще один клуб — «Трезвость», который сразу же, с первого дня создания, активно включился в борьбу за здоровый образ жизни. Вместе с клубом «Насмешники» члены клуба «Трезвость» организовали выставку антиалкогольной пропаганды, в ней приняли участие художники-любители, которые в сатирической форме едко высмеяли поклонников «зеленого змия».

А то, что весело проводить досуг можно и без алкоголя, доказывают традиционные праздники семьи, пользующиеся большой популярностью у тружеников завода. В подготовке этих праздников принимают активное участие не только работники Дома культуры и спорта, но и завком, дирекция, партийная организация завода. В приподнятом настроении стекаются во Дворец заводчане вместе со своими детьми. В легкоатлетическом манеже перед собравшимися выступает детская художественная самодеятельность, любители принимают участие в бальных танцах. Выступление самодеятельных артистов сменяется разнообразными аттракционами, в которых бывают заняты все — от мала до велика. Бассейн тоже не пустует: здесь проводятся семейные заплывы, соревнования по водному поло.

Незаметно бежит время. Настает пора обеда. Все идут в ресторан, где

В плавательном бассейне.

Во Дворце культуры — прекрасный спорткомплекс.

Занятия танцевального ансамбля.

их ждут празднично накрытые столы. А после обеда в фойе и залах царят шутки, смех, веселье. Когда дети принимают участие в конкурсе лепки и рисунка или смотрят в кинозале любимые мультфильмы, их родители получают возможность потанцевать, заядлые читатели имеют в своем распоряжении последние новинки художественной литературы. А когда заканчивается вечер, участники семейных эстафет награждаются вкусными тортами, такие же призы получают участники конкурса детского рисунка.

Стало традицией и в будние и в праздничные дни проводить во Дворце вечера под девизом «Моя семья, мой рабочий коллектив».

Большой популярностью пользуются у рабочих и другие традиционные праздники: День химика, праздник леса, литературный праздник, праздник кино, праздник первой азбуки /для первоклассников/...

Ежегодно Дворец культуры и спорта проводит театральный фестиваль под девизом «Театр играет для рабочих». В течение двух недель заводчане знакомятся с лучшими последними работами крупных театров Литвы. В гости к рабочим постоянно приезжают драматические театры из Шяуляя, Паневежиса, Государственный молодежный театр из Виль-

нюса, приглашаются профессиональные творческие коллективы из других союзных республик. В день закрытия фестиваля компетентное жюри из числа рабочих называет лауреатов фестиваля и вручает им призы.

Много народу собирает один из самых любимых праздников —праздник садовода. На заводских автобусах семьи рабочих отправляются в одно из живописнейших мест Литвы, где находится садоводческое товарищество завода. Работы заводских садоводов хорошо известны в республике, они постоянно занимают призовые места на конкурсах среди садоводов Литвы. В день праздника люди не только обмениваются опытом своей работы на приусадебном участке, но и участвуют в различных развлекательных мероприятиях на специально оборудованной просторной площадке.

Гордостью Дворца культуры и спорта является его молодежная музыкальная студия, которой руководят Станисловас и Александр Рубиновасы. В день рождения комсомола Литвы им была присуждена премия комсомола республики за большую работу по идейно-политическому, эстетическому воспитанию подрастающего поколения, активную общественную деятельность, постановку спектаклей на молодежную, комсомольскую тематику.

Постановки студии никого не оставляют равнодушными. С большим успехом идет здесь новый спектакль «№ 246», рассказывающий о каунасском комсомольском подполье.

Молодежная музыкальная студия — ядро молодежного дискуссионного клуба, созданного на базе секции народного искусства. Клуб существует уже три года, и число участников его постоянно растет. А начало созданию этого клуба положило объявление в городской газете. От желающих не было отбоя, но право стать его членами получили те, кто при собеседовании проявил четкие гражданские позиции. В составе дискуссионного клуба — рабочие, студенты, школьники, комсомольские работники. Принципы подлинно народного искусства отстаиваются членами клуба не только на сцене, они руководствуются ими и в повседневной жизни. Долго вспоминали ребята обсуждение фильма «Восхождение», поднявшего животрепещущие вопросы. Членов клуба касается все: и продолжение поисков, связанных с деятельностью каунасского комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны, и современные проблемы, волнующие сегодня молодежь. Дискуссии, как правило, продолжаются несколько вечеров. Актуальные вопросы, служащие темой для дискуссий, обсуждаются не только членами дискуссионного клуба, в них вольно или невольно принимает участие молодежь города. Инициаторы дискуссий берут интервью у ребят и девчат на городских площадях и улицах, а затем то или иное мнение молодого прохожего становится составной частью дискуссий в стенах Дворца. Не так давно большой интерес вызвала дискуссия «Человек с наушниками». Речь шла о молодых людях, ничего не замечающих вокруг, ушедших в мир головоломной поп-музыки. Кто он такой, этот «человек с наушниками»? На каких позициях он стоит? В процессе бурного обсуждения выяснилось, что проблема «человек с наушниками» далеко не однозначна. Каждый участник горячо отстаивал свое мнение, а пришли к единому выводу, что надо быть активным гражданином, а не человеком, словно улитка замкнувшимся в своем узком мирке...

В непосредственном соприкосновении с молодежным дискуссионным клубом успешно работает политический клуб школьников «Меридиан», на заседаниях которого обсуждаются международные проблемы, вопросы экономики, атеизма, молодежного движения.

Здесь учатся играть на кантеле.

Есть у молодежного дискуссионного клуба одна очень интересная задумка — поставить спектакль о современной молодежи, самим написать пьесу, собрав материал на основе своих наблюдений. В подготовке этого спектакля будут участвовать и школьники из «Меридиана», их жизненные наблюдения и впечатления войдут в канву спектакля. Инициатор и вдохновитель этого будущего спектакля С. Рубиновас считает, что такое представление будет иметь большое воспитательное значение и эмоциональное воздействие на молодежь.

Всего два десятилетия существует Дворец культуры и спорта Каунасского завода искусственного волокна имени 50-летия Октября. Зародившись как чисто спортивный комплекс, он давно уже перерос свои рамки. В различных его объединениях участвуют свыше 1300 человек, одна лишь художественная самодеятельность насчитывает около 700 участников. Многое изменилось с тех пор. Создана детская спортивная школа по плаванию, получают свое дальнейшее развитие практически все виды спорта. Чрезвычайно насыщена и культурная программа: тематические вечера и вечера отдыха, торжественное чествование ветеранов завода и ветеранов Дворца, занятия в кружках по интересам, коллективные экскурсии и поездки... всего не перечислить!

Дворец собирает таланты.

Заводчане любят свой Дворец. После работы многие из них вместе с членами семьи приходят сюда, чтобы приятно провести здесь свой досуг. Дворец стал для рабочих домом хорошего настроения.

О. СЕМЕНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

25 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКИ

ПРИСЛУШАЙТЕСЬ к сегодняшней Африке — свисту ветра над бескрайней саванной, реву водопадов, гулу больших городов,— и вы почувствуете ее пульс, неровный, но мощный пульс огромного континента, полного загадок и нерешенных проблем. И, может быть, разберете среди ритмов Африки еще один — голос боевых тамтамов и воинственный клич зулусов, доносящийся к нам из глубины десятилетий.

...Пальцы наборщика привычно сновали, подбирая нужные литеры. Раз-два — и вылетали свежие пахучие полосы, страницы будущей журнальной книжки. За двадцать лет работы у пожилого наборщика выработалась привычка читать то, что он набирал, это было свойственно далеко не каждому работнику типографии.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Подслеповатыми глазами он пробежал по первым строчкам статьи: «С мыса Доброй Надежды уведомляют от 3 августа, что армия короля Чаки идет на владения каффров. Подполковник Сомерсет выступил для прикрытия границы и для содействия каффрам».

«Эвон о чем! Знакомое дело. Кабы был я помоложе, непременно подался б в те далекие земли, матросом хотя б...» — И наборщик показал отчеркнутое ногтем место на гранке своему напарнику — мастеровому.

То была давнишняя и несбыточная, конечно, мечта старого типографского мастера. Читать об Африке, точнее, об Африке Южной, ему доводилось и ранее: издавали в типографии и учебники географии, и лоции, и переводы записок иностранных путешественников. Да и в журнальных статьях встречалось это жаркое словечко — Африка, и еще — мыс Доброй Надежды, и племя зулусов...

Не знаем мы имени того наборщика, да и неважно это: внуки его шагнули в век двадцатый — им досталось много повидать, о многом услышать, поболее деда! Но не станем заблуждаться и, ссылаясь на старые времена, утверждать, что в начале прошлого века о народах Южной Африки и знать не знали! Знали! Правда, не так хорошо, как сейчас. И доказательство тому — журналы и книги той эпохи. Не белые и не гладкие сегодня их страницы, их отнюдь не украшают бесчисленные штампы частных коллекций и библиотек. Сколько рук листало те, еще свежие журналы... А сколько было устных пересказов прочитанного!

Далеко, на другом конце земли, еще был жив Чака!

И не одна воспаленная душа рвалась потом в далекую Африку, чтобы помочь справедливой борьбе тех самых зулусов, которые привлекли внимание старого наборщика в далеком 1828 году в сырой и полутемной петербургской типографии.

В огромной снежной России рождался свой образ Южной Африки. Из крошечных коломенских окошек кто-то пристально вглядывался в даль,

пытаясь разглядеть просторы африканских саванн, крааль зулусов, длинные караваны бурских фургонов, уходящие на север...

Не потому ли в далеком уголке Рязанской губернии появилась когда-то деревенька с таким неблизким, но столь понятным названием — Мыс Доброй Надежды?

А там, на другом конце земли, новый, XIX век нес с собой неслыханные в Африке перемены. На юге континента рождалась «империя» зулусов — мощный союз племен и кланов южных банту с единым могущественным полководцем и вождем — Чакой!

О Чаке и его государстве написаны сотни книг и статей, часто слишком возвеличивающих, а иногда и незаслуженно преуменьшающих его роль в истории Африки. Образ Чаки — «кровавого деспота и тирана» — наиболее част в английской колониальной литературе. Колонизаторам был выгоден именно такой Чака — жестокий, безжалостный истребитель целых народов. Тем самым европейцы могли объяснить свою «цивилизаторскую» миссию: они-де принесли народам Африки свободу от тирании монарха!

И всегда авторы «разоблачительных» статей и книг приводят число жертв Чаки — оно якобы составило 2 миллиона. То есть превышает численность населения всей страны, где разворачивались события тех десятилетий... Названия многих книг о Чаке говорят сами за себя: «Копья, залитые кровью», «Тропою крови» и так далее. В художественной литературе наиболее ярко Чака-безумец описан в малоизвестном у нас романе Райдера Хаггарда «Нада».

Сам Чака прожил слишком короткую жизнь, ему не довелось бороться против буров и англичан, это стало уделом его преемников. Но он сделал другое, не менее важное дело. Реформы, проведенные им в социально-политической и военной областях, поставили его в ряд крупнейших фигур африканской истории. Выдвинувшись из рядов родного клана Зулу, Чака ввел в полках новое вооружение — короткий ассегай для ближнего боя вместо нескольких метательных копий, которые можно было использовать только один раз. Полки обучались новой тактике в наступлении: «рога» окружали противника с флангов, а «грудь», основные силы наносили мощный лобовой удар. Он упразднил сандалии, ибо они затрудняли быстрое передвижение войск. Армия при Чаке стала центром социальной и политической жизни, он завершил реформы, начатые его предшественником Дингисвайо, который ликвидировал так называемые «возрастные классы» среди населения (характерные для всей традиционной структуры африканских народов), создав полки по возрастному типу. Молодым воинам не разрешалось жениться до тех пор, пока те не отличатся на поле боя...

Конечно, все эти изменения назрели и начали осуществляться еще до Чаки. Тот лишь усилил и ускорил этот процесс. Поражают масштабы преобразований! Главной целью его политики было вовлечь в армию представителей всех окружающих племен. Это была интернациональная армия в прямом смысле этого слова, причем все воины считали себя детьми одного народа. Сделать такое было нелегко, но какую силу составили зулусские отряды позже — перед лицом британского военного вторжения в их земли!

Как жаль, что реформы Чаки, безвременно ушедшего из жизни в возрасте сорока лет, не нашли должного развития впоследствии. Кто знает, как сложились бы исторические судьбы южноафриканских народов, противопоставь они англичанам не раздробленные очаги сопротивления разлагавшейся зулусской «империи», а мощный антиколониальный фронт...

На рубеже 70—80-х годов прошлого века трем крупным народам Южной Африки — коса, зулусам и басуто — были нанесены сокрушительные удары, от которых они уже не смогли оправиться. Шел империалистический раздел Африки. Европейские державы старались побольше урвать от «сытного пирога» — Африканского континента. Бесконечные колониальные войны очень дорого обходились африканцам, однако в Европе мало кто относился к ним всерьез. В. И. Ленин писал: «...Возьмите историю тех маленьких войн...— «маленьких» потому, что европейцев в них гибло немного, но гибли зато сотни тысяч тех народов, которых душили, которые с их точки зрения даже народами не считаются... с этими народами вели войны такого сорта: они были безоружны, а их расстреливали из пулеметов».

Сохранились описания одного боя, когда инкоси (вождь) Кечвайо выставил против англичан 25 тысяч хорошо тренированных воинов — лучших сынов зулусского народа. Они наголову разбили британцев. Некоторые такие победы даже повлияли на ход европейской политики! В Англии, например, из-за этого раньше времени пало правительство Дизраэли. Но в порты Южной Африки прибывали новые транспорты с войсками и огнестрельным оружием, а сам народ был обескровлен междоусобицами, инспирированными зачастую британскими агентами. Силы оказались неравными.

В России внимательно следили за событиями в Южной Африке. Петербургский журнал «Нива» сообщал в 1879 году: «Только что получена депеша о том, что будто бы 28 августа отважный вождь Сетевайо (Кечвайо.— **Авт.**), столько раз доблестно отражавший нападения англичан, взят в плен... Теперь остается его привезти в Европу как зверя и мелким газетам начать глумиться над его привычками и странностями». В материалах российских изданий сквозят неприязнь и презрение к британцам, к «всепожирающим английским интересам». А вот строчки из «Голоса» за тот же год: «Сетевайо со своими зулусами оказывается противником, с которым лучше было бы не начинать войны».

Сохранилось высказывание Ф. Энгельса о мужестве зулусов. «Воору-

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ВО ЧТО ОБОШЕЛСЯ РЕКОРД? Англичанин Джордж Меккан добился своего — его имя вошло в пресловутую книгу рекордов Гиннеса как человека, проделавшего «самое длинное путешествие за все времена». Однако его спортивный подвиг еще раз развенчал установившееся обывательское мнение, будто это приносит мировую славу и деньги.

Меккан за семь лет прошел пешком от Огненной Земли до Северной Аляски. Действительно, он первый человек, который пересек две Америки с юга на север. Но рекордный переход принес ему одни неприятности. Во-первых, он потерял свою работу, после длительного путешествия его не взяли обратно в контору. Пока он шел пешком, его семье пришлось жить за счет подаяний. Ко всему прочему, единственный экземпляр его путевого дневника присвоил один из американских издателей, не заплатив, естественно, ни доллара.

КАК МУЗЕЙ СПАСЛИ КОСТИ. Музею естественной истории в Нью-Йорке городские власти ежегодно безжалостно срезали дотацию. Наступили суровые времена. Что делать? Меценатов давно нет, сборы от посетителей мизерны...

И тут один из смекалистых сотрудников, которому давно задерживали выплату зарплаты, предло-

женные только копьями и дротиками,— писал он,— не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль... английской пехоты... продвигались вперед на дистанцию штыкового боя, не раз расстраивали ряды этой пехоты и даже опрокидывали ее, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении...»

Начинался XX век. Зарождались новые силы протеста. Рос молодой южноафриканский пролетариат. От тактики «ненасильственного сопротивления» патриоты переходили к открытой вооруженной борьбе.

Сегодня отпор апартеиду внутри Южной Африки достиг небывалых масштабов. Никогда еще не были так велики престиж и сила Африканского национального конгресса. Тысячи молодых людей становятся в ряды «Умконто ве сизве» — «Копье нации» — боевых отрядов патриотов. В стране назрела революционная ситуация...

Первые страницы священной борьбы африканских народов за свободу написаны давно, еще в те далекие времена, когда ранние европейские путешественники и переселенцы, осторожно насаждая свои порядки, шаг за шагом проникали в глубь Южной Африки и в вооруженных спорах за земли противопоставляли одиноким выступлениям отдельных племен, ассегаям и щитам из бычьей шкуры карабины с нарезными стволами. Нынешний день являет миру образчик новых форм сопротивления — вооруженные выступления всего чернокожего населения. Навсегда останутся в памяти людей Шарпевиль и Соуэто — примеры мужества и решимости южноафриканцев. И в руках у патриотов уже не копья и стрелы, а более серьезное оружие. И еще — знамена Африканского национального конгресса и Южно-Африканской компартии. Без бронетранспортеров и слезоточивых газов каратели уже не отваживаются появляться в африканских гетто, а глашатаями движения выступают всемирно известные патриоты. Среди них — Винни Мандела, жена томящегося в застенках Нельсона Манделы, того самого, который сказал на судилище в Претории, что на борьбу за человеческое достоинство родного народа его подняла мысль о великих делах Чаки.

Н. НИКОЛАЕВ

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

жил спасти родной музей с помощью... костей динозавров. Дело в том, что незадолго до этого он увидел, как хозяин одного из универсальных магазинов украсил витрины своего заведения крупными костями доисторических животных. Он взял их не с места раскопок, а на свалке, куда их выбросили работники киностудии после окончания съемки приключенческого фильма. Разумеется, это была бутафория из гипса и проволоки, но внимание покупателей диковинные кости привлекли.

«Почему бы и нам не поступить так же? — поразмыслили работники музея.— Приманка совсем неплохая!» И принялись за дело.

Гипс — товар дешевый, и костей отлили предостаточно. Дела музея пошли в гору. Дали и броскую рекламу, пообещав любому посетителю по сходной цене продать либо берцовую кость лезиозавра, либо кинжальные клыки тиранозавра.

Теперь музей смотрит в будущее оптимистически. Еще бы: он превратился в бойкую лавочку. Посетители спешат за покупками костей. Но они, как и прежде, не заходят в залы этого научно-просветительного заведения.

Словом, оптимизм преждевременный. Ведь мода, как хорошо известно, быстропреходяща. Особенно если она коснулась обывателей. Что же потом продавать в музее?

Двадцать лет назад Интерпол и американская служба по борьбе с наркотиками раскрыли и обезвредили во Франции сеть контрабандной торговли, которая проходила под условным названием «Французский союз». Марсель, где мафия перерабатывала опиум на героин, оказался перевалочным пунктом между маковыми полями Турции и запутанными улочками американских городов. В Европе наркомания была тогда довольно редким явлением и мало волновала власти. «Сегодня же это бедствие возвращается на старый континент как кара за былое легкомыслие»,— пишет американский еженедельник «Ньюсуик».

«БЕЛАЯ СМЕРТЬ»

Николас Памелла, шеф Службы по борьбе с наркотиками, штаб-квартира которой находится в Париже, говорит: «В Европе сейчас положение дел таково, каким оно было в Америке в конце шестидесятых. Это относится ко всей Западной Европе в целом». Запасы героина на всем протяжении от Дублина до Рима не поддаются учету. Работники противонаркотических служб склонны думать, что ведут напрасную борьбу, ведь, несмотря на то, что каждый год растет число арестованных торговцев, статистика говорит, что количество наркоманов не уменьшается...

Еще десять лет назад никто не мог предположить, что этот яд разольется так широко. Некоторые правительства на Западе даже внесли поправки в свои законы, тем самым снижая ответственность за хранение «слабых» наркотиков. В Испании проблема наркомании официальные власти вообще не интересует. Однако загляните в любой из мадридских парков средь бела дня — и вы станете удручающую картину. Все эти факты говорят о том, что западноевропейские столицы буквально открыли ворота наркотикам, сдались, что называется, без боя.

В последние годы кривая роста наркомании в Западной Европе резко пошла вверх. Никогда еще так широко, как сегодня, не употреблялись твердые наркотики — героин и кокаин. Сотни молодых людей умирают от безобидной на первый взгляд инъекции в вену. Тысячи других «белая смерть» приводит на путь преступлений и проституции, так как с каждым днем им требуется все большая доза... Под действием дурмана совершаются многочисленные преступления. Героин властвует на площадях Амстердама, Западного Берлина, Дублина, в парижском метро. Бедность и неуверенность в завтрашнем дне — лучшая почва для распространения наркотиков, но их не оставляют без внимания и «сливки» общества, десятилетние школьники и обыватели из средних слоев. Британский ежемесячник «Мэйфейр» пишет: «Для девчонки из Ливерпуля достать наркотики так же просто, как купить пакетик леденцов.

А кое-где это сделать еще легче. В нескольких метрах от оживленного Лионского вокзала в Париже начинается улица Шалон. Здесь группки юнцов предлагают свой ядовитый товар в любое время дня и ночи. «Вам белый или коричневый?» — спрашивают они. Белый героин очищен, следовательно, стоит дороже. Коричневый проходит не очень качественную обработку, потому и дешевле. Столичные жители уже привыкли к подобной купле-продаже. Французская «Фигаро» отмечает, что героин можно достать даже в самых глухих уголках страны. А западногерманский «Шпигель» констатирует: «И в сонных сельскохозяйственных районах нашей республики в прошлом году умерло от чрезмерной порции героина 44 человека».

Путь, которым течет героин в Западную Европу, начинается высоко в азиатских горах. Он состоит из двух ветвей. Одна зарождается в «золотом треугольнике» — районе на границах Бирмы, Лаоса и Таиланда, а другая — в так называемом «золотом полумесяце», который охватывает приграничные районы Ирана, Афганистана и Пакистана. Именно в этих местах, которые из-за своей неприступности не могут контролироваться властями, выращивают опиумный мак. Из него-то и получают липкую коричневую основу для производства героина.

Для постоянного снабжения жаждущих кокаина тоже нужна хорошо отлаженная торговая сеть, она берет начало в андских предгорьях и дальше через мадридский аэропорт Барахас приходит на улицы западногерманских городов. Эту дорогу называют «кокаиновым экспрессом».

«Когда наркотики попадают в Европу, их судьбу проследить уже невозможно»,— печально констатируют эксперты. Речь идет не о том, как перемещается зелье из страны в страну, а о тех условиях, в которых происходит их движение. «Не так давно наркотиками «баловались» лишь определенные слои общества,— вспоминает врач Марк Валлер из больницы Мармоттан в Париже, которая считается самым крупным лечебным учреждением в этой области.— Теперь их употребляют практически все. Кокаин когда-то был доступен только богатым, теперь упал в цене и употребляется средними слоями, героин же проник даже во дворцы».

По статистическим данным французской полиции, большинство тех, кто арестован за торговлю наркотиками и за преступления, совершенные под их действием,— молодые люди в возрасте до 20 лет. Есть сведения, что 80 процентов наркоманов во Франции — молодежь от 15 до 25 лет. Представители министерства здравоохранения в Бонне утверждают, что около миллиона западногерманских детей в возрасте от 11 до 15 лет регулярно употребляют какой-либо сорт наркотиков. Перекупщики в некоторых странах специально используют малолетних в качестве продавцов и курьеров, так как те по закону не могут быть подвергнуты уголовной ответственности. «Только в Неаполе тысячи детей впутаны в махинации с наркотиками»,— говорит итальянский психолог Карло Чезарини.

И как печальный финал — колоссальное количество наркоманов. Число тех, чья жизнь целиком зависит от наркотиков, ужасает: 120 тысяч во Франции, 40 тысяч в Англии, 6 тысяч в маленькой Ирландии. Если верить статистике, в Италии 250 тысяч человек употребляют героин или кокаин, что в процентном отношении к общему числу жителей выше, чем в США. Вот число смертных случаев от передозировки на 1983 год: в ФРГ — 472, во Франции — 150, в Италии — 257. Испанская поли-

ПЕВЕЦ НАРОДНОГО ПОДВИГА

В 1986 году, в мае, мы отметили бы его восьмидесятилетие. Но случилось так, что на восьмидесятом году жизнь Сергея Аполлинариевича оборвалась, а последние его слова *, обращенные к нам, опубликованы были уже после его кончины. Это как бы очевидный знак того, что дело его продолжается. Его последняя беседа исполнена надежд и веры в человека. За его суждениями стоит убежденность гуманиста. И этим последним словам и мыслям его словно бы суждено стать духовным завещанием художника.

Ровным пламенем отгорает свой срок свеча, но прежде, чем угаснуть, дает она, в самый истечный миг, яркую вспышку. Так волею судьбы или диктатом внутреннего провидения осуществляется в урочный час, в последний час, и всплеск духовного озарения, итожащий неус-

* «Правда», 1985, № 343.

ция утверждает, что 75 процентов преступлений в стране связано именно с наркотиками. За статистикой скрываются страшные семейные трагедии. «Ньюсуик» рассказал об одном 25-летнем итальянском наркомане, который заставлял свою мать заниматься проституцией, чтобы доставать деньги на героин.

Большая доля вины в сложившейся ситуации лежит на существующих во многих странах Западной Европы законах, которые не препятствуют распространению социального недуга. Но самые суровые законы еще недостаточны для борьбы против наркомании. В этом случае примером служит ФРГ. За употребление марихуаны здесь можно угодить на целый год в тюрьму и заплатить штраф в размере тысячи марок. И, несмотря на это, ФРГ переживает серьезные трудности: у полиции нет хорошего оружия в борьбе с «белой смертью». «В войне с порошком мы терпим одно поражение за другим,— говорит представитель Интерпола.— Большинство арестованных — жертвы наркомании, в то время как корень зла в торговцах и перекупщиках. А при таком высоком уровне употребления кокаина и героина мы, конечно же, чаще ловим самих наркоманов, а не их пособников».

У служб по борьбе с наркоти-

танную жизненную работу творца. Смыкается тьма, но негаснущий свет остается. От него продолжается духовное горение других, многих, и так создается духовное воздвижение самой жизни.

Полвека назад, еще когда ставил С. Герасимов фильмы «Семеро смелых» и «Комсомольск», он на долгую перспективу заложил в искусство советского кино фундаментальную идею героического назначения родного народа. Настойчиво, устремленно утверждал он эту идею, художественно и философски последовательно обогащал ее в «Большой земле» и «Молодой гвардии», в «Тихом Доне» и «Журналисте», в лентах «У озера», «Любить человека», «Лев Толстой». Энергия жизни постоянно обогащала его экран. Но так же и ответный совершался процесс: его творчество пульсировало энергией, оздоровляя время и человека.

Судьба мира беспокоила его страстно. Его сознание восставало против угрозы ядерного безумия. Он думал над тем, что можно противопоставить этому безумию. И отвечал: добрую волю народов, сплоченность и еще — убеждение, что человечество в своей исторической практике неизбежно станет обращаться к гарантиям правды и социальной справедливости, обретаемым людьми в завоеваниях труда, разума, духа.

«Древнее народное понятие справедливости...— сказал он в слове к нам, его современникам, согражданам,— ныне вышло на глобальный, общечеловеческий уровень. Социализм понял, что мир спасется правдой и справедливостью трудового человека».

Мир спасется... Во имя этого — призыв к соединению духовных и героических усилий человечества в борьбе с невежеством, злом, мраком.

В своей работе С. Герасимов являл пример творческого горения. Вспышкой яркого света остался и изливается, рассекая тьму, и последний, неубывающий миг его духовной жизни, духовного подвижничества.

Негаснущий свет остается.

Вячеслав ГОРБАЧЕВ

ками есть и успехи. В апреле 1984 года была проведена успешная операция специальных служб Италии, Швейцарии и США против крупной сети торговцев, переправлявших героин в Западную Европу и США. Раскрыта схема, по которой мафия перевозила порошок на сумму 1,65 миллиона долларов из Голландии в Испанию, а потом в Соединенные Штаты. А в Америке его предполагали продавать через итальянские рестораны.

Однако в борьбе с «белой смертью» пока, к сожалению, верх одерживают именно торговцы. В 1984 году был высокий урожай опиумного мака и как следствие — большие поставки «рафинированного яда» в Западную Европу и США летом 1985 года. Соответствующие организации делают все, что в их силах, но остановить трагедию они не в состоянии. В условиях, когда все больше молодых людей в Западной Европе теряют надежду найти работу и безработица достигла угрожающих размеров, когда молодежь не видит перед собой никакой перспективы в жизни, а реакционная пропаганда нагнетает психоз ядерной катастрофы, у наркомании есть все шансы сохранить за собой право на существование.

Н. ТЮПИЧ

Продвижение в науке невозможно без преодоления трудностей. Наука требует героизма. Но это как раз то, чего ищет молодость, то, в чем она видит счастье... Вот почему так естествен наплыв молодежи в науку.

М. В. КЕЛДЫШ

— ЭДМУНДАС? Артурас говорит. Как всегда?

— Да, конечно.

В трубке зазвучали короткие гудки отбоя.

Редкий случай может нарушить этот сложившийся с годами уклад их жизни, их привычный утренний телефонный диалог.

Вместе они входят в лабораторию, вместе и покидают ее, порой ночью, если даже компьютер не успевает рассчитать то, что продумано накануне. Результат-то получить необходимо, пусть иногда и отрицательный, отвергающий с большим трудом выношенную идею. Впрочем, отрицательный результат — это тоже результат...

Артурас Жукаускас и Эдмундас Куокштис — старшие научные сотрудники Вильнюсского государственного университета имени Капсукаса.

...Артурас не думал становиться ученым. В школе, правда, увлекался математикой, учился музыке. И самое главное, что отличало его от других школьников,— это тяга к неизвестному, неизученному. Как заметил сам Артурас, хотелось «залезть» туда, где совершенно ничего непонятно. Школьные учителя считали: победитель математических олимпиад на разных уровнях должен посвятить себя только математике, и ничему иному. Но отдал себя как раз иному... Правда, выбранная им профессия близка к математике, но Артурас, увлекающийся техникой, выбрал физику, ибо, как он считает, в мире физики невозможно обойтись без аппаратуры и приборов, а в работе с ними он и может использовать свои математические познания. Проблема выбора вуза перед ним не стояла — он подал заявление в университет, на физический факультет.

Трудные вступительные экзамены остались позади. Артурас стал первокурсником. В отличие от многих студентов, выбравших себе какое-либо научное направление и начавших сразу работать в соответствующих лабораториях, Артурас долго колебался, вернее — присматривался, в какой из областей этой интересной науки больше «белых пятен»...

Артурас Жукаускас

Эдмундас стал физиком, как говорят журналисты, по призванию, по убеждению, по велению сердца. Участник и призер физических олимпиад, он, не раздумывая, поступил на физфак университета, отказавшись от другой своей страсти — живописи,

Эдмундас Коукштис.

которой серьезно занимался четыре года в профессиональной школе. На втором курсе университета он пришел в лабораторию, где занимаются исследованиями физических процессов в полупроводниках, и занялся научной деятельностью под руководством профессора, доктора наук Р. Балтрамеюнаса.

Эдмундас Куокштис — председатель Совета молодых ученых и специалистов факультета, член комиссии по проведению республиканских олимпиад среди юных физиков.

Познакомились Эдмундас и Артурас в школьные годы, объединило их занятие радиоспортом, хотя, как они сами говорят, радиолюбители редко становятся физиками...

Оба мастера спорта страстно увлекались «охотой на лис» — спортивной радиопеленгацией, но потом учеба в университете и научная деятельность почти не оставили на это времени. Впрочем, Артурас до сих пор член президиума Федерации радиоспорта Вильнюса.

Учеба в университете ненадолго, если можно так выразиться, разлучила их: Эдмундас уже занимался конкретной научной работой в лаборатории, Артурас

продолжал раздумывать, какой из областей физики себя посвятить. Но произошло, наверное, нечто закономерное. Однажды Эдмундас пригласил своего приятеля зайти в лабораторию подождать его, а заодно посмотреть на проходившие там эксперименты. С тех пор Артурас заглядывал в лабораторию не раз. Ему понравились работающие там люди, увлекла тематика. И выбор был сделан, начались их совместные исследования, поиски, эксперименты.

За цикл работ «Термодинамика возбужденных лазером неравновесных квазичастиц в полупроводниках» Э. Куокштису и А. Жукаускасу в январе 1986 года была присуждена премия комсомола Литовской ССР.

О том, как они подошли к этому циклу работ, рассказывают сами молодые ученые.

Во введении к одной из научно-популярных статей было написано: раньше считали, что тело обладает некой электрической жидкостью, которую можно из него вылить. По теперешним понятиям идея наивная, но, как оказалось, не такая уж безнадежная: в твердом теле возможно наличие электронно-дырочной жидкости, и электронные «дырки» связываются в определенное термодинамическое состояние. В таком веществе начинают проявляться его качественно новые свойства: оно может усиливать свет в определенном диапазоне световых волн, и для определенного цвета можно получить усилитель света. И вот исследуются свойства свечения полупроводников и кристаллов, спектры оптического усиления, а это необходимо для оптической микроэлектроники, так как после воздействия лазерным лучом на полупроводник или на микросхемы они могут приобретать совершенно иные, уникальные свойства. Ведь в облучаемых лазером кристаллах как бы создается микромодель плазмы, которой интересуются и астрономы и ядерщики. А с другой стороны, это оптика полупроводников, явления, специфические для твердого тела. И здесь появилась возможность использовать такие явления в качестве элемента ЭВМ. Ведь иногда скорость происходящих физических явлений в лабораторных условиях приближается к околосветовой, и длятся эти явления миллионные доли секунды. Их надо зафиксировать. Скорость работы обычной ЭВМ уже не удовлетворяет ученых. Однако оптическая память способна уловить и «запомнить» сверхскоростные процессы и выдать информацию в обычный компьютер, который «не торопясь» выполнит дальнейшие расчеты. Кроме того, это создание полупроводникового лазера, дающего самый дешевый квант света. Если коэффициент полезного действия обычного лазера составляет 1 процент, то полупроводникового — около 30 процентов. Сложность заключается в том, что при воздействии на полупроводник светом, электронным пучком или другими сильными электрическими полями образуется плотный электрический газ, в котором рождается свет. Исследовать свойства этого газа и научиться управлять этим процессом — задача молодых ученых.

...На экране возникали графики и формулы. Эдмундас и Артурас склонились над экраном... Когда они уйдут из лаборатории — вечером или завтра утром?

Они будут ждать решения одной задачи, чтобы затем взяться за новую...

А. ГЕОРГИЕВ
Фото автора

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Он был убит 18 марта 1926 года. Уткнувшись лицом в сухой прошлогодний бурьян, он не слышал уже ни криков, ни треска пулеметных выстрелов.

Что испытал боец, когда удар в грудь опрокинул его навзничь? О чем думал он, когда вступал в бой? Этого мы никогда не узнаем. Нам известно одно — Андрей Бабушкин до конца оставался на посту, выполняя долг пограничника.

Тот день стал для него последним. Для пограничной заставы, где он служил, он стал первым днем нового года ее истории. С него и начала писаться летопись погранзаставы имени Андрея Бабушкина, первой именной заставы нашей страны.

...— Вот здесь переправлялась банда. Их было несколько десятков человек,— замполит заставы старший лейтенант Владимир Иванников показал на невысокий берег Аракса.— А на этом месте погиб Бабушкин.

ПОРОГ ДОМА НАШЕГО

Мы стоим у небольшого каменного обелиска, украшенного пятиконечной звездой. Узкая лента реки отделяет нас от территории соседнего государства. По обоим берегам — чахлые кустики ивняка и тамариска, а за ними — степь, поросшая сухим прошлогодним бурьяном. Если оглянуться назад, увидишь струйки дыма над крышами села. Чуть левее — светлый прямоугольник заставы с наблюдательной вышкой и красным флагом, трепещущим на фоне свинцового неба. Но все это за нашей спиной, а впереди — граница.

...Третий день я живу на пограничной заставе, носящей имя Андрея Бабушкина, но никак не могу освоиться с распорядком дня. Утром, когда на кухне готов завтрак, некоторые еще спят. Это те, кто недавно вернулся с границы. Кто уже встал — разговаривают вполголоса, аккуратно ступают по половицам. Даже занятия проходят в две смены. Иногда, проснувшись ночью, слышу голос дежурного офицера: «Приказываю выступить на охрану Государственной границы...» Новый наряд уходит в ночь, чтобы сменить на посту своих товарищей. Но есть для пограничников святой закон — к подъему государственного флага все должны быть в строю. Только дежурный остается у пульта, на котором мигает зеленая лампочка — на границе все спокойно. Но если покой нарушен, тогда звучит команда для всех: «Застава, в ружье!» И нет времени для отдыха.

Владимир Щелкунов, несмотря на свою молодость, на границе служит давно. Срочную службу проходил на Памире. После окончания пограничного училища получил новое назначение, на горную заставу. А начальником заставы имени А. Бабушкина стал совсем недавно — еще не успел семью перевезти с прежнего места службы. Но каждого бойца на заставе знает настолько хорошо, что может дать точную и яркую характеристику.

— ...По-другому и быть не может. Этим людям доверена охрана границы нашей страны. Начальник заставы должен знать каждого и быть уверенным в каждом, как в самом себе. Здесь доверяют таким качествам, как личное мужество, честное отношение к порученному делу, взаимовыручка...

Замполит заставы старший лейтенант Владимир Иванников «срочную» тоже отслужил в пограничных войсках. Затем окончил училище.

— Если говорить по совести, то романтику пограничной службы солдат испытывает дважды — когда его призывают в погранвойска и когда он увольняется в запас. Для призывника граница — набор стереотипов, почерпнутых из множества фильмов и книг. Погони, схватки, стрельба... А служба у нас совсем иная — трудная, каждодневная, с массой неудобств и лишений. Но для того, кто вернулся домой, вспоминаются самоотверженность друзей, умение переносить трудности, полные напряжения дни и ночи и, конечно же, глаза ребят и их руки, поднятые в прощальном приветствии.

Кто-то правильно сказал, что служба на границе — призвание,— продолжает Иванников.— Призвание — это право на исключительность. Нельзя быть плохим пограничником, как и плохим врачом. Потому что от нас зависит жизнь людей, судьба нашей страны. И солдаты это понимают отлично...

Старшему технику заставы прапорщику Арабу Гусейнову чуть за тридцать, но среди личного состава он считается человеком, повидавшим многое. Начальник заставы и замполит величают его по имени и отчеству — Араб Николаевич.

На заставу Гусейнова привела сама судьба. Родился и вырос он рядом с границей, был бессменным начальником штаба ДНД, ежедневно бывал на заставе. И когда ему предложили служить в погранвойсках, он, недолго думая, согласился. Окончил школу прапорщиков и был направлен на первую в стране именную заставу.

Я долго расспрашивал Араба о работе дружинников. Гусейнов махнул рукой:

— Зачем так много спрашивать? Давай сейчас проведем эксперимент. Я отвезу тебя в село. Ты подойдешь к любому человеку, объяснишь, что отстал от туристической группы, или придумаешь еще что-нибудь. Невзначай спроси, где граница... и увидишь, как действуют дружинники. Через полчаса ты будешь сидеть на заставе и объяснять начальнику, зачем тебе понадобилась граница!

От эксперимента я отказался: поверил на слово.

Действительно, помощь местных жителей пограничникам велика. Ни один посторонний человек не останется незамеченным. Но все же главным действующим лицом на границе остается солдат в зеленой фуражке.

Так что же такое граница? Этот вопрос я задал многим и небольшую часть ответов хочу привести.

Ефрейтор Александр Бражкин: «На этой заставе я прослужил почти два года. Но каждый раз, когда я слышу приказ выступить на охрану Государственной границы, я испытываю такое же волнение, как и в первый свой наряд. Помню, вглядывался тогда я в контрольно-следовую полосу до рези в глазах, все боялся, что чего-нибудь не замечу. Досмотрелся до того, что круги перед глазами пошли. Ребята говорили, что это у всех бывает от непривычки. А у меня эта привычка так и не выработалась. Каждый раз, когда слушаю приказ, волнуюсь, словно мне впервые доверили выйти на охрану нашей границы».

Сержант Анатолий Андрющенко: «Каждый день я и мой пес Грейс проходим по границе от восьми до восемнадцати километров. И всегда кажется, что и слышишь лучше, и видишь зорче. К границе привыкнуть невозможно. Можно только научиться быть еще более бдительным. Ведь граница — это порог нашего дома, и мы его часовые. Скоро придут молодые солдаты, и мне, как и другим старослужащим, придется обучать их всем тонкостям пограничной службы, которые я узнал за два года. Чтобы, вернувшись домой, быть уверенным, что на моем участке границы все спокойно».

Сержант Александр Федотов: «Сам живу в Москве. От границы, прямо скажем, далековато. Но что такое служба в погранвойсках, я, как мне показалось, узнал еще дома. Мои братья служили на границе и рассказывали мне о ней. Но одно дело — слышать, совсем другое — испытать все самому. Если ты стоял на вышке, выходил в дозор в зной и в холод, ночью и днем, если вглядывался в КСП, стараясь не пропустить ничего, если ты, наконец, чувствовал личную ответственность за свой участок границы — значит, ты знаешь, что такое гордость пограничника».

Ефрейтор Курбан Сулейманов: «Граница — это последние метры родной земли. И никто не должен посягнуть на них. Тем, кто хочет

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

СТРАДИВАРИ ДЛЯ ДЖАЗА НЕ ПОДОШЕЛ. Каждую осень в штате Коннектикут (США) организуется распродажа ненужных вещей. Нотариус Бернар Пауэл, порывшись в хламе, приобрел старую скрипку всего за 4 доллара. Продавец заявил ему, что цена «этой древности» столь мала из-за отвратительного звука. В этом убедился его сын, попытавшийся играть на инструменте в молодежном рок-джазе. Ему посоветовали выбросить скрипку и перейти на электрогитару.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что скрипка вышла из мастерской знаменитого итальянца Страдивари. Дата ее изготовления — 1721 год, что можно было увидеть на корпусе. Настоящая цена инструмента — 300 тысяч долларов.

Местные газеты следующим образом прокомментировали этот факт: «Конечно, нотариусу неслыханно повезло. Но данный случай говорит и о другом. Всеобщее увлечение электроинструментами и рок-музыкой свидетельствует о музыкальном одичании Америки».

ПЕРВАЯ СУДИМОСТЬ У РОБОТА. Главный судья Эдинбурга (Шотлан-

узнать, что такое настоящая служба, скажу — это вы поймете, если будете служить в погранвойсках».

Часто в разговоре с ребятами я слышал высказывания о том, что вне коллектива на заставе жить невозможно. И это замечаешь здесь повсюду. Приходит посылка — делят на всех. Никогда не пропустят дня рождения. Поддержат в трудную минуту.

— Мы здесь живем одной семьей. Одна лишь у нас разница — погоны. У него — солдатские, а у меня офицерские,— говорит Владимир Щелкунов.— Условия жизни одинаковые. Службу несем вместе. Праздники отмечаем сообща. Солдаты играют с нашими детьми. Жены офицеров пекут на кухне пироги, когда у кого-то из пограничников день рождения. А знаете, как празднуют на заставе Новый год? Таких празднеств не встретишь больше нигде! С самого утра все собираются на кухне и лепят пельмени. Рядом наши жены делают новогодний торт. А вечером все собираемся за праздничным столом, уставленным всевозможными яствами домашнего приготовления. Нет, что ни говори, а застава — это одна семья!

В эти дни, что я провел на заставе, полным ходом шло соревнование между пограничниками за право подписать Рапорт XXVII съезду КПСС и за право выступить в составе пограничного наряда в день шестидесятилетия подвига Андрея Бабушкина. Когда я уезжал, победители не были известны. К тому времени, когда выйдет в свет этот номер журнала, позади останется и юбилейный наряд, и празднование шестидесятилетия присвоения заставе имени Андрея Бабушкина. И уже молодое пополнение, пришедшее на заставу, будет привычно выходить на границу, отмерять километры маршрута, вглядываться в поросшую сухим прошлогодним бурьяном степь. А вернувшись на заставу и доложив, что на границе никаких происшествий не произошло, они с уверенностью смогут сказать, что в этом их заслуга.

А. КУСУРГАШЕВ

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

дия), ознакомившись с иском, потребовал, чтобы во время разбирательства дела робот присутствовал в зале. Затем он добавил, чтобы «железного монстра» во избежание инцидентов лишили электропитания.

Итак, в зал суда пришлось пригласить робота — человекоподобную машину в черном фраке, белой рубашке и галстуке в горошек. Он работал в ресторане официантом и изрядно забавлял публику. Но вскоре что-то испортилось в его программном устройстве, и он стал неуклюже опрокидывать мебель, ронять стаканы и путать заказы. Робот принес и крупные убытки, вломившись своими вытянутыми руками в буфет с дорогой посудой.

Терпение хозяина ресторана лопнуло, когда механический официант, несмотря на самую современную электронную начинку и сенсорные датчики, поставил поднос с закусками не на стол, а на колени посетителя. При этом он еще «припечатал» поднос своей довольно тяжелой головой и не отреагировал на истошный визг.

Фирма, изготовившая эту машину, была оштрафована на несколько тысяч фунтов стерлингов...

П. ВОРОЖЕЙКИН. Старый Кремль.

КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР!

МАЛЕНЬКАЯ девочка с венком ромашек на голове, протянув руки к солнцу, бежит со счастливой улыбкой на лице. И кажется, природа приветствует ее такой же доброй улыбкой... Куда бежит она, босоногая девчонка? Может быть, в мир сказки и волшебства, приглашая и нас, зрителей, следовать за собой... «Как прекрасен этот мир!» — так называется эта картина, выполненная П. Ворожейкиным. Она может служить символической визитной карточкой выставки «Палитра природы» в залах Московского городского общества охраны природы.

Возможно, кто-либо спросит:

— А почему «Палитра природы»?

Да потому, что все картины — красочные цветочные панно, портреты известных людей, несущиеся по волнам фрегаты, бриги, парусники — выполнены флористами, людьми, фанатически влюбленными в природу и создающими поистине художественные картины из природных материалов. В их распоряжении вся богатейшая палитра природы!

Можно только поражаться таланту, фантазии и кропотливой работе участников выставки, пред-

ставивших на суд многочисленных зрителей свои самобытные творения. Вот, например, работа Ю. Уткулина «В Михайловском», выполненная из небольших, тончайших кусочков различных пород деревьев. Создается впечатление, что вы сами стоите на крыльце пушкинского дома и перед вами раскрывается знакомое до мельчайших деталей местопребывание опального поэта... Любители истории архитектуры не пройдут мимо фрагментов ансамбля в Кижах, выполненного из соломки В. Бахаровым, или «Старого Кремля» П. Ворожейкина. Ну, а те, кто любит сказку, могут полюбоваться всемогущей золотой рыбкой («Рыбак и рыбка» В. Баженовой), голосистым золотым петушком («Сказка о Золотом петушке» А. Никулина), тремя перепуганными зайцами, попавшими в беду («Наводнение» В. Баженовой).

Воспевать красоту природы — удел не только профессиональных художников, поэтов, писателей. О ее неповторимости и многообра-

Г. ПОПОВА. Павлин.

ПЕСНИ — душа народа. А на фронте говорили еще так: песни — оружие.

О большой, поистине могучей силе песни и музыки на войне свидетельствуют многочисленные материалы фронтовых газет. Волнующий эпизод привел фронтовой корреспондент Кайсын Кулиев в статье, опубликованной

ПЕСНЯ МОЯ ФРОНТОВАЯ

8 сентября 1943 года газетой 51-й армии Южного фронта «Сын Отечества». Старая революционная песня, с которой русский пролетариат сражался на баррикадах, приобрела новую силу в боях с фашистскими захватчиками.

«Бьют наши орудия и минометы,— читаем в статье.— Бойцы выскочили из окопов и двинулись вперед. Рубеж атаки! И здесь поднялся во весь рост старший сержант Васильев и запел:

Смело, товарищи, в ногу...

Весь взвод подхватил эту песню:

Духом окрепнем в борьбе...

Пели все: казах Таджибаев, татарин Хабибуллин, армянин Сарьян. Хабибуллину пуля пробила руку, но он не отстал от товарищей, не оставил поля боя. Поднимая вверх раненую руку, откуда текла алая кровь, он пел

зии рассказывают своими работами и флористы. Яркие букеты цветов, выполненные из засушенных листьев, лепестков, пушицы, соломки, создают праздничное настроение. Благодаря безграничной фантазии флористов мы то оказываемся на прогулке в альпийских лугах, то уходим по тропинке в березовую рощу...

Вот уже четверть века раскрывают красоту природы перед многочисленными зрителями члены клуба «Природа и творчество», организатором которого в 1960 году стала биолог Главного ботанического сада АН СССР З. Мамонтова. Сейчас в клубе более 400 человек — людей разных возрастов и профессий, объединенных одной целью: привить своим творчеством любовь и бережное отношение к окружающему нас миру растительного и животного царства. Клуб объединяет пять секций: декоративное панно, лесная скульптура, инкрустация по дереву, детское творчество и со-

и шел вперед. Вела песня людей, заставляя забыть опасность и боль ран, и суровые бойцы несли ее, как окрашенное кровью знамя. Стреляя на ходу, забрасывая гранатами врагов, они с песней ворвались во вражеские окопы, и здесь завязался штыковой кровавый бой. Песня оборвалась, но отзвуки ее все еще, казалось, неслись над предрассветной степью. После штыкового удара наших бойцов враг бежал, оставив свои окопы...»

А вот передовая статья «Песня — друг бойца» в газете Карельского фронта «В бой за Родину» от 17 ноября 1944 года. В ней приводятся конкретные факты, как песня вдохновляла воинов в бою, увлекала в атаку. Приводится, например, такой случай. Когда у бойцов, которыми командовал гвардии сержант Кондев, кончились патроны, гитлеровцы совсем обнаглели. Они в полный рост пошли на наши окопы. Некоторые бойцы растерялись. Тогда Кондев крикнул: «Не робей, ребята, берись за гранаты!» И чтобы еще больше ободрить товарищей, он запел:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

Кондев поднялся навстречу гитлеровцам и швырнул в них первую гранату. За ним метнул гранату рядовой Туровцев. И по примеру своего командира тоже запел:

Идет война народная,
Священная война.

Песня подействовала на всех ободряюще. Бойцы подхватили ее и смело бросились на врага. Немцы отступили.

Говоря о песнях военных лет, оглядываюсь и на свою фронтовую юность. Помню, в сентябре сорок четвертого меня вместе с группой таких же молодых солдат перевели из полковой батареи в минометную роту стрелкового батальона. Стояли сумерки, и не успели распределить нас по боевым расчетам, как отдали команду: в поход! Шли всю ночь по сырому латвийскому лесу. Темень стояла хоть глаз выколи. Чтобы не сбиться с дороги и не отстать, приходилось держаться за ремень шедшего впереди солдата. А на плечах — немалый груз: минометная труба весом более пуда, ка-

---

временная аранжировка цветов.

С творчеством московских флористов познакомились тысячи и тысячи людей. Ведь их выставки прошли во многих городах страны, а лучшие работы экспонировались в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Франции, Канаде, ГДР, Японии...

По словам Гёте, природа живет в своих творениях, это великий художник! Из простейшего материала она создает массу разнообразия, без малейшего усилия она достигает высшего совершенства. И это совершенство отражено в работах московских флористов. Каждый экспонат выставки западает в душу, волнует, рождает ассоциации, будоражит фантазию, вызывает чувство любви к природе.

Как прекрасен этот мир! Эти слова на устах каждого, кто имел возможность познакомиться с выставкой «Палитра природы».

О. ЛОБАНОВА
Фото автора

рабин, боеприпасы, вещмешок с предметами солдатского быта... Привал разрешили утром, когда солнце поднялось над лесом. Но такова уж юность: перекусили, отдохнули малость — и за песни. Спел я «В землянке», «Винтовку», «Партизана Железняка»... Все притихли, слушают. А командир роты старший лейтенант Дмитрий Калачиков внимательно и как-то по-особому тепло смотрел в мою сторону. Он был доволен, что в его роту, как потом сам говорил, «пришел новичок, душой припадающий к песне». Так и стал я запевалой. А на другой день, перед боем, меня официально назначили агитатором роты. Эти две обязанности — запевала и агитатор — сливались в единое целое. Агитировать приходилось не только словом, выступлением на собрании, громкой читкой газет, но и боевой, мобилизующей песней. Друзья-однополчане часто просили меня спеть. А один раз, во время трудного марша, попросил об этом сам командир полка.

В противогазной сумке я носил толстую тетрадь с песнями. Одни из них услышал от солдат своего батальона, другие записал от участников дивизионной агитбригады, третьи «перекочевали» из фронтовых газет. Записи постоянно пополнялись.

Та фронтовая тетрадь стала как бы исходным рубежом, у которого определилась судьба. Но тогда я и подумать не мог, что работой над песенным творчеством войны придется заниматься всю жизнь.

Теперь у меня десять тысяч фронтовых и партизанских песен. И каждая сопровождена комментариями, а многие — рассказами о подвигах героев.

Конечно, не все песни были популярными и не все имели свою музыку. Но все служили общему делу Победы. Служили страстным патриотическим словом, пафосом, интонацией, горячим призывом к борьбе.

Творческая работа побуждает меня вести переписку с ветеранами Великой Отечественной войны. Письма фронтовиков, согретые любовью к песне, помогают в труде, оказывают моральную поддержку.

«Я почему-то твердо убежден, что без фронтовых жизнеутверждающих песен Победу завоевать было бы еще труднее»,— пишет ветеран войны из Кемерова Кузьма Давыдович Зубцов. И добавляет: «Я безмерно обрадовался тому, что все-таки нашелся человек, собравший малоизвестные песни боевых лет, посвятивший этому благородному делу свою жизнь». Об этом же пишут Виктор Николаевич Борзов, Николай Михайлович Чураев из Солигорска, харьковчанин Алексей Николаевич Дегтярев.

Авторы писем ставят вопрос о ценности фронтовых патриотических песен в наши дни, о необходимости более активного использования их в воспитательной работе. Ведь эти песни содержат колоссальный идейный и эстетический заряд, богаты примерами беспредельной отваги и мужества советских людей, их самопожертвования во имя социалистической Родины.

Учитель из города Черновцы Юрий Максимович Чухненко пишет о том, как фронтовые песни помогают ему обогащать уроки литературы, строить внеклассную работу, проводить в школе литературно-музыкальные вечера. Он сетует на то, что в книжных магазинах невозможно достать сборник, а тем более научно-популярную книгу о песнях Великой Отечественной войны.

Многие ветераны прислали фронтовые песни, хранившиеся в памяти или найденные в домашнем архиве. Так, тексты и ноты двух песен 65-й стрелковой дивизии, ставшей затем 102-й гвардейской, присланы упоминавшимся выше кемеровцем Зубцовым. По его словам, воины дивизии прошли с

ними всю войну. Около десятка песен, рожденных в 377-й стрелковой дивизии Волховского фронта, прислал Дмитрий Никитович Семенов из Ленинграда.

Некоторые авторы писем, сообщая два-три куплета боевой песни, просят прислать полный ее текст для распространения среди однополчан. Каждому фронтовику хотелось бы спеть родную песню на встрече ветеранов армии или дивизии, но как споешь, если память не удержала слов?

В письмах бывших фронтовиков сообщаются волнующие факты, как советские патриоты умирали с песней в фашистских застенках или в бою. Вот, например, о чем поведал в письме из Харькова участник Сталинградской битвы офицер в отставке Виктор Моисеевич Гурвич.

24 сентября 1942 года в центре Сталинграда, в Комсомольском садике, гитлеровцы окружили и блокировали около двадцати пяти находившихся в подземелье воинов 272-го полка 10-й дивизии войск НКВД. На предложение сдаться они ответили презрительным письмом, выбросив его к ногам захватчиков. Разъяренные фашисты подогнали танк с целью завалить выход из бомбоубежища. Воины, гордо называвшие себя чекистами, запели песню:

Суровое время, горячее время
Пришло для Отчизны родной.
Вставай, подымайся, советское племя,
На подвиг и труд боевой.

Пели они дружно, вдохновенно, и казалось, что песня тут же рождается в глубине сердец... В тот день почти все находившиеся здесь чекисты, в том числе комиссар Иван Щербина, погибли.

А вскоре была создана походная песня самой 10-й дивизии войск НКВД. Ее написал в Сталинграде корреспондент армейской газеты Никола Упеник. По просьбе комдива полковника А. А. Сараева он включил в нее имя геройски погибшего комиссара Щербины. С этой песней, по словам автора письма, дивизия в составе 1-го Украинского фронта закончила войну. После боев на Волге она именовалась 81-й гвардейской стрелковой дивизией и была награждена орденом Ленина.

Каждое письмо, полученное от ветеранов войны, любопытно мыслями, сведениями, какими-то небольшими, но интересными штрихами. Мнение их авторов сводится к одному: фронтовые и партизанские песни являются ценным духовным достоянием. Обогащая летопись отгремевших боев, они доносят до нас имена прославленных героев. Ценны фронтовые песни и как источник патриотических чувств, неиссякаемого боевого оптимизма. Они долго еще будут жить в душе и памяти народа.

П. ЛЕБЕДЕВ

Первая страница обложки «Товарища»: Кружок юных радиомонтажников. Занятия ведет руководитель кружка Аусманас Римантас. Фото А. ЕГОРОВА.

Репортаж «Дворец собирает таланты» читайте на стр. 133.

Рисунки
Ю. МАКАРЕНКО.

— Теперь не будем торчать по часу на каждом перекрестке!

— Восьмой год ездим в отпуск, а машина у нас как новенькая!

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
Товарищ

Юрий ПОМЧЕНКО

РАСПЛАТА

Повесть

Окончание. Начало на стр. 114

В период недолгого затишья у немцев появился опытный снайпер. На переднем крае был убит командир дивизии — молодой полковник. Он с группой офицеров приехал для проведения рекогносцировки.

Рекогносцировка началась на рассвете. Впереди высились Карпаты, а по отрогам гор проходила первая полоса обороны противника. В расщелинах и оврагах еще покоилась зыбкая темнота, и лишь вершины гор золотились под утренними лучами. Первая траншея фашистов казалась вымершей.

Командиры слушали полковника, осматривавшего в бинокль местность и отдававшего распоряжения, где и как усилить оборону и на что следует обратить особое внимание при создании системы огня... Рекогносцировка близилась к завершению, и в этот момент из немецкой траншеи простучал пулемет. Трасса пуль прошла над головами, и никто особого внимания не обратил на неточную стрельбу, только полковник вздрогнул и как-то прижался поплотнее к брустверу. Все ждали, когда он продолжит оборванную стрельбой мысль, но командир дивизии молчал. Обеспокоенный адъютант дотронулся до плеча командира, и полковник мягко завалился на дно траншеи...

Через полтора часа в этом же окопе был убит командир батальона, и снова выстрелу снайпера сопутствовала пулеметная очередь. По почерку фашиста было нетрудно догадаться, что снайпер хитер и опасен, бьет только на выбор командный состав, а пулеметная очередь

своего рода маскировка, чтобы было невозможно засечь местонахождение снайпера... Командование забеспокоилось. На НП батальона приехал заместитель командира дивизии и вызвал Ширяева — лучшего полкового снайпера.

— Нужно выследить и уничтожить! — приказал он. — Какого человека погубил! Его надо выследить и уничтожить! Что тебе нужно?

Ширяев подумал и, соображая, медленно погладил бороду. Он отпустил бороду, и все в полку звали его Черномором.

— Сначала понаблюдаю, а потом...

— Поторопись, борода. Время не ждет!..

Весь день Прокопий вел наблюдение за немцами. Особо присматривался к нейтральной полосе. Он разбил ее на участки и, медленно вращая маховичок стереотрубы, просматривал каждый метр местности, подолгу останавливал внимание на подбитых танках, воронках, кустах и брошенных окопах... Он не только изучал местность, но и выбирал место для засады.

Его внимание все больше и больше привлекали низкорослые заросли кустарника на небольшой возвышенности, клином врезающейся в нейтралку.

Осматривая ее, он прикинул в уме, что с левого обрывчика должен быть хороший обзор всего переднего края и там можно соорудить приличную схоронку... Ну а если на этом месте укрылся вражеский снайпер? Ведь он тоже не дурак и понимает преимущество высотки.

Снова и снова осматривал местность Прокопий, особо приглядываясь к оттенкам травы и земли. Немецкий снайпер, если оборудовал там, на высотке, засаду, то не скоро оставит ее, а за это время в схоронке может измениться маскировочный фон: чуть-чуть пожухнет дерн, прикрывающий траншею и лаз к засаде, поблекнут кусты, если окоп снайпера под ними.

Мысленно поставив себя на место фашиста, Ширяев пришел к выводу, что немец не рискнул бы сделать засаду на возвышенности. Во-первых, она близко от нашей первой траншеи, да и выстрелы снайпера шли с другого направления. Он, видимо, укрылся на склоне обрыва, желтеющего песками впереди вражеской траншеи или где-то там по соседству...

А снайпер молчал, хотя свободно мог выбивать бойцов, которые, несмотря на строжайший приказ, довольно часто высовывались из укрытий.

После изучения местности Прокопий пришел к командиру полка и предложил:

— Нужно подсадку на немца сообразить.

— Какую? Одеть группу бойцов офицерами?

— Нет... Зачем понапрасну людей под пулю подставлять?

— Так что же ты предлагаешь?

— Я на нейтралке сооружу схоронку... Место выбрал. Там высотка хорошая есть. А четыре-пять наших снайперов завтра с утра из первой траншеи начнут выбивать всех немцев подряд, кого засекут. Не дать им головы поднять. Тут фашист и не выдержит, начнет за нашими снайперами охотиться... Вот и обнаружит себя.

— Н-да, — протянул командир полка. Не хотелось ему идти на это, знал, какая смертельная опасность будет подстерегать каждого снайпера.

— Да не сомневайтесь, товарищ подполковник, — успокоил его Прокопий. — Мы соберемся и все обмозгуем. Что фашист хитрее нас, что ли?

— Хорошо! Быть по-твоему, Ширяев. Смотри не рискуй без надобности. Игра-то ценою в жизнь!

— Обойдется... Мы завсегда с риском в обнимку живем...

С наступлением темноты Ширяев собрался, придирчиво осмотрел разведчиков, назначенных для сопровождения и оказания помощи в устройстве засады.

Рассыпались по небу крупные августовские звезды. Темная громада Карпат горбами вершин лежала на полосе дотлевающего заката. Из немецких окопов с равными промежутками взвинчивались вверх зеленоватые шнуры осветительных ракет и, лопаясь хлопушками, разбрасывали по нейтралке прыгающий бледный свет. Изредка постукивали пулеметы, и малиновые светлячки трассирующих пуль стремительно неслись в сторону русских окопов...

Прокопий перевалил бруствер и пополз к возвышенности. За ним темными призраками скользнули разведчики. Через каждые двадцать-тридцать метров Прокопий замирал и, как осторожный зверь, втягивал ноздрями воздух, вынюхивая запахи. Он и сам не мог объяснить себе, почему в моменты наивысшего напряжения у него не-

обычайно обострялся слух, обоняние. Не раз Прокопий по запаху распознавал приближающуюся опасность. Немцы, например, имели свой особый дух: запах кислого сигаретного дыма и кофе, обмундирования и еды, острого одеколона. От наших за версту несло крепкой махоркой и терпким запахом овчины полушубков и пшенной каши...

Приблизившись к подножию высотки, он с полчаса прислушивался к ночным звукам и лишь после этого занял выбранную днем ложбинку под кустами на краю обрывчика. Осмотрелся, достал малую лопатку, снял дерн и начал отрывать ячейку окопа. Разведчики помогали. Двое откапывали траншею и лаз к засаде, а трое оттаскивали на плащ-палатках отрытую землю на дно овражка. Старались не мять траву, не просыпать свежую землю... Отрытый окоп и траншею перекрыли матами, засыпали сверху землей и уложили свежий дерн. Дерн полили. Воду принесли с собой в термосах.

К рассвету засада была приготовлена, и сержант, старший группы разведчиков, пожав руку Ширяеву, уполз за своими товарищами.

Засветилась полоса восхода. Было тихо. Где-то на далеком фланге погромыхивала артиллерийская канонада. Нейтралка медленно раскрывалась от тумана...

Осматривая в прицел местность, Прокопий ничего пока подозрительного не обнаруживал. В перекрестие прицела хорошо просматривались первая траншея и колючая проволока с подвешенными консервными банками, каска фашистского наблюдателя, два немца за пулеметом, дымок от печей офицерского блиндажа в глубине траншей...

Примерно через час наши снайперы начали охоту. Первым оказался на прицеле наблюдатель. Фашист дернулся и сполз в окоп. Через несколько минут снайперы расстреляли пулеметный расчет и подстрелили двух подносчиков пищи в ходу сообщения. Немцы всполошились. Послышались крики и команды.

Прокопий пока не беспокоился и наблюдал. Он ждал, когда солнце поднимется выше и начнет светить в сторону наших окопов. При таком освещении вражескому снайперу будут способствовать лучи, дающие отражение от линз прицелов наших снайперов. У каждого участвующего в охоте были сделаны «приманки» — зеркальца, поднимаемые над окопами и имитирующие снайперские прицелы...

Охотники продолжали держать немцев в напряжении.

Открывали огонь по малейшему движению, не давали поднять головы.

И когда у блиндажа были подряд один за другим подстрелены два офицера, немецкий снайпер не выдержал. Долгожданная пулеметная очередь обожгла натянутые нервы Прокопия, и он на срезе прицела успел заметить легкий всплеск песка.

Присмотрелся и только сейчас различил на фоне обрыва чуть заметную полоску другого тона. Видимо, это был ход от засады к своим окопам, перекрытый сверху матами и засыпанный песком. Песок подсох и давал несколько другой оттенок... Прокопий довернул винтовку, нащупал нитями прицела хорошо замаскированную бойницу, приметил лицо снайпера, закрытого желтой маскировочной сеткой, и ствол винтовки. Подвел перекрестие, совместил мушку и плавно нажал на спуск...

Через два дня командир полка привез Прокопия в штаб дивизии. Туда прибыл командующий армией и пожелал увидеть Ширяева. Оказалось, что убитый вражеский снайпер был майором, награжденным Железным крестом с дубовыми листьями. Его недавно перебросили с Запада, где фашист наводил ужас на союзников.

Управление штаба дивизии размещалось в большом, заросшем садами селе. Дворы были забиты штабными машинами, санитарными повозками, развернутыми к бою зенитными орудиями под маскировочными чехлами и сетками. У домов перебирали копытами оседланные лошади. Рядом с ними смолили табак связные и ординарцы.

Штаб располагался в крестьянском доме. В большой комнате с подвесными керосиновыми лампами, голландской печью в углу и огромным длинным столом, вдоль которого были расставлены стулья, находились офицеры; они тихо разговаривали, косясь на грузноватого генерал-лейтенанта, сидящего за столом вместе с командиром дивизии. Начальник штаба, водя указкой по оперативной карте, вполголоса докладывал командующему обстановку на участке фронта дивизии.

Ширяев к этому времени имел на своем счету сто двадцать уничтоженных фашистов и был награжден двумя орденами Славы II и III степени, орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени,

Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу», однако при виде такого большого начальства засмущался и затоптался у порога. Генерал поднялся, подошел к Прокопию, с интересом вглядываясь в знаменитого снайпера. Пожал руку и поблагодарил:

— Спасибо, товарищ Ширяев. За уничтожение особо опасного немецкого снайпера от имени Советского правительства награждаю вас орденом Славы I степени.

— Служу Советскому Союзу! — ответил Прокопий.

Бесшумно появился стройный, перетянутый ремнями капитан и подал командующему красную коробочку. Генерал открыл ее, достал орден и приколол на грудь Ширяеву. Улыбнулся, тронул его за рукав и проговорил:

— Прошу к столу. Думаю, командир дивизии нас угостит обедом!

Прокопий принял строевую стойку, звякнул орденами и медалями, ответил:

— Слушаюсь.

Командир дивизии, подталкивая его легонько в плечо, усадил рядом с генерал-лейтенантом. Ординарцы быстро накрыли стол свежей скатертью, поставили большой, поблескивающий медью самовар, разложили посуду и закуски.

Генерал-лейтенант армию принял недавно, приехав из Генерального штаба, где проходил службу в оперативном управлении, и сейчас с интересом приглядывался к могучему бородачу. Бывая в полках, генерал любил встречаться с рядовыми, был с солдатами прост и умел расположить к себе подчиненных. Это были уже не те солдаты сорок первого, с которыми он выходил из окружения. Он тогда был тяжело ранен, долгое время лечился в тыловом госпитале. Сейчас, добившись назначения на фронт, пытался хорошо узнать солдат сорок четвертого, уже озаренных близкой Победой.

Прокопий поначалу стеснялся командующего и сидящих за столом полковников, а потом пообвык. Генерал поблескивал умными глазами и пил, отдуваясь, крепко заваренный чай и как-то по-домашнему вытирал клетчатым платком наголо обритую крупную голову. Усмехаясь, спросил у Ширяева:

— Вот вы ефрейтор, а немецкий снайпер был майором, да еще «фоном». Но вы перехитрили его, и это замечательно!

— Другой солдат поумнее подполковника, — ответил Прокопий, не очень-то понимая, что такое за «фон». — Я одного варнака под Курском пять дней выслеживал. Ну и хитрый же попался!

— Ну а какую награду за поединок получили?

— Награду? — удивился Прокопий. — За какого-то паршивого фашиста?!

Все в комнате дружно засмеялись. Смеялся командующий, смеялись офицеры, уткнувшись в аппарат, трясся в смехе связист-сержант... Генерал-лейтенант вытер невольно выступившие слезы и спросил:

— Ширяев, а как вы посмотрите, если мы вам присвоим офицерское звание и отправим на курсы снайперов инструктором?

Ширяев нахмурился. Он подумал о командире полка и других офицерах, мысленно сопоставил себя с ними, и получилось не в его пользу. Образование-то всего четыре класса, так какой же из него офицер? Солдат он, верно, исправный, воюет неплохо. А офицер должен учить подчиненных, отвечать за них... Конечно, он отлично стреляет, умело бьет фашистов, но офицером хорошим не станет. Видно, не по Сеньке шапка.

— Не сумею я быть офицером, — отказался Ширяев. — Офицер это как знамя в роте или батальоне. На него должны все равняться. Лучше быть хорошим солдатом, чем никудышным офицером.

Генерал как-то по-особенному ласково посмотрел на смущенного снайпера и согласился с его доводами.

— Ну хорошо, быть по-вашему. Однако звание «старшина» я вам присваиваю. Скажите, Ширяев, трудно выслеживать врага? Ведь терпение нужно иметь огромное...

— По-всякому случается. Но я старый охотник и умею выжидать...

Прокопий замолчал, вспоминая, как два месяца назад он был на свободной охоте. Фронт на две недели стабилизировался. Он ночью глубоко проник на фланге в оборону немцев. Там была заболоченная местность, и противник чувствовал себя спокойно, не ожидая удара на этом участке... Прокопий сделал хорошую засаду у изгиба небольшой речки. Утром на песчаном берегу появился целый взвод фашистов. Он хотел выстрелить, но раздумал, так как солнце светило на него, решил выждать. Немцы сбросили с себя обмундирование, остались в чем мать родила, с гиканьем и смехом бросились в

речку... Прокопий видел в прицел, что это совсем молодые, видимо, из пополнения, солдаты. Гитлер на фронт гнал уже юнцов. Они, как пацаны, дурачились в речке и брызгались водой, топили друг друга, выскакивали на берег и плюхались на песок. Наголо остриженные, с тонкими шеями, они в тот миг были обыкновенными ребятами, которые радовались, что добрались до воды в жаркую погоду... И Ширяев вдруг с непонятным сожалением подумал: «Ну куда же вы, дурачье, полезли?! Что вам тут на нашей земле нужно?!»

Он мог бы спокойно перещелкать половину этих лопоухих юнцов, но рука не поднималась. Прокопий дождался, пока они накупались, увидел, как их стал строить унтер-офицер. Он, по всему было видно, вояка старый и опытный. Унтер-офицер сердился и кричал на солдат, толкал их в шею, если кто замешкался в строю.

Прокопий взял его на мушку и спокойно выстрелил. Унтер-офицер, согнувшись, завалился на землю. Строй сразу рассыпался. Немцы разбежались и попадали на траву. Самые настоящие пацаны. Их можно снимать одного за другим, пока они придут в себя от страха, но Ширяев опустил винтовку...

Ночью он возвратился в полк, но никому не рассказал об этом, несколько дней был хмурым и раздраженным, удивляясь своей внезапной жалости...

— Охотник? — переспросил генерал.

— Так точно, охотник, — ответил Прокопий. — У меня и дед и отец таежные охотники.

Генерал начал расспрашивать Прокопия о тайге и повадках зверей, сожалея, что ему самому пришлось прослужить все годы в Туркестане.

— Ничего, разобьем фашистов, приезжайте, товарищ генерал-лейтенант, к нам в гости. Я вас на медвежью охоту свожу!

— Обязательно, — рассмеялся командующий. — После победы обещаю!..

Выйдя из штаба, Прокопий увидел Матвея Кирькина. Тот подошел к нему и, усмехаясь, спросил:

— Не узнаешь, земеля?

— Пошто не признаю? Приметил, — сдержанно ответил Прокопий, не подавая руки.

Матвей был румяным и тугощеким, одетым в добротное обмундирование и яловые сапоги. Ничего не скажешь — служба, видать, была не пыльной.

— Значится, все помнишь? — криво усмехнулся Матвей. — А я вот уже запамятовал. Скоко времени минуло, скоко кровинушки пролилось, а? Ну а я вот поманеньку воюю.

— Воюешь, вижу...

— Почитай, за три года впервые земляка встретил. А ить земляк, как родной... Привет Марьяне переслать?

— Зачем? — пожал плечами Прокопий и отошел...

5

В прошлом году, в начале лета, Прокопий Алексеевич накрыл Кирькина на охоте. Матвей с сыном уже наполовину освежевали сохатого, когда перед ними неожиданно появился Ширяев. Матвей было схватился за ружье и хрипло выдавил:

— Все! Твоя, Пронька, взяла!

Он сгорбился, тяжело присел на корягу, опустил руки, и на лице прорезалась косящая усмешка, на которую было неприятно смотреть. Глухо спросил:

— Дай закурить!

Взял негнущимися пальцами папиросу и, сложив лодочкой корявые ладони, прикурил. Глубоко затянулся и тут же отбросил в сторону папиросу и зло прокричал сыну, который по-прежнему сидел на корточках перед тушей и растерянно смотрел на мужиков:

— Чо, шалава, зенки вылупил?! Марш за мерином, отохотились.

Повернулся к Прокопию Алексеевичу и с усмешкой спросил:

— Снимать на аппарат будешь? Хошь я рядом с тушей притулюсь?

Ширяев промолчал. Сейчас Матвей вроде отошел от злобы и досады, внешне казался беспечным, но глаза нет-нет да выдавали тяжелый блеск ненависти и какой-то звериной тоски. Он придвинулся ближе, хлопнул себя по колену и покачал головой:

— А ить я, Пронька, чуток не выстрелил. Вот сам счас удивляюсь, пошто не осмелился!

— Дак это только дураки болтают, что человека легко убить.

— Ты-то, снайпер, сам на фронте скоко душ на тот свет спровадил?

— Это не люди были... Фашисты, — помрачнел Ширяев.

— Знашь, чо я вспомнил? — спросил Матвей.

— Ну?

— Год назад ты по моему следу шастал, а я-то обхитрил тебя. Гляжу, ты около перевала по тропе продираешься. Ветерок был на меня, и твои псы ничего не учуяли. Затаился в шагах сорока, поднял ружье и думаю — срежу. Сорвешься в пропасть, а там твои косточки зверье порастащит, и все шито-крыто. Закон — тайга, прокурор — медведь!

— Пошто не осмелился? — усмехнулся Ширяев. — Умирать-то, Матвей, страшно, когда смертушку ждешь, а неожиданная, она...

— И то... Пожалел. Все-таки дружковали по молодости!

Разговор прервал Егорша. Он несмело подошел к мужикам. Матвей приказал сыну:

— Сготовь мяса. Да фляжку принеси. Ты знаешь, где она!

— Крепкий у тебя Егорша. Смотрю на него, а тебя молодым будто в зеркале вижу.

— Ну? Моя кровинушка, лихоманка его задери, — не без гордости произнес Матвей. — Смышленый, варнак. Купил ему аккордеон за шестьсот рублей, дак наяривает, шельма, как артист. У меня никогда так пальцы по ладам не бегали, а он по нотам любу песню шпарит. И охоту, стервец, понимает. Вот уже школу заканчивает, в армию скоро, а давно ли сопли вытирал?

И, понизив голос, повернулся к Прокопию Алексеевичу, предложил:

— Проня, хоть полтыщи отвалю, токо молчи, а?

Ширяев нахмурился и отвернулся.

— Ну тыщу, а? — набавил Матвей, стараясь поймать его взгляд. — Поди знашь, что твой-то Степан за Нюркой приблуживат? Можа, сватами станем. Давай по-сродственному?

Ширяев, избегая ловящего взгляда Кирькина, соображал, как ответить, что не все продается и покупается. Да и не поймет, наверное, Матвей, что каждая понапрасну убитая птица или зверь, сдуру порубленное дерево вызывает у него в душе тягучую боль. А Кирькины всегда в тайге чувствовали себя как в собственном подворье. Матвей, не признавая никаких законов, без разбора бьет

зверя и птицу в заповеднике, через барышников продает мясо в городе, сплавляет награбленное артелям шабашников, которых за последнее время развелось видимо-невидимо... Пытаясь уйти от разговора, упрекнул Матвея:

— Зря ты таскаешь на разбой сына. Зачем парня портишь? Желаешь, чтобы и он жил по-твоему?

— Это мы сами разберемся, по-семейному... Жисть, она ить не тропка прямая. Будешь все по-честному делать, дак без портков останешься. Вона у меня Иван инженерит, а толку чо? Один фасон, а в карманах пусто.

Появился Егорша и принес куски зажаренного на костре мяса. Протянул отцу фляжку. Матвей кивнул сыну:

— Оставь нас.

Взял флягу и, закинув голову, выпил несколько крупных глотков. Крякнул, вытер рукавом губы, протянул флягу Прокопию Алексеевичу:

— Выпей, Прокопий. Не самогон, а магазинная... Выпей. Ведь мы с тобой, поди, сто лет по душам не калякали. Лишь молодыми... Помнишь, на заимке всю ночь просудачили? Дружить вечно собирались. Токо дружба наша перекосом пошла...

Ширяев нахмурился. «Водка-то тебя и сгубит», — подумал он. Никчемный разговор выходил с Матвеем. На жизнь они смотрят по-разному, вот тут-то и вся загвоздка. Разве поймут друг друга!

— Значит, не хошь брать деньгу? Ну ладно... Тогда скажи, пошто меня ненавидишь? За Марьяну? А может, моему богатству завидуешь? Али фронт забыть не можешь?

Наблюдая за каркающими воронами, вьющимися над тушей сохатого, Прокопий Алексеевич снова выругал себя, что влез в бесполезный с Матвеем разговор. Нужно было составить акт, и все. Слова для Матвея что горох о стену. Досадливо ответил:

— Не я затеял разговор... Было время, не утаю, держал обиду и за Марьяну, и за то, что меня, беспомощного, в бою бросил... Но время-то лечит! Забылось давно. Тем более, воевал ты хорошо, правительственные награды имеешь, да и богатству твоему не завидую. Что богатство? Сейчас есть, а завтра убежит!

— И то, — кивнул Матвей. — Богатство нужно поддерживать... Рубль к рублю липнет, копейка — к копеечке.

— Душа, Матвей, саднит, что тайга с каждым годом скудеет. Ежели в ней все так, как ты, будут распоря-

жаться, то что детям и внукам нашим останется? А они небось спросят с нас. С живых не успеют, с мертвых ответа потребуют, — задумчиво и глухо проговорил Ширяев.

— Эвона, как ты закрутил-заметелил, — усмехнулся Кирькин. — Хитро! За тайгу, значит, меня ненавидишь? Да разуй бельмы, оглянись вокруг — скоко ее! И внукам и правнукам хватит.

— Нет, Матвей, не хватит, ежели мы все за ум не возьмемся. Оскудеет тайга и птицей и зверем.

— Удивительно мне все это слушать. Тайга, тайга! Да разве от нас она оскудеет?! Разве от нас гибнет река и зверь пропадает? Русский мужик испокон веков охотился и рыбалил без лицензий в любом месте, а тайга жила, всех поила и кормила. А вот здесь, в тайге, недавно комбинат химический поставили, поспущали в воду отраву — рыба в реке и озерах гибнуть стала. Во с какими браконьерами нужно бороться, а не с нами.

— Наслышан об этом, — отозвался Ширяев. — Газеты писали. Руководителей комбината с должностей посниманали и из партии исключили.

— А толку-то чо? Рыбу не оживишь! Я вот когда два года отсиживал, то после шести месяцев заключения на вольное поселение ушел до конца сроку. Жил у самого северного моря. Ты бы глянул, чо творилось во время перелета дичи. Однажды в тундру на вертолете какие-то тузы прилетели. Меня-то все знали как охотника, и комендант поселения пристегнул к ним на побегушки. Вышли из вертолета с ружьями. Главный начальник устроился со всеми удобствами. Ему столик с табуретом поставили, ружья положили, в термосе кофий горячий. А один, помене начальник, подхалимистый такой, все, значится, главному услуживал: «Пожалуйста, Федор Павлович, ружье снаряжено! Может, кофею выпьете?.. Ах, Федор Павлович, вы не устали? Пожалуйста, Федор Павлович...» А гуси косяками шли. Тучей! Стрелял этот туз без передыху. Стволы нагреются, он другое ружье берет. Устанет, попьет кофею, отдуется и снова палить! Одному, Прокопий, удивлялся, ну зачем ему стоко гусей?! Ну пяток, десяток, а тут... Вот был разбой так разбой! — не то с восхищением, не то с завистью закончил рассказ Кирькин.

«А ведь он завидует этому «тузу», — подумал Прокопий Алексеевич. — Завидует безнаказанности...»

— Я бы не позволил так разбойничать! До Москвы бы дошел, а правды добился! Законы для всех одинаковы.

— Ты герой токо против своих сельчан. За это тебя и демидовские не любят!

— Не красна девица, чтобы меня любить! — вспыхнул Ширяев. — Я закон государственный блюду. Знаю, тебе и Фроликовым поперек тропы встал. Вы же привыкли в три горла хапать. Вона, у тебя в доме и телевизор цветной, и мотоцикл с коляской, и корова с лошадью. С барышниками вяжешься... А работаешь пожарником. Сутки отдежуришь, а три дня в тайге промышляешь.

— Считать чужое добро ты, вижу, мастак.

— Добро-то, Матвей, за счет государства. Дочь твоя в институте учится, Иван инженером стал, Егорша школу заканчивает. А ты государство и облапошиваешь!

— Я помог ребятам! — разозлился Матвей. — Нюрка в институт поступала — тыщу угробил. Пять сотен репетиторам разным да пять — в лапу. Во как! Счас учится, пенсию... Тьфу ты, язви в душу. Стипендию получает. А скоко? Тридцатку в месяц, понял? Недавно ей бабские сапоги купил — сто рублей отвалил. За пальто — двести. А кормить ее нужно? Чо бы она без меня делала?

— Однобокий у тебя счет, Матвей, — усмехнулся Прокопий Алексеевич. — На жизнь по-волчьи смотришь. Большинство людей живут по совести и радуются, а ты?!

— Дак ить рыба ищет где поглубже, а человек — где получше!

Они замолчали. День разыгрывался, начало припекать солнышко. По небу бежали облака, и когда заслоняли солнце, то мягкие тени накатывались на полянку, притушая яркую зелень травы. Говорить Ширяеву не хотелось, но он все же высказал Матвею свои мысли:

— Народ у нас шибко добрым стал, на зло внимания не обращает. Вот, к примеру, Лукерья Жаркова сельмагом заведует. Получает сто двадцать рублей, а дом у нее — полная чаша. Значит, тащит от государства под свое крыло? Или возьми Фроликова и тебя. Все знают, что разбойничаете в заповеднике, убитое спекулянтам толкаете... Было б мое право, создал бы комиссии народные с полномочиями. Пришла бы комиссия во двор, оценила добро, а хозяин, будь ласков, отчитайся перед ней, на какие шиши все приобрел. Не только в Демидове, а по всем бы городам и селам такие комиссии запустил работать. Не отчитался — верни то, что у народа на-

шего нахапал. Вот тогда бы наше государство еще крепче стало. Да и такие хапуги, как ты, хвосты бы поприжали!

Ширяев даже вспотел от такой длинной речи.

— Бодливой корове, слава богу, рогов не дадено, — зло усмехаясь, сказал Матвей.

— А-а, пустой у нас разговор выходит. Разве ты и Марьяна поймете что?!

Ширяев вспомнил, как в послевоенном году прихватил Матвея с убитым медведем. Кирькина тогда оштрафовали, конфисковали ружье. А через неделю после этого Прокопий по каким-то делам пришел в Демидово и у сельпо столкнулся с Марьяной.

Колдовски похорошела Марьяна за годы замужества. Она заметно погрузнела, но полнота не испортила женщину. Тяжелые военные годы словно не тронули ее, как других женщин, изнуренных непосильной мужской работой и томительным ожиданием вестей с фронта.

Прокопий робко улыбнулся. Всю войну не видел ее и думал, что вытравилась память о ней, но сжалось сердце в сладкой и тревожной муке, как и в прежние молодые годы. Ее глаза казались ему не серыми, а прозрачно-синими, переливающимися холодными огоньками.

Марьяна обрушилась на него с руганью:

— Лешак ты волосатый! Ни стыда ни совести!.. Чтоб тебя, Лешака, медведь изломал! Мало мы голодовали? Мало спины гнули на мужичьих работах?!

Прокопий Алексеевич оторопел и спросил:

— Погодь, Марьяна! Да что с тобой?!

— Не ведаешь, постылый?! Бирюк несчастный! Где же мы такой штраф возьмем?! С голоду теперича по твоей милости подыхать?!

— Вона ты о чем? — криво усмехнулся Прокопий и, злясь, ответил: — Ничего, проживете!

— Видеть тебя, Лешака, не хочу! Чтоб тебя лихоманка разбила!..

Ширяев не дослушал и повернулся от нее, а вслед ему все неслась и неслась ругань рассерженной бабы. Не грубость, а несправедливость Марьяны расстроила Прокопия Алексеевича. Он-то знал, что не особо она бедствовала во время войны. Жила у свекра. У Кирькиных был крепкий двор: имелась корова и свинья, держалась птица, старик Кирькин работал экспедитором в заготконторе, да

и после Победы они быстро поднялись на ноги, не в пример другим семействам, оставшимся без мужиков.

Вспоминая ее разъяренное в гневе лицо, он ощутил, что прошлое уже не будет властвовать над ним, и почувствовал какое-то душевное облегчение. Словно вырвали больной зуб и затухла мучившая боль...

Да и женитьба помогла избавиться от душевной смуты. Перед войной бегала на кордон к его младшей сестренке смешливая, тонкая и лозово-гибкая Ксюша Усачева. Девчонка как девчонка, что с нее взять, с пигалицы двенадцатилетней, ей бы в куклы играть, но она другой раз так посмотрит на Прокопия своими по-детски распахнутыми глазами, что он, недоумевая, спрашивал:

— Ты что это гляделки уставила, а?!

— Ничо... Правда, говорят, что ты на медведя с ножом ходишь?

— Отцепись. Шастай к Таньке в куклы играть!

— А пошто тебя Лешаком кличут?

— Вот ожгу крапивой по одному месту, тогда узнаешь!

— Подумаешь, какой?! — вспыхнет она и, тряхнув льняными косичками, вечно торчавшими в разные стороны, отбежит от Прокопия.

Когда он возвратился с фронта в сорок шестом, то молодые девки и вдовушки зачастили под разными предлогами на кордон, и каждая находила дело: то посоветоваться с его матушкой о настое лечебных трав, то с делами к сестре, то к нему с расспросами о войне, бросая откровенные взгляды, с восторгом оглядывая его крепкую фигуру...

Прокопий Алексеевич хмурился, уходил в подворье или баню, курил, дожидаясь, пока настырная девка или бабенка уйдет с кордона.

Однажды у калитки он столкнулся с рослой девушкой и, с трудом узнав Ксюшу, оторопел. Уходил воевать — была пташкой незаметной, а сейчас румянец во всю щеку, глаза отливают темным малахитом под изломанными соболиными бровями.

— Ксюшка?! Ксения? — отступил он в сторону, с трудом узнавая ее.

— Здравствуйте, Прокопий Алексеевич, — спокойно и певуче отозвалась она и наклонила голову. Тугая русая

коса упала на высокую грудь. — С благополучным возвращением вас. А Таня дома?

— Дома, проходи, — чуть помедлил он. — Сейчас с речки пришастает. По воду пошла.

Ксения плавно, не поворачиваясь, прошла к крыльцу дома, а он все смотрел вслед, изумляясь, как время меняет человека. Была девчушкой востроглазой, а сейчас хоть под венец веди...

Ксения еще несколько раз приходила на кордон к Тане. Они о чем-то шептались по своим девичьим делам, посмеивались, потом Ксения уходила, спокойно кивнув ему на прощанье.

С хмурого неба уже начал срываться снежок. Ждали покрова. Прокопий, заключив договор с охотконторой, готовился выйти на промысел, налаживал лыжи, обтягивая их оленьей шкурой, кипятил капканы в хвойном настое, чтобы отбить дух железа, готовил припасы и снаряжение. Неожиданно ему захотелось примороженной черемухи. Нет вкуснее и питательнее ягоды, как тронутая первым заморозком черемуха, никакая ягода не веселит так душу. Он взял лукошко и ушел к притоке Быструхи к знакомому, редко кому известному в округе черемушнику.

Листья уже давно опали, но кусты с темно-вишневыми ветвями так и гнулись от иссиня-черных гроздей ягод. Прежде чем набрать в лукошко на пирожки и шанежки, он сам наелся, ощущая во рту сладко-вяжущий вкус ягоды.

Послышался недалекий шорох. Он быстро повернулся и увидел за кустами Ксению с лукошком. Она, заметив Прокопия, испуганно вздрогнула и, узнав его, весело рассмеялась.

— Думала — медведь, а это Лешак!

— Все бы тебе хаханьки, — нахмурился Прокопий. Не любил он этого прозвища. — Невестой уже стала, а все Ксюшкой хочешь быть.

— Ох, невеста я, невеста, никто замуж не бе-рет! — пропела она насмешливо.

— Будя тебе. Красавицей стала...

Она вспыхнула румянцем, подошла ближе и, пытливо заглядывая в глаза Прокопию, спросила:

— А ты возьмешь меня в жены?

— Не шуткуй, — смутился он.

— Отшутилась, Проня милый...

Лицо у девушки сделалось отрешенным и побледнев-

шим, глаза потемнели. Она подошла ближе, положила руки на его плечи, уткнулась лицом в грудь и заплакала, глотая слезы.

— Отдают меня за Николая Фроликова... Сваты были, сговорились... А я не хочу, не хочу!..

— Дак откажись, — буркнул он, не зная, как успокоить ее, по-прежнему стоя с опущенными руками. Он испытывал желание погладить ее по голове, но боялся обидеть девушку своим прикосновением.

Ксюша вдруг стала сильно бить его в грудь маленькими крепкими кулачками, с отчаянием проговорила:

— Дак я тебя люблю! Тебя!.. Давно полюбила, еще девчонкой, а ты?! У-у, медведь косолапый!..

Что с ним случилось, но он вдруг неожиданно выпалил:

— Завтра пришлю сватов!

Она заплакала еще сильнее, посмотрела на него сияющими, мокрыми от слез глазами, опять прильнула к груди, пряча лицо, а он стал неумело гладить ее волосы...

Долго Прокопий в ту ночь не мог уснуть. Все думал, сомневаясь, о Ксении. Моложе она была на пятнадцать лет. Может, у нее девичья блажь в голове от молодой горячей крови? Потом одумается?..

Душно казалось ему в избе. Слышал, как похрапывал во сне отец, поднималась и шаркала по горнице мать. Никогда эти домашние звуки не тревожили его, а сегодня... Поднялся, взял тулуп и ушел в подворье на сеновал, забрался по лестнице, разворошил сено, пахнущее свежестью приморозка, лег на тулуп, завернулся его полой.

Ночной ветерок, проникая сквозь щели тесовой крыши, тревожил сено, и оно ворошилось, перешептывалось, как живое, затаенно шелестело. Поскрипывал во дворе колодезный журавель, позванивала ведерная цепь. Не брал его сон, не приходил угомон. Колола синим светом глаза какая-то яркая звездочка в щели крыши, и Прокопий вдруг подумал, что эта крохотная звездочка светила его прадеду и деду, светит отцу и ему, будет светить его детям и внукам, и Прокопию стало грустно от мысли, что жизнь неудержимо пробегает, просачиваясь сухим песком сквозь пальцы, но одновременно наступила успокоенность, что теперь будет у него жена-хозяйка, которая сменит постаревшую мать в доме, а потом белыми сильными руками подаст ему первенца-сына — горячий комок жизни, который и продолжит род Ширяевых, коренных таежников...

Нет, не сразу вытравил он из памяти Марьяну. Пожалуй, только после рождения сына Степана он почувствовал внутреннее раскрепощение и у него появилась настоящая любовь к жене... А потом Ксения родила близнецов, девочку и мальчика, стала после смерти матери полной хозяйкой дома.

Теперь Степан работал в лесничестве и учился заочно в Тимирязевской академии, дочь вышла замуж за офицера и жила в Средней Азии, где служил ее муж — капитан, а младший сын Федька еще с детства пристрастился к рисованию, сейчас учился в Москве на художника, летом приезжал домой «писать с натуры», как он выражался.

Разлетелись его дети по разным краям, только старший, Степан, очень похожий лицом и фигурой на Прокопия Алексеевича, не захотел уходить из родных мест, продолжал дело отцовское... Трое их осталось на кордоне. Он, жена да сын-первенец...

— Ну, Матвей, насудачились, как воды ключевой напились.

Ширяев поднялся, достал бланк и протянул Кирькину:

— Вот здесь распишись, а я дома все проставлю. Не боись, не оговорю. Сколько в туше? Пудов двенадцать чистого весу? Сам цифирьку проставь.

Кирькин, к его удивлению, улыбнулся, не возражая, поставил подпись на бланке, весело проговорил:

— Зря, Прокопий, старался. Промашка вышла. Забыл? Ведь скоро юбилей государству. Прекратят мое дело. Во как все получилося!

— Ага, значит, о государстве вспомнил, когда петух клюнул?

Прокопий Алексеевич подозвал собак и кивнул на убитого лося:

— Освежуй.

— Воронье да зверье освежуют!

Подошел Егорша. Парень сейчас был очень похож на молодого Матвея. Но в нем было и материнское. На Прокопия Алексеевича смотрели Марьянины глаза — такие же беспокойные и красивые.

И он, посмотрев на Егоршу, снова вспомнил о Марьяне. Недавно опять встретил ее и с трудом узнал. Что-то с ней вдруг стало. Как-то сразу она увяла. Видимо, бо-

гатство, к которому она тянулась всю жизнь, выхолостило ее красоту, оставив лишь сухой и алчный блеск глаз и резкий базарный голос. И Ширяев неожиданно подумал, что попади Марьяна в другой двор, а не к Кирькиным, отличающимся особой жадностью, то сохранила бы свою привлекательность до глубокой старости.

— Не боишься, что в спину стрельну? — усмехнулся Матвей.

— Нет! Он тебе этого не позволит, — кивнул Ширяев на Егоршу, избегающего взгляда Прокопия Алексеевича. Парень ему нравился. При встречах всегда здоровался и краснел. Видно, переживал за отца, который занимался браконьерством. — Никогда не простит. А зверя освежуй. Мясо-то государству все равно придется сдать.

— Ну и зануда ты, Лешак! — злобно сплюнул Матвей.

— Таков уродился. Спокойного житья, пока меня ноги носят, браконьерам не дам. Запомни! Да и Степан настоящим мужиком становится. На смену мне!

Ширяев закинул за спину рюкзак, свистнул собакам и, не оглядываясь, пошел по тропе. Выскользнуло солнце, осветило полянку и погнало полосу света за Ширяевым. Накрыло яркой волной, зажгло световой зайчик на стволе карабина... Затем набежала тень, и Прокопий Алексеевич исчез в зарослях леса...

6

Утром, связавшись по рации с диспетчерским пунктом лесхоза, Ширяев передал об урагане и о том, что в сороковом квадрате заметил дым над лесом, посоветовав выслать вертолет для проверки возможного очага пожара после прошедшей грозы...

Звериная тропка, петляя в зарослях, уводила в глубь леса. После ливня в тайге было влажно, мокрые сосны, словно обугленные снизу, тянулись вверх и там, переплетаясь лапником, не пропускали света. Внизу царил полумрак, насыщенный терпким испарением земли. Облипало комарье. По густому папоротнику бродили редкие лиловые пятна солнечного света, процеживающегося сквозь зеленый верховой шатер.

Тропка нырнула под огромную корягу, пробежала под распростертыми скрюченными лапами корней и вывела к небольшой опушке с березовым подлеском.

Прокопий Алексеевич привязал собак на повод. Недалеко находилась Журавлиная падь, и где-то в ее районе, по мысли Ширяева, промышлял Матвей. Он достал из рюкзака фотоаппарат, проверил пленку. Сын несколько лет назад научил фотографированию, снимки при задержании браконьеров служили вещественным доказательством таежного разбоя. При наличии снимков никто не мог отказаться и обвинить Прокопия Алексеевича в оговоре, а такое иногда пытались сделать. Он пожалел, что с ним нет Степана. Сын находился на экзаменационной сессии...

Донесся далекий собачий лай. Шайтан зарычал и рванул повод. Ширяев прижал собак к земле. Глаза у Шайтана налились бешенством. Но лай стал удаляться, и Прокопий Алексеевич по тону определил, что кто-то загоняет к схоронке изюбра. Через некоторое время ветер донес хлопок выстрела, и Ширяев, не отпуская собак с привязи — они могли раньше времени спугнуть браконьеров, — быстро направился через опушку к небольшой мари, решив сократить путь и появиться у Кирькиных со стороны речки, откуда его не ждут...

Перед Ширяевым открылась небольшая пролысина леса, и у кустарников посредине полянки он увидел Кирькина с сыном, свежующего только что заваленного изюбра.

Прокопий Алексеевич спустил собак. До браконьеров было метров пятьдесят. Шайтан с Белкой, стелясь в беге, неслись к Кирькиным лайкам, пожирающим требуху.

Матвей, услышав шум, резко вскочил и схватился за ружье. Направил двустволку на Ширяева.

— Не дури, Матвей! — предупредил Прокопий Алексеевич.

Егорша, открыв рот от удивления, по-прежнему сидел у туши и смотрел на Ширяева, не понимая, откуда тот свалился на полянку. Собаки подняли отчаянную драку: раздался визг и рычанье, щелканье клыков, клочьями полетела шерсть. Но свалка быстро прекратилась. Шайтан, раскидав Кирькиновых лаек, стоял над требухой и, подняв голову с ощеренной пастью, грозно рычал, показывая волчьи клыки, а лайки, признав его главенство, припали к земле и, повизгивая, заискивали перед псом.

— Уйди, Пронька, — прохрипел Матвей.

До Матвея оставалось десяток шагов, и Прокопий Алексеевич заметил, как лицо Кирькина начало багроветь.

Наблюдая за приближающимся Ширяевым, Матвей неожиданно усмехнулся, но усмешка, прорезав небритую щеку, застыла на сведенной половине лица и казалась гримасой боли. В прищуренных глазах по-прежнему плескалась лютая злоба.

Прокопий Алексеевич обостренно — все у него внутри напряглось — увидел, как палец с грубыми ногтями и заусенцами лег на спусковой крючок, и вдруг понял, что стоит ему сейчас остановиться или замедлить шаги, показать свою растерянность, как сразу брызнет сноп слепящего огня... Секунды растягивались до бесконечности.

Не спуская глаз с Матвея, он медленно приближался к нему. Егорша со страхом следил за молчаливым поединком мужиков, и парню вдруг показалось, что Ширяев на его глазах вырастает в какого-то великана и с каждым шагом возвышается над отцом, закрывая огромным телом и клин чистого неба, и маленькую опушку леса...

Ширяев подошел ближе и ощутил, как может дрогнуть скрюченный палец Матвея на спуске и жакан, разрывая кожу тела и ломая ребра, развалит его сердце... Прокопий Алексеевич по-прежнему шел к Матвею, решив последним отчаянным шагом переступить ту грань, за которой уже нет страха и сожаления о совершенном.

Кирькин по-прежнему стоял закаменело, лишь примороженная усмешка кривила лицо. На морщинистом лбу высыпал пот. В глазах у Кирькина промелькнула злая решимость...

— Ба-атя, не нужно! — со страхом закричал Егорша и, останавливая отца, метнулся к нему, хватаясь за стволы ружья.

Раздался выстрел. Он прозвучал как-то глухо. Точно ударили в мох. Сорвались с кустов вороны и закричали... Егорша, странно приседая, качнулся и, зажав руками бок, упал на траву. Приподнялся, с удивлением посмотрел на отца, схватил ртом воздух и попытался что-то сказать... Кирькин, откинув ружье, схватил Егоршу за голову, хрипло спросил:

— Сынок? Егорша, да как же это?! Сынок?!

Егорша зашевелил губами. Ширяев, увидев потемневший от крови свитер парня, оттолкнул в сторону Матвея, разрезал ножом одежду, отстегнул ремень, полоснул нижнюю рубаху, разрезая ее на ленты. Скрутил тампон, прижал к ране, закричал Кирькину:

— Рви исподнее! Быстро!..

Матвей сбросил телогрейку, стал дрожащими руками рвать на себе нижнюю рубаху и, как в полузабытьи, бормотал:

— Ах ты, боже мой! Ить насилу уговорил его... Мол, последняя охота перед уходом на службу...

Закричал что-то протяжно, по-звериному тоскливо, схватил за плечи Ширяева, повернул к себе и с ненавистью выкрикнул в лицо:

— Все из-за тебя, проклятый! Убью! Все равно убью, Лешак! Не жить тебе на свете, помяни мое слово!

— Опосля убьешь, — оттолкнул его Ширяев и зло приказал: — Гони лошадь! К зимовью отвезу Егоршу! Там рация... Вертолет вызову. Да шевелись, гад!

...Лошадь хрипела, бешено косила глазами, приседая на задние ноги. Прокопий Алексеевич, обрезав ремни, сбросил на землю вьюки, перевалил Егоршу поперек спины и сел в седло. Лошадь качнулась под его тяжестью. Он хлестнул изо всей силы по крупу и рванул с места в тяжелый галоп... Секли ветви, а Ширяев, прижимая к себе раненого, потерявшего сознание Егоршу, хлестал и хлестал мерина, выжимая из него всю возможную резвость, боясь только одного — чтобы конь не споткнулся на лесной тропе и не засек ноги.

За ним с мокрым от слез и перекошенным, обезумевшим лицом бежал Кирькин. Силы оставляли его. Он падал, снова поднимался, твердил как заклинание про себя: «Господи, токо спаси мово Егорушку! Токо спаси!..»

От бега зашлось сердце и боль пронзила бок. Кирькин зацепился за корень и распластался на тропе. Приподнялся и, дыша как загнанная лошадь, начал вглядываться в даль, но уже ничего не видел.

С поляны доносилось карканье ворон и лай собак. Кирькин поплелся туда. У туши вились вороны. Лайки, озверев, с хриплым лаем отгоняли птиц. Одна собака бросилась к хозяину, но он пинком отшвырнул ее. Лайка взвизгнула, поджала хвост. Натолкнулся на ружье, схватил его и стал яростно бить о пень:

— Будь все это проклято! Проклято!..

Разбив вдребезги ружье, он схватился за голову и протяжно застонал, неизвестно кого моля о пощаде...

●

ПОЭЗИЯ

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

ОКРУГА

НИТЬ

Дни у солнца горячи —
не спешит с ночлегом:
скоро явятся грачи,
а земля — под снегом.

И, пророча их прилет,
ручеек прилежный
голубую нить прядет
из кудели снежной.

Он дорогу не впервой
во поле нащупал.
Этой ниткою живой
шит небесный купол.

Продубила эту нить
соль земли и солнца —
и нельзя разъединить
струи-волоконца.

Этой ниткою сплели
солнечные кросна

голубую ткань земли —
с красной, кровеносной.

...Несказанно вечный срок
Родине предсказан:
этой нити узелок
на сердце завязан.

ВЕСНА

Прояснело к маю,
простор просквозя...

К любимому краю
привыкнуть нельзя.
У Канска и Лиды
пленят новизной
неброские виды
глубинки родной.
Иль так небывало
весна хороша?
Иль зоркою стала
в разлуке душа?

Какая крутая
ни взвейся стезя,
от милого края
отвыкнуть нельзя.
Красой чужедальней
пресытится взгляд.
И нет беспечальней
дороги назад.
Предместья райцентра.
Сосняк да лоза...

От встречного ветра
слезятся глаза.

ЛУГ

Рубахи, мокрые, хоть выжми,
уже не впитывают пот.

В конце прокоса шапки пижмы.
В начале —
вянущий осот.

А в двух саженях от обочин
кривых проселочных дорог,
дурной травою оторочен,
медвяный луг, светясь, пролег.

Да он и сам промок до нитки!
Блестит испарина росы.
И то сказать, попробуй вытки
сплошной узор такой красы.

...Взгляни на луг на зорьке ранней —
он ладно скроен,
крепко сшит,
но в матерьял для лучших тканей
его коса перекроит!

ВЕЩИ

На каждый предмет обихода,
который на что-нибудь гож,
так быстро меняется мода,
что скоро в чулан не войдешь.

И вот на семейном совете,
вчерашние куклы забыв,
заводят хозяйские дети
все тот же нехитрый мотив.

Что время спровадить на свалку
и ветхую плотничью снасть,
и сбитую косу, и прялку,
с годами отвыкшую прясть.

Устав от ребячьей докуки,
с детьми соглашается мать.
Но вновь опускаются руки,
не зная, с чего им начать.

В скоплении ржавых жестянок,
в тряпье и обрезках досок

то встретится батькин рубанок,
то сестрин мелькнет туесок.

И старое теткино сито.
И матушкины кружева...
Извечные мелочи быта,
которыми память жива.

РОДНЫЕ ДАЛИ

Еще речные берега
не сблизились друг с другом.
Еще совхозные стога
не высятся над лугом.

Еще июньское тепло
к нам ластится ночами —
и виснет полдень тяжело
за нашими плечами.

И, нагнетаемый жарой,
зернистый, как початок,
взбухает облак над горой —
и дождь весом, но краток.

Слепит
кричащая эмаль
земного разноцветья!

Но глухо свернуты в спираль
окрестные столетья...

ЭХО

Казалось, только из пеленок...
Откуда что успела взять?
Или откликнулся ребенок
тому, что напевала мать?

Отозвались ли эхом строчки,
что я опробовал на слух,
смущенный любопытством дочки,
которой не было и двух?

Запечатлелась ли беседа,
совместная по выходным
во время общего обеда,
что так семье необходим?

Живое слово безыскусно,
мы говорим о том о сем... —
ан нет! — передаем изустно
язык, дарованный отцом.

Как важно, чтобы в жизни новой
на почве праведной земли
неверный звук, кривое слово
дурной травой не проросли.

Родные голоса негромки,
но слышно их за тыщу лет,
и могут воспринять потомки
обмолвку нашу как завет...

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЕЛЕФОННОЙ ЛИНИИ

В апрельском саду, где мечтал отдохнуть я
от зимних тревог и трудов,
мне взгляд оцарапали жесткие прутья
остриженных, куцых кустов.

Я вспомнил, как жил в городке неказистом,
казенною службой кормясь,
как часто вдвоем с подчиненным связистом
чинил межрайонную связь.

Весна подключала мою телефонку
к лесной гомонящей сети.
Мы ветки рубили — и сучья вдогонку
за нами тянули культи.

Участок, пролегший болотцем да рощей,
опять полоняла весна.
И вновь за прогалы с проводкою тощей
природа платила сполна...

А нынче явилась и жалит как овод
    догадка: на линии той
теперь и последний заржавленный провод
    уже, почитай, золотой...

КОЛЕЯ

Пылью занавешены проселки;
душную раздвину кисею:
мятлика пушистые метелки
в травах обозначат колею.

Вывезли дорогою окольной
копны в позапрошлый сенокос —
дикой самосевкой суходольной
путь автомобильный и зарос.

След одушевленного металла
вплоть до человечьего жилья
яростно природа заметала... —
издали заметна колея!

ЯСНОСТЬ

Люблю скупые полчаса
в исходе зимнего заката,
когда пустые небеса
луна украсит небогато,

когда под робкою луной
земля светлее небосвода —
до той границы коренной,
где бор поставила природа.

Глазам открытая с холма
на полдороге до ночлега,
равнина будто бы сама
лучится, ясная от снега.

Устав от будничных забот,
она пробудится не скоро:
ее светлынь обережет
твердыня сумрачного бора.

ПОЭЗИЯ

Борис ЛАПУЗИН

ПЛАНЕТА В ЗАРЕВЕ ТРЕВОГ

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Вы понять этот край торопитесь.
Вы пройдитесь рассветной межой,
встретит дуб вас раскидистый —
витязь
с первородной, открытой душой.

И взлетит солнцеликая птица,
и укажет она с высоты:
где воды родниковой напиться,
где послаще малины кусты;

где кедровник ветра прячет в иглы,
где руды неотысканный клад
сторожат уссурийские тигры,
где орланы добычу когтят;

где охотник выходит на зверя,
где в кипенье вражды штормовой
в пограничный незыблемый берег
вечно бьет океанский прибой.

* * *

Впервые на прогулку вышел
я с дочкой — ей лишь месяц был.
Позолотило солнце крыши,
и аромат весенний плыл.

День начался светло и мудро.
И улыбались люди мне.
Прекрасным было это утро,
и мир прекрасным был вполне.

И дочка, в коконе пеленок,
лежала тихо на руках —
моя кровинка, мой ребенок —
как лучик солнца в облаках.

Я на прогулку вышел с дочкой.
Для торжества грядущих дней
огромный мир наш сразу точно
сосредоточивался в ней.

Я с дочкой вышел на прогулку
и ничего не замечал...
Вдруг реактивный в небе гулко
над головою зазвучал, —

слетели голуби с фронтона...
Паром вдоль бухты тихо плыл.
О новых базах Пентагона
московский диктор сообщил.

Трамвай стремился громогласно...
Но страх и слезы всей земли
мне различимы стали ясно —
как будто фокус навели.

Лежала дочка
в бликах света,
и небосвод сиял, высок.
Открытая любви планета
трудилась в зареве тревог.

НА УССУРИЙСКОЙ СТАНЦИИ «СЛУЖБА СОЛНЦА»

Никому, конечно, не в новинку
(Но об этом мысль всегда светла!) —
Освещает каждую травинку
Солнце животворное с утра.

Освещает белочку на ели,
Скользкого налима в донной мгле...
Только б ничего не просмотрели
Люди на своей родной Земле!

В небе, высоко температуря,
Освещает жизненный простор
Яростная плазменная буря,
Ядерный космический костер.

Освещает льдины у Аляски,
Скальный многоярусный Монблан,
Озеро, подернутое ряской,
Освещает Тихий океан.

Освещает полюс и экватор...
В небе нет других светил взамен!
Самый совершенный генератор
Действий, превращений, перемен.

Все от Солнца: таинства рассвета,
Полдень, раскаленный добела,
Зодчие, ученые, поэты...
Все под Солнцем — мысли и дела.

МОРЕ

От моторок резвых
до гигантов усталых
море флот изжелезил —
море пахнет металлом.

Выбираются тралы —
тяжелеют удачей.

Море издавна стало
нам судьбою рыбачьей.

Очищаются краски,
выверяется слово...
Сейнер вечером красным
возвращается с лова.

И волнуются волны —
воплощенье заботы.
Сейнер рыбою полный —
море пахнет работой.

ТАЕЖНАЯ БАЛЛАДА

Еще рассвет не розовым был — синим,
еще дремала мудрая тайга,
когда по грани Сихотэ-Алиня
к восходу выходила кабарга.

Ступала по камням, как по ступеням,
и на зеленом фоне высоты
казалась совершенным воплощеньем
таежной первозданной красоты.

Что торопило кабаргу из чащи?
Восход ли встретить не терпелось ей?
Через минуту солнце, как из чаши,
прольет парную розовость лучей.

Отрог гряды дремучей озарится,
как будто великанья булава.
И кабаргу от холки до копытцев
уже купает росная трава.

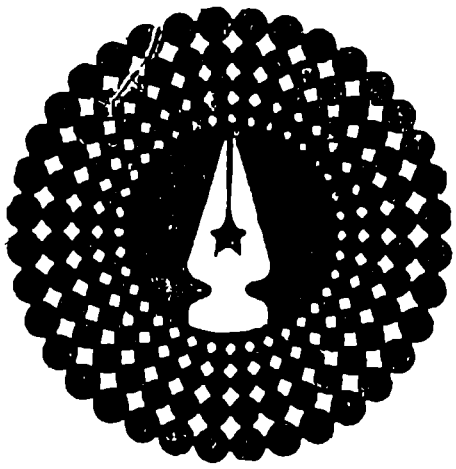
И кабарга восходит к солнцу, к пище,
ступая по камням...
Остановись!
Не пощадит тебя жестокий хищник,
нацеленно спружиненная рысь.

Он выследил тебя — коварный недруг,
он предвкушает твой предсмертный крик,

он в нетерпенье, слившись шкурой с кедром,
для нападенья выбирает миг.

Он выбрал миг...
Но грянул гром нежданно
в тот самый точный, самый крайний срок,
и оборвался, срезанный жаканом,
наверняка рассчитанный прыжок.

Вставал восход и озарял сквозь листья,
сквозь иглы, сквозь сплетения тайги
обманчивые пятна мертвой рыси
и солнечные пятна кабарги.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА — ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА

Анатолий ПОТЕХИН,
бригадир монтажников треста Братскгэсстрой,
член ЦК ВЛКСМ,
лауреат премии Ленинского комсомола

ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ

Комсомольская ударная стройка.

Это словосочетание обозначает трудность и важность поставленной перед строителями задачи. Получая путевку на комсомольскую ударную, парень или девушка знают об этом, тем не менее сами стремятся попасть в необжитый край. Ведь большинство из них романтики. Но почему немалая часть уезжает со стройки, не успев ничего сделать из того, о чем мечталось?

Один из последних ударных комсомольских отрядов прибыл на КАТЭК весной прошлого года. Он носил имя 40-летия Победы и был сформирован из киевлян, воронежцев, волгоградцев и ставропольцев — всего 647 бойцов. Уже через полгода из этого числа по разным причинам уехали 212 человек: 14 новичков вообще не приступали к работе, 24 — уволены за нарушение трудовой дисциплины. Причины же, побудившие остальных покинуть стройку, — это маленькая зарплата, а также несоответствующая представлениям о трудовом героизме работа, нехватка

учреждений соцкультбыта, отсутствие необходимого жилья, общая неудовлетворенность жизнью на новом месте.

Вот такое неутешительное соотношение «стойких» и «слабаков». Последних немало и на других ударных стройках. Причины в основном те же. Но далеко не всегда эти ребята стоят перед проблемой выбора: остаться или нет? Чаще отъезд, как им кажется, единственное, что остается в создавшейся ситуации, и тогда они покупают обратный билет.

Не могу сейчас с уверенностью сказать, остался бы я сам на КАТЭКе или уехал, столкнись я с теми же, как и у них, трудностями. Для меня город Черненко (бывший Шарыпово), столица будущего топливно-энергетического гиганта, был не загадочной далью, а родным селом, в котором и началась большая стройка. Узнав о стройке из письма матери, я переменил свое решение остаться после службы в Москве на строительстве олимпийских объектов и отправился домой.

Я ехал преображать родные, с детства привычные края. А другие ехали сюда издалека, думая да гадая, как их встретит новая земля. Уполномоченные по набору кадров на новостройки щедры на обещания, сулят мальчишкам и девчонкам почти все, о чем те мечтают.

Вот с безответственных обещаний подчас и начинается обратный путь многих несостоявшихся первопроходцев, их раннее разочарование. А за всем этим видятся мне равнодушные глаза обманувших их людей, среди которых еще, к сожалению, немало комсомольских работников, занятых формированием Всесоюзных ударных комсомольских отрядов.

Я вспоминаю, с какой досадой смотрели на нас, членов штаба ЦК ВЛКСМ на КАТЭКе, девушки, приехавшие прошлой осенью по путевкам Гомельского обкома комсомола. Все они были специально подобраны для отдела рабочего снабжения, хотя соответствующие специальности имели только четыре из десяти. Остальных в Гомеле заверили, что им придется поучиться всего два месяца, после чего заработок их будет не меньше 170 рублей. Инструктор обкома комсомола Татьяна Болтикова привезла их в наш городок, и только тут они поняли, что их обманули. Ходить в ученицах им предстояло не два, а девять месяцев и все это время получать по семьдесят рублей стипендии.

А как халатно в некоторых обкомах комсомола относятся к подбору вожаков, командиров строительных отрядов, которые формируются для ударных строек!

Например, воронежский отряд, входящий в состав Всесоюзного комсомольского отряда имени 40-летия Победы, прибыл на КАТЭК во главе с Геннадием Булгаковым, у которого не было с собой даже трудовой книжки. Две недели он не устраивался на работу, потом устроился на автобазу, но на работу так и не вышел. Вместо этого спровоцировал групповую драку в общежитии. Пришлось исключить его из комсомола, освободить от должности командира и выселить из общежития.

Какой пример мог подать такой вожак отряду в 119 человек, куда повести бойцов? А ведь переезд каждого такого бойца обходится государству почти в 400 рублей. Не думали, по-видимому, об этом и в Ставропольском обкоме, назначая командиром УКО

Виктора Тутаева. Не проработав на стройке и трех дней, он бросил в отделе кадров трудовую книжку и уехал, сманив с собой еще трех человек.

Но большая часть молодежи все же остается на стройке, работает, хотя живет в плохих условиях. И ссылки тут на избалованность нынешней молодежи я считаю лицемерными попытками руководителей стройки оправдать собственную лень и равнодушие.

Осенью прошлого года в комбинат КАТЭКуглестрой прибыла вторая часть Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени 40-летия Победы. В него вошли посланцы Молдавии, Узбекистана, Волгоградской области. Несмотря на то что руководством комбината давались заверения, что к приезду отряда будет закончено строительство жилья, фактически ничего не было сделано, и отряд разместили где попало и как попало — в старые тесные общежития. Особенно не повезло молдавскому отряду. Людей поселили в кухни, в красные уголки. Здесь ни о каком соблюдении правил гигиены не могло быть и речи. Например, в кухне общежития № 40 на четырех кроватях ночевало семь человек, в комнате отдыха на пяти кроватях — двенадцать человек, и так далее. Некоторые дома, куда поселили новичков, долгое время не отапливались, и многие начали свою трудовую биографию с оформления больничного листа.

Особенно острая проблема возникла с расселением супружеских пар, которым, по условиям договора, была положена отдельная комната. Лишь трем семьям из четырнадцати удалось сразу получить обещанное жилье. Остальным же была предоставлена полная свобода поразмыслить о том, как и где жить.

Когда на экстренном совместном заседании штаба ЦК ВЛКСМ и руководства комбината разбиралась сложившаяся ситуация, секретарь парткома, бывший командир первого ВУКО «Молодогвардеец» на КАТЭКе, стал бойко оправдываться. Он говорил о том, что новые бойцы приехали не на курорт, а на стройку и должны терпеть все невзгоды и лишения, иначе какие-де они бойцы...

Результаты такой демагогии, таких псевдогероических призывов налицо. Осенью третья часть добровольцев лишь весеннего заезда покинула стройку. Три общежития, в которые их поселили, были не готовы и не приняты госкомиссией. Позднее два из них все же кое-как доделали и подписали акт о сдаче в эксплуатацию. А третье еще долгое время оставалось непригодным для проживания.

По сей день действует непонятный приказ Минэнерго, запрещающий семьям жить в общежитиях. Квартиру же ждать очень долго. И хотя супружеские пары представляют собой для стройки более стабильные кадры, чем холостяки, им зачастую приходится выбирать: семья или стройка.

Одно из самых слабых мест стройки — это нехватка кадров. Тех самых людей, которые, помыкавшись некоторое время в неуютных, плохо оборудованных общежитиях и не найдя помощи у руководства, уезжают со стройки. Тех самых людей, которые становятся нарушителями трудовой дисциплины, потому что их спаивают спекулянты, гнездящиеся буквально в каждом общежитии и продающие по ночам любому желающему водку по дорогой цене.

За годы строительства в городке родилось больше четырех тысяч катэковцев. Самые старшие еще не достигли школьного возраста, а детских садов — всего четыре, по триста детей в каждом. Сейчас очередь на места в яслях и детсадиках превышает три тысячи человек. Это значит, три тысячи мам вынуждены вместо работы на стройке сидеть с детьми дома. Или уезжать туда, где детских учреждений побольше. Ведь просидеть все молодые годы в няньках даже у собственного ребенка по душе далеко не каждой современной женщине.

Часто после работы я возвращаюсь домой пешком. Под ногами уныло чавкает грязь. Раньше, до начала строительства КАТЭКа, в Шарыпове были хлебозавод, маслозавод, птицефабрика да маленькая ПМК, удовлетворявшая небольшие строительные нужды нашего села. Неторопливая была жизнь, но основательная. Между одноэтажными домами — чистые улицы, покрытые асфальтом и деревянными настилами. Везде палисадники, зеленая трава, цветы. Теперь дороги на улицах изрыты, перекопаны, многоэтажки поставлены очень близко к проезжей части, пыль, шум рвется в окна и форточки... В городе нет уюта, разумной благоустроенности. Зато много лозунгов, на которых написано:

«КАТЭК — это 600 миллиардов тонн бурого угля, размещенных на 60 тысячах квадратных километров в благоприятных горно-геологических условиях».

«КАТЭК — это гигантские угольные разрезы мощностью до 60 миллионов тонн в год».

«КАТЭК — это рождение новой крупномасштабной отрасли промышленности для получения облагороженного твердого топлива, газа, ценных химических продуктов».

«КАТЭК — это ряд крупнейших в стране тепловых электростанций мощностью до 6,4 миллиона киловатт каждая с энергоблоками по 800 тысяч киловатт».

И так далее. Всё об ошеломляющих масштабах топливно-энергетического комплекса. Нет в этих лозунгах ни строчки о людях, которые создают этот комплекс.

Забота о нормальном быте людей к грандиозным масштабам КАТЭКа не приложилась. Население городка увеличилось в пять раз, появилось несколько многоэтажных микрорайонов. Но как и семь лет назад, у нас один старый кинотеатр, один Дом культуры на триста мест, одна старая баня на десять человек, да и та не работает. В магазинах даже за хлебом выстраиваются длинные очереди. О бассейнах, стадионах, театрах и цирках остается только мечтать.

Я бреду по асфальтированным, но на удивление грязным улицам нового города. В спешке — лишь бы отделаться — дорожное полотно уложили здесь неоправданно низко, и теперь, чтобы привести пешеходные и автомобильные пути в порядок, нужно поверх старого асфальта делать новое толстое покрытие. Отчего эта бесхозяйственность? Оттого, по-моему, что руководят строительством временные люди, которые не собираются здесь пускать корни. Судите сами. За пять лет сменилось четыре начальника генподрядной организации, то есть четыре фактических хозяина на стройке. И каждый из них начинал с форсирования основных сооружений, оставляя заботу о людях на потом. Так и менялись начальники, создавая предпосылки для большой, можно сказать,

невиданной текучести кадров. И никто с них за это строго не спрашивал. Строго спрашивали лишь за выполнение плана по освоению капвложений да по промышленному строительству.

Меня могут упрекнуть: что же вы, мол, комсомольцы, бойцы ударных отрядов, расплакались? Где же ваша боевитость и инициативность, где задор? Есть, есть и боевитость и задор. Сложа руки не сидим. Если бы сидели, то на стройке, думаю, не осталось бы и половины людей, что работает сейчас. Благодаря непоседливости и энтузиазму комсомольцев есть сейчас чем заняться молодежи в свободное время. Геннадий Васильев, Сергей Галкин и Борис Берхин организовали «Клуб самодеятельной песни». Здесь пишут стихи, слагают песни, поют везде, где только можно петь: в походах, на концертах, в общежитиях. А собраться вместе для репетиции участникам художественной самодеятельности негде. Приспособили какой-то темный подвал.

Первый секретарь горкома комсомола Сергей Ищенко организовал секцию дельтапланеризма. Желающих заниматься хоть отбавляй, а материальной базы и помещения нет. Собираются в общежитии.

Анатолий Новиков руководит самодеятельным туристическим клубом «Тункас», названным именем горного хребта и речки. Любителей туризма не счесть. Все с удовольствием участвуют в походах выходного дня. Но вовлечению новых членов в клуб мешают все те же проблемы — отсутствие средств и помещения. Приходится обходиться общежитием.

Валентина Ващихина организовала «Клуб трезвости», к которому примкнули многие ребята. Число членов клуба, где на спиртное — табу, растет с каждым днем, но собраться им также негде, особенно зимой.

На нашей стройке более десяти хорошо сыгранных футбольных команд. Но половина свободного времени футболистов уходит на то, чтобы оборудовать очередное поле, так как постоянного стадиона нет, а временные то и дело раскапываются под очередные фундаменты.

В поселке Дубинино, в пятнадцати километрах от нашего города, где живет 13 тысяч угольщиков, тоже не было ни спортивных сооружений, ни вместительного зала для зрелищных мероприятий и молодежных вечеров. Комсомольцы в свободное время построили для себя и стадион, и лыжную базу, и «Молодежный центр», где проводятся дискотеки и спортивные соревнования. Администрация комбината КАТЭКуглестрой, и профсоюзная организация, и поселковый Совет помогают комсомольцам в создании культурно-спортивного комплекса.

В Черненко же, столице КАТЭКа, ничего такого нет. Руководство ходит и гордится, что наконец удалось закончить сооружение самой высокой дымовой трубы в мире, что, хотя и с большим опозданием, все-таки подходит время пуска первого энергоблока ГРЭС. Я тоже, как и большинство строителей КАТЭКа, горжусь тем, что уже сделано. Но когда меня спрашивают, почему с таким опозданием, я отвечаю, что на стройке очень не хватает людей. И добавляю: не хватает потому, что о них здесь плохо заботятся.

Недавно из Узбекистана и Молдавии прибыло к нам 147 бойцов.

Их направили в строительное управление Промстрой-2. Однако руководство не позаботилось о предоставлении им фронта работ. По этой причине бригады Большакова, Стружко не выполняют плановых заданий. А вновь созданная бригада плотников-бетонщиков Штейнле, куда направлено 28 бойцов отряда, за полторы недели разгрузила всего несколько машин кирпича, занималась остеклением оконных проемов, остальное время ушло на уборку мусора и бесцельное пребывание на стройплощадке. Аналогичное положение и в других бригадах.

По данным с дела кадров генподрядного производственного строительно-монтажного объединения КАТЭКэнергопромстрой, в различные его подразделения направлено 509 бойцов, а фактически зачислено 456 человек. В какие стройорганизации КАТЭКа поступили остальные 53 бойца, до сих пор не выяснено.

Люди, приехавшие работать на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку, не чувствуя о себе заботы, вынуждены буквально завоевывать возможность нормально трудиться. А об ударной работе большинство добровольцев очень скоро перестают даже и мечтать. Ведь для того, чтобы обеспечить ударный труд исполнителей, нужно их знать и руководить ими ударно.

Впрочем, чтобы показать отличные результаты, совсем не обязательно быть хорошим руководителем. В последнее время почти в каждой организации, даже постоянно не выполняющей планы, появились две бригады, работу которых не стыдно выставить напоказ. Для этих «фасадных» бригад все предоставляется в первую очередь, если даже остальные из-за этого должны простаивать: никому нет материалов, а передовикам — пожалуйста, техники не хватает, а у них — всегда под рукой. Эти бригады действительно передовые, потому что работают в нормальных условиях. И поставь на такое обеспечение другие бригады, они тоже справлялись бы с заданиями не хуже.

Я уже упоминал о значительной задержке пуска первого энергоблока Березовской ГРЭС-1. Но от плана отстают строители и других объектов. Самое время, казалось бы, широко внедрять на стройке бригадный подряд. Он повышает производительность труда. Например, на строительстве Тобольского нефтехимического комбината большая часть трудовых коллективов использует подряд, и производительность у них вдвое выше, чем у остальных. На первый взгляд чего проще — внедряй у себя в бригаде прогрессивный метод и пользуйся всеми его преимуществами. Однако не так это просто, как кажется.

Возьмем комплексную бригаду В. Чепикова, одну из лучших на КАТЭКе. Знаний и опыта Виктору не занимать: окончил энергостроительный техникум, строил ГРЭС на Урале и ТЭЦ в Ираке. С 1979 года работает здесь, у нас. Свою бригаду он возглавляет со дня ее образования в марте восемьдесят первого. И костяк остался прежним — бойцы первых всесоюзных ударных отрядов. Год от года росло их мастерство и накапливался опыт. В восемьдесят третьем бригада Чепикова стала лучшей среди комсомольско-молодежных коллективов Министерства энергетики СССР. Словом, авторитетные и умелые парни.

Как-то мы с Виктором разговорились о бригадном подряде, и он рассказал, как трудно дается им здесь, на ударной стройке, этот метод. Напомню, что одно из условий, на котором держится подряд, это четкое соблюдение сроков сдачи объекта, обуслов-

ленных в договоре. Если просрочишь хоть на час — бригада теряет большую премию. Поэтому расчет сил должен быть точным. Для этого коллектив должен знать предстоящие объемы работ минимум на год вперед. Что же получается на самом деле?

В начале прошлого года у Чепикова было задание произвести за четыре квартала строительных работ на 600 тысяч рублей, то есть на 50 тысяч в месяц. Но начался год, и планы по воле руководства стали вырастать до 100 тысяч в месяц. Приходилось то и дело на ходу перестраиваться, прибегать к штурмовщине, до предела сжимать свои графики.

Это бы еще полбеды, если бы составленные бригадой графики получения материалов и техники учитывались вспомогательными службами. Но для них чаще всего эти документы ничего не значат. Ведь службы за срыв сроков бригадой в отличие от нее премий не теряют. Правда, материалы и технику предоставить своевременно они обязаны, так как именно за это и получают зарплату. Но попробуй лишить итээровца хоть части оклада за сорванный бригадный подряд. Нет у нас такого закона. Вот и дремлют, когда нужно действовать, люди, от которых зависит, быть подряду на стройке или не быть.

Быть ему, как видим, очень непросто. Бетонно-растворный узел получает, скажем, заявку на определенное количество бетона для бригады, а выдает лишь половину. Пока бригадир выбивает остальное, уложенный бетон уже застыл. Теперь, чтобы выдержать качество фундамента, которое требует непрерывной заливки, нужно еще процентов на двадцать увеличить трудозатраты.

Но допустим, при четкой организации работы каждого члена бригады и всего коллектива в целом потерянные минуты и часы можно нагнать. Для этого бригадир должен находиться постоянно среди рабочих и координировать их действия. Но не тут-то было: он занимается заявками, поставками, нарядами, табелем и другой «бумажной работой».

— Э-э, — скажут всесведущие читатели, — а для чего же тогда мастера, прорабы? Ведь бумаги — это их обязанность, и материально-техническое обеспечение бригад — тоже их первейшее дело. Все верно, мастера обязаны, но... не заинтересованы. К большим, как у Чепикова, бригадам прикрепляется один мастер. Казалось бы, чем ему еще заниматься, как не обеспечением подопечных? Но для этого нужно не сидеть в прорабской, а быть рядом с рабочими, бегать по службам, кроить свой ненормированный рабочий день в сторону увеличения. На деле же выходит следующее. Утром мастер встречает своего бригадира в прорабской словами: «Ну, что будем сегодня заказывать?» — и записывает с его слов в свой блокнотик все необходимое. Он даже точно не знает, сколько в бригаде человек и кто из них сегодня на работе, кто болен, а кто попросту прогуливает. Ему, мастеру, это неинтересно, так как своей доли в подряде он не имеет, а имеет хоть и не очень большой, но гарантированный оклад. Он его получит полностью, если даже подряд сорвется.

Пробовал Чепиков ввести мастера в бригаду при заключении договора, чтобы и он был зависим от коэффициента трудового участия. Не нашлось среди линейных инженеров-строителей таких охотников, хотя получить как участники подряда они могли гораздо больше оклада.

Правда, такое безразличие к заработкам чаще всего характерно

для приехавших по распределению некоторых выпускников техникумов и институтов. Им ничего не нужно от ударной стройки — отбыть определенный срок и уйти со стройплощадки за стол какой-нибудь проектной организации: пусть не денежно и однообразно, но тепло и чисто. Эти молодые специалисты — люди на стройке случайные. Их путь отсюда назад начался еще при поступлении в институт — любой, лишь бы вуз. К сожалению, таких на комсомольских ударных стройках слишком много. Это те самые заведомо временные, на которых больших надежд возлагать не приходится.

А вот большинству ребят, прибывших на стройку по собственной воле, заработки далеко не безразличны. Больше того, сравнительно маленькие их размеры стали причиной отъезда многих, в общем-то неплохих: бойцов ВУКО с КАТЭКа. Я не люблю рвачей, но когда по вине какого-нибудь неповоротливого или недобросовестного работника строитель не может нормально кормить семью — это тоже не дело.

Еще обиднее, если рядом живет такой же рабочий и сил тратит не больше, и квалификация равная, а получает он в два-три раза больше. Особенно это явление распространено там, где собралось множество самых различных организаций со всех концов страны. Поясню, в чем тут проблема.

Обычно большая стройка начинается там, где нет еще мощной строительной базы. Поэтому туда, как в свое время на КАТЭК, съезжаются работники из разных строительных организаций. Мало того, что эти приезжие получают командировочные, им еще оплачивается районный коэффициент, если их организация находится, скажем, в Норильске или Воркуте. Но строительство рассчитано на десятки лет, и командированные обосновываются капитально, получают жилье. А рядом, в том же доме, живет работник местной организации, которая платит только то, что тот заработал, без всяких там коэффициентов. Местные и приезжие дружат семьями, вместе в одном автобусе по утрам ездят на стройплощадку, пользуются одними магазинами... Только один получает в аванс двести, да потом триста, а сосед — всего сто пятьдесят в месяц. Такая разница тоже влияет на текучесть кадров.

А вот другая несправедливость, тоже касающаяся заработков. Недавно мне довелось подняться на нашу уникальную трубу и с ее высоты оглядеть то, что уже сделано. Вдалеке слева, на угольных разрезах, работали шагающие экскаваторы. Справа как на ладони был виден новый город. Сзади — будущее водохранилище, а прямо у основания трубы — почти достроенный корпус первого энергоблока. Осталось смонтировать котел, еще кое-что, и Березовская ГРЭС-1 даст первый ток.

Сам котел лежал в разобранном виде неподалеку, представляя собой огромное скопище замысловатых конструкций. Изготовили комплект в подмосковном Подольске и ценой больших усилий и затрат доставили на КАТЭК. Но когда специалисты стали котел проверять, то оказалось, что 60 процентов его деталей — сплошной брак. Установить бы его своевременно еще на заводе. Да не удосужились. А теперь возвращать котел изготовителям на доработку долго и накладно. Поэтому решили брак устранить на месте собственными силами.

Мало того что для ремонта нового котла пришлось отвлекать строителей от их прямого дела и тем самым отдалять срок пуска первой очереди электростанции, так этим людям еще нужно платить деньги за дополнительную работу. А платить приходится из общего фонда заработной платы стройки. Значит, нужно ужимать заработки строителей. И опять — недовольство, отъезды...

Как и на каждой большой стройке, проблем у нас на КАТЭКе много. Есть маленькие, есть большие, но неразрешимых, я считаю, нет. Я смотрел с вершины трубы на город, в котором немало и мной построенных домов, на березовые рощи вокруг, на озера, которых здесь не счесть. Все это было прекрасно. И неотделимо от стройки, которая, какой бы она большой ни была, все равно явление временное.

Пройдут годы, и мы уже будем смотреть на весь этот пейзаж, на город, на корпуса КАТЭКа как на что-то само собой разумеющееся, как мы смотрим сейчас, к примеру, на Ленинград. И рассказывать с гордостью мы будем только о хороших делах хороших людей. А проблемы, созданные равнодушными и бескрылыми, предстанут обычной пылью на башмаках одолевших большую дорогу. Мы не будем винить тех, кто не вынес тягот этой дороги и купил на полпути обратный билет. Просто их с нами не будет.

А жаль...

●

Геннадий МАЙОРОВ

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ

ОТ АВТОРА

Пройдет еще десять, пятьдесят, сто лет, а мы и наши потомки будем находить в истории Великой Отечественной войны не просто примеры героизма и мужества старшего поколения, а откроем для себя уникальные явления, рожденные великим патриотизмом советского народа, которые со временем превращаются в легенды. Ибо не имеют аналогов...

События, о которых рассказано в этом очерке, как раз относятся, на мой взгляд, к разряду уникальных. По крайней мере, за три года поисков я не встретил, не услышал ничего подобного. Обширная переписка с ветеранами войны, рядом компетентных учреждений дает основание полагать, что в истории минувшей войны это был единственный случай участия женщин в противотанковой артиллерии.

И, как ни печально, до сих пор до конца не исследованный. Не увековеченный — ни в граните, ни в памяти народной.

Что ж, попробуем исправить несправедливость, оставленную войной, и занесем в летопись подвига советских людей еще одну, безвестную до недавнего времени страницу.

1. ЛЕТОМ СОРОК ВТОРОГО

Ответ из военно-исторического ордена Красной Звезды музея артиллерии, инженерных войск и войск связи был неутешителен: «В нашем музее нет материалов о женском расчете 226-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона и о подобных расчетах в других частях...» Хотя сведения Центрального архива Министерства обороны СССР, правда, весьма скупые, подтверждали, что зимой 1943 года на орловской земле совершили подвиг пять девушек из орудийного расчета 226-го ОДПТ 148-й стрелковой дивизии 13-й армии. Но — ни подробностей боя, ни слова об их судьбе.

Потом станет понятно, почему о женском орудийном расчете сохранилось так мало сведений. Ведь в своем первоначальном виде на поле боя он просуществовал меньше двух недель. Всего двенадцать дней отмерила война девушкам, избравшим своей воинской специальностью артиллерию.

Их было пять, двадцатилетних девчонок, которым суждено нашей Памятью жить вечно: сержант Таисия Зиборова, ефрейтор Зинаида Емельянова, красноармейцы Мария Труфанова, Елизавета Бортникова, Анна Ноздрина.

Не обо всех сегодня мы можем рассказать подробно, так как поиск не закончен, он продолжается. Но необходимость первой публикации обусловлена надеждой на то, что кто-то вспомнит о женском орудийном расчете, дополнит наш рассказ, поможет в поиске. Чтобы смогли мы обозначить место подвига обелиском и выбить на нем имена девушек, ушедших в бессмертие. Чтобы смогла приехать на памятное, ратное поле Мария Семеновна Труфанова, чудом уцелевшая в боях. Смогла поклониться праху своих подруг. И вспомнить.

...Накрапывал дождь, дул неприятный мокрый ветер. Секретарь Мордовского райкома партии Елизавета Егоровна Ревунова, пока мы ждали машину, рассказывала о Тамбовщине, о родном районе, о дожде, зарядившем невесть насколько. О дороге старалась не говорить — путь предстоял неблизкий, в одно из самых отдаленных хозяйств, и можно было только гадать, проедет туда или не проедет райкомовский «уазик».

Мы все же добрались до старинного села Шмаровка, нашли-таки Марию Семеновну Труфанову и долго не могли завязать разговор: она заметно волновалась, впервые встретившись с журналистами, которых заинтересовала ее судьба. Мария Семеновна то и дело удивлялась нашему визиту: «Неужели стоило из-за этого в такую даль ехать?» А потом призналась: «А ведь, как от вас письмо получила, ночь не спала. Сразу все вспомнилось, стало перед глазами...»

В Шмаровке, наверное, долго еще удивлялись все жители проявившемуся вдруг интересу к невысокой худенькой женщине, которая никогда особо не рассказывала о своем участии в войне, более того, не считала себя героиней. «А что тут особенного, воевали как все... сделали что смогли».

Полыхнула за околицей зарница, забарабанили по стеклу крупные дождевые капли. Мария Семеновна успокоилась и начала рассказывать: повела нас в свою прожитую жизнь, к своим истокам.

Отец и мать работали в колхозе, растили пятерых детей. Маше, как старшей, рано пришлось стать помощницей по хозяйству, можно сказать, малыши росли у нее на руках. Но она успевала все делать, росла трудолюбивой и веселой. Одной из первых вступила в комсомол. Работала затем в избе-читальне, заместителем председателя сельпо по заготовкам сельхозпродуктов у населения.

А потом всю звонкую, радостную юность подмяла под себя война. Отец собрался в первый же день. Через несколько недель в селе остались только женщины и дети.

Как пережили первую военную зиму, сейчас и не вспомнить. Тяжко было — сил нет. А тут еще похоронки... Новый год не принес особой радости.

Из воспоминаний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

«В отношении наших планов на весну и начало лета 1942 года И. В. Сталин полагал, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной, но наряду с ней провести ряд частных наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на Льговско-Курском и Смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска...

На совещании, которое состоялось в ГКО в конце марта... Б. М. Шапошников сделал очень обстоятельный доклад, который в основном соответствовал прогнозам И. В. Сталина. Но, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, на ближайшее время Б. М. Шапошников предложил ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом 1942 года могут разыграться главные события...

Слово взял С. К. Тимошенко. Доложив обстановку на Юго-Западном направлении, он сказал:

— Войска этого направления сейчас в состоянии и безусловно должны нанести немцам на Юго-Западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные действия против Южного и Юго-Западного фронтов, в противном случае повторится то, что было в начале войны. Что касается перехода в наступление на Западном направлении, я поддерживаю Жукова. Это будет сковывать силы противника.

Я еще раз доложил свое несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций. Борис Михайлович Шапошников, который, насколько мне известно, тоже не был сторонником частных наступательных операций, на этот раз, к сожалению, промолчал. Совещание закончилось указанием Верховного подготовить и провести в ближайшее время частные операции в Крыму, на Харьковском направлении и в других районах.

События мая и июня показали просчеты Ставки. 8 мая противник, сосредоточив против Крымского фронта свою ударную группировку и введя в дело многочисленную авиацию, прорвал оборону. Наши войска, оказавшись в тяжелом положении, были вынуждены оставить Керчь».

Затем был оставлен Севастополь. В июне продолжались кровопролитные бои на всем Юго-Западном направлении. С большими потерями наши войска отходили за реку Оскол.

Из воспоминаний Маршала Советского Союза А. М. Василевского:

«К исходу 2 июля обстановка на Воронежском направлении резко ухудшилась. Оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов оказалась прорванной на глубину до 80 километров. Резервы фронтов, имевшиеся на этом направлении, были втянуты в бой. Создалась явная угроза прорыва ударной группировки противника к Дону и захвата им Воронежа...»

Именно в этот момент Верховный Главнокомандующий издал известный приказ № 227, которым вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались «отступательные» настроения. В приказе говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование «Ни шагу назад!».

Именно в эти дни приняла решение пойти на фронт Маша Труфанова.

— Девчонки, гляди-ка, что делается, — размышляла как-то вечером Маша в кругу подруг, — немец и впрямь до нас доберется, если будем сидеть сложа руки.

— Но мы-то что можем? — удивилась одна приятельница. — Его ведь голыми руками не одолеть.

— Научимся и стрелять, и раны перевязывать, — все более уверенно говорила Маша. — Главное, без дела не сидеть.

А рано утром из Шмаровки три девушки пошли в райцентр — 18 километров туда, а потом обратно. Матери Маша сказала, что ходила в райпотребсоюз. И только на третий день призналась: прошла в военкомате комиссию, уезжаю в армию.

В Ливнах, на Орловщине, впервые увидели следы войны — разрушенные здания, горестные лица жителей.

Около 120 девчат учились на курсах связистов. Маше непросто давалась теория, зато на практических занятиях она всегда получала отличные оценки.

После учебы, уже в Ельце, их определили в 160-й запасной полк. В один из дней устроили смотр. Несколько офицеров внимательно приглядывались к девушкам-связистам, о чем-то тихо между собой переговаривались.

— Чего они? — спросила Маша соседку.

Та, маленькая, курносая, в видавшей виды гимнастерке, как-то грустно улыбнулась:

— В разведку отбирают. Да вы, девчата, не суетитесь, все равно не попадете, — и выразительно показала на стриженую голову Маши. — Без кос фрицы вмиг разоблачат.

Девушки плотнее окружили новенькую, судя по всему, успевшую хлебнуть лиха. Маша вдруг спросила:

— Как звать-то?

— Таисия, — улыбнулась девушка. — Зиборова.

Они подружились.

Таисия действительно успела многое повидать. В свои 19 лет уже трижды была ранена, воевала в партизанском отряде. Но об этом рассказывала неохотно. Больше — о родном селе Фашевка, что в Ворошиловградской области, о брате, который воевал где-то рядом. «Вот бы встретиться с ним сейчас, — рассуждала вслух, — представляете, как бы он удивился и обрадовался».

Уже давно отобрали в разведку девчат из запасного полка. Для желающих открылись курсы медсестер. Кто-то из штабных

офицеров то и дело предлагал осваивать «смежные специальности», пока есть возможность.

— Учиться надо, на войне все пригодится, — наставляла и Таисия. Она единственная была со средним образованием, и ее слушались безоговорочно, не как командира, а как более опытного, понюхавшего пороху товарища.

Однажды она остановилась около небольшой пушки и лукаво спросила хозяина орудия:

— Товарищ лейтенант, а с этой штукой можно научиться обращаться?

— Пожалуйста, — ответил лейтенант и отдал соответствующее распоряжение. Вряд ли думал он, что это увлечение артиллерией «любопытства ради» закончится тем, что пять молоденьких девчонок сплотятся в единый расчет, который, когда создастся критическая ситуация на фронте, будет биться наравне с мужчинами и не пропустит через свои позиции танки с крестами на броне.

2. ЗИМОЙ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Прорыв врага на Воронежском направлении летом 1942 года осложнил стратегическую обстановку. Положение было весьма сложным. Как удалось его преодолеть? Обратимся вновь к воспоминаниям Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

«Важнейшими предпосылками разгрома немецких войск в операциях «Уран», «Малый Сатурн», «Кольцо» явились умелая организация оперативно-тактической внезапности, правильный выбор направления главных ударов, точное определение слабых мест в обороне врага. Огромную роль сыграл правильный расчет необходимых сил и средств для быстрого прорыва тактической обороны, активное развитие оперативного прорыва с целью завершения окружения главной группировки вражеских войск...

После разгрома вражеских войск в районе Дона и Волги была успешно проведена Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская операции».

Выдающийся советский полководец, как видим, отдает должное двум наступательным операциям, проведенным в начале сорок третьего года. Еще шла Сталинградская битва, а под Воронежем был нанесен ощутимый урон фашистам. Более того, враг вынужден был в какой-то мере ослабить давление на Сталинградском направлении.

Вот мы и подошли вплотную к событиям, в которых принимал участие женский орудийный расчет. Но вначале еще одна выдержка из документа, опубликованного в книге о боевом пути 13-й армии «В пламени сражений»:

«По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования на Воронежско-Касторненскую операцию две смежные армии Брянского и Воронежского фронтов должны были нанести удар от Тербунов на Касторное и отрезать пути отхода гитлеровцев от Воронежа. Одновременно намечалось нанести удар на Касторное с юга силами 40-й армии Воронежского фронта, чтобы окружить главные силы 2-й полевой армии.

Видная роль в этой операции отводилась 13-й армии, которая вместе с 38-й армией Воронежского фронта должна была нанести удар на Касторное с севера.

26 января в 8 часов утра грозные «катюши» мощными залпами возвестили о начале прорыва на Касторное с севера, в полосе 13-й армии.

Скоро, однако, выяснилось, что артиллерийская подготовка атаки оказалась недостаточно эффективной. Особенно это ощутили воины правофланговой 148-й стрелковой дивизии. Неподавленные огневые средства противника обрушились на атакующих».

— Сорокапятка — орудие, по артиллерийским понятиям, легкое. А все же вес имеет порядочный — несколько сотен килограммов. Да еще ящики со снарядами — по двадцать-тридцать килограммов. Для девчат — вес! Но ничего, штаб охранять будете, — улыбнулся на прощание наставник-артиллерист, — так что таскать не придется.

— А если и придется, что, думаете, не выдюжим? — с вызовом спросила Таисия Зиборова и засмеялась.

На следующий день командиром их орудия был назначен опытный артиллерист с Орловщины старший сержант И. Ф. Воеводин, расчет вошел в состав 226-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона.

Вот как вспоминает по моей просьбе встречу с девушками полковник в отставке, бывший командир 3-го дивизиона 326-го артполка 148-й Черниговской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии А. Н. Дмитренко:

«Никому не нужно доказывать, как героически бились с врагом в годы Великой Отечественной войны женщины, которым было суждено надеть солдатские шинели. Они были снайперами, летчицами, зенитчицами, связистами, медиками. И все же женщина в полевой артиллерии — явление исключительное. Поэтому я был удивлен, узнав однажды, что в соседнем артиллерийском дивизионе есть целиком прислуга из девушек. Это был 226-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Мне неоднократно приходилось принимать участие в боях с танками врага, я знал, что это такое. Здесь действовал железный закон «кто кого»: либо орудие уничтожит стальное чудовище, либо танк огнем и гусеницами уничтожит орудие. Тех, кто в танке, защищает броня. Артиллеристов от осколков, кроме орудийного щита, ничто не защищает.

Услышав о девушках, которые обслуживают противотанковое орудие, я не мог не подумать о них.

...Было это на Брянском фронте. Я тогда командовал 3-м дивизионом, а 226-й дивизион возглавлял бывший мой заместитель капитан Никифоров (погиб в начале июля 1943 года около села Протасова Малоархангельского района Орловской области. — **Авт.**). По службе мы с ним часто встречались. Однажды осенью 1942 года он предложил побывать в одной из батарей, что стояла на танкоопасном направлении.

Около одного из орудий мы задержались дольше, нежели у других. Этим расчетом командовал старший сержант Воеводин, а в составе расчета были одни девчата. Те самые, о которых я слышал. Здесь все было в образцовом порядке. Девушки были подтянуты, аккуратны, мне они все показались красивыми. Командир орудия доложил, что в расчете все девушки могут заменить наводчика и даже любого орудийного номера. Меня это взволно-

вало до глубины души. «Эх, дорогие девушки, какую же профессию вы себе избрали!» — подумал я с болью в сердце. Разговорились, поинтересовался, откуда они.

— Я выросла в Донбассе, — усмехнулась наводчица орудия сержант Таисия Зиборова.

— Я из Ленинграда, — ответила Зинаида Емельянова.

Выяснилось, что их подруги Мария Труфанова, Аня Ноздрина и Елизавета Бортникова с Тамбовщины, все добровольцы.

Девушки держались около орудия спокойно, уверенно, и я подумал: если все же им доведется вести бой с танками, то враг недосчитается многих машин. Так оно и случилось через несколько месяцев.

В конце января 1943 года 148-я стрелковая дивизия в составе 13-й армии принимала участие в Воронежско-Касторненской операции. Чтобы остановить внезапный и стремительный натиск наших войск, враг начал вводить в бой резервы».

25 января 1943 года расчет принял свой первый бой, который длился без передышки три дня.

Сорокапятка двигалась вместе с наступающими, поддерживая их огнем. В случае неудачи атаки — откатывалась, а потом вновь — вперед. По глубокому снегу, в тридцатиградусный мороз. На хрупких девичьих плечах.

В очередной раз залег второй батальон.

«Огоньку, братцы!» — прокричал кто-то артиллеристам. И тогда треснул, разлетевшись фонтанчиками, прошитый пулями снег.

— Осколочный! — резкий крик Таисии вывел девушек из оцепенения.

Зина бросилась к ящику, схватила снаряд и, проваливаясь в снегу, передала его Труфановой.

Вражеский пулемет поперхнулся и замолк. Пехота поднялась, но на ее пути возникла новая огневая точка противника.

Теперь уже девушки действовали более слаженно. Вторым снарядом разнесли и эту преграду. Воеводин то и дело подбадривал: «Молодцы, дочки, не суетитесь, так, спокойней...» Он годился им в отцы и, конечно же, в душе очень переживал за них, старался действовать наверняка, чтобы не дать врагу шанса первым послать огненную смерть.

Наконец-то на несколько часов смолк грохот орудий, тяжелая усталость разом легла на плечи, все помыслы были только об одном — выспаться. Маша достала из кармана обломок зеркала и вскрикнула, испугавшись собственного отражения: «Ой, девочки, какая я рябая!» А присмотревшись, успокоилась: «Да это грязь налипла...»

Перепаханный снег был серый, с землей пополам. Хотелось пить, и не было возможности найти хотя бы крохотный белоснежный островок. Так и заснули, не дождавшись горячей пищи, не утолив жажды. Не почувствовав обжигающего холода январского мороза.

А после короткого отдыха увидели танки: огромные, страшные. Маленькая пушка, которую в шутку прозвали «смерть врагу, конец расчету», показалась в этот момент игрушечной. Но Зиборова вдруг с каким-то неестественным азартом припала к панораме, вцепилась взглядом в «тигр». Он полз прямо на орудие, рассчитывая, видимо, подмять его под себя, чтобы не расходовать боеприпасы.

— Бронебойный! — Голос командира сорвался, потонул в грохоте мотора. Он побледнел: «Только бы не промахнуться, иначе...»

Снаряд влепился прямо в цель. «Тигр» вспыхнул.

На пятый день боев расчет оставил в снегах еще один танк. «Наловчились твои девчата», — с уважением сказал Воеводину командир соседнего орудия.

Девчата и впрямь стали действовать слаженнее, дружнее. Порой до 50 метров на прямую наводку выкатывали орудие. Подсобят пехоте — и на новую позицию.

На девятый день дивизион уже был в селе Ярище, под Колпнами. Здесь Зиборова узнала, что совсем рядом воюет ее брат. Обрадовалась, крикнула весело: «После боя отпрошусь у Бати на часок!»

В полдень ее не стало. Осколок вошел в спину, застрял рядом с сердцем. Таисия откинулась навзничь, прямо на руки Маше.

Подбежали санитары, подхватили уже бездыханное тело Зиборовой. Маша даже не заметила, как унесли с поля боя и Воеводина. Она плохо соображала в этот момент. Очнулась от плача подруг. И неожиданно для себя окаменевшим голосом приказала:

— Бронебойный!

Только после изнурительного боя, когда рано утром 3 февраля в трехстах метрах от орудия застыл еще один «тигр», Маша оставила место наводчика и зарыдала беззвучно, с надрывом. Даже не сразу поняла, что ранена в ноги, правда, легко.

Фашисты не давали передышки. Трескалась на морозе от частого прикосновения к металлу кожа рук. Не успевали перекусить, о горячей пище давно уже забыли. Враг дрогнул, и теперь его предстояло преследовать не останавливаясь.

Свой второй танк Маша подбила перед Колпнами. Заканчивался десятый день боевой биографии женского орудийного расчета. В Колпнах Маше запомнилось здание на высоком месте, а рядом — виселица, на ней повешены несколько человек, даже ребенок. Местные жители пояснили: казненные помогали партизанам. Невдалеке каменный колодец, возле которого трупы четырех советских солдат с вырезанными на груди звездами.

И снова — бой. В первых рядах наступающих. Рукопашная. Орудийная перестрелка. Контратака. Минометный обстрел...

Секанули по рукам осколки. Боль терпеть можно, мороз — вместо наркоза. Да и некогда перевязываться. В двухстах метрах подняла голову вражеская пехота.

— Осколочный! Ну что же вы медлите...

Обернулась. Лиза Бортникова лежит вся в крови. А в руках снаряд. Из-за грохота орудий не услышала, как завизжала с неба мина. Шлепнулась рядом. Взорвалась.

...Шел двенадцатый день боев. Из женского орудийного расчета в строю оставались двое: Аня Ноздрина и Зина Емельянова.

3. И СОРОК С ЛИШНИМ ЛЕТ СПУСТЯ

Снег осел, умялся под ногами сотен людей, но еще был достаточно глубок, мешал продвижению артиллерии. Солдаты все же толкали, тащили орудия вслед за наступающими, понимая, как трудно пехоте без их поддержки.

Лишь одна пушка застыла на пригорке, и некому было подхватить ее, увлечь вперед, некому было подать привычную команду: «По танкам бронебойным!..»

Маша Труфанова очнулась только в госпитале. Пришла в сознание и тут же спросила: «А где Бортникова Лиза?»

После операции ее отправили в тыл. Тула, Горький. Новые операции. В сорок четвертом ей вручили медаль «За отвагу», прислали в госпиталь копию приказа о награждении орденом Красной Звезды.

До 1950 года выходили из ее тела через нарывы осколки. Курорты, разнообразные лечения помогали, но не очень. На ноги Машу поставили уже в Москве. И все же ранения сделали свое дело — она осталась инвалидом второй группы.

Вернулась домой, в родное село Шмаровку. Вступила в партию, продолжала работать заместителем председателя сельпо, пока хватало сил...

Мария Семеновна Труфанова, как я понял, все эти годы даже стеснялась говорить о своем участии в Великой Отечественной войне. Ведь были, что греха таить, и такие, кто хмыкал: да где ж это видано, чтобы человек две недели всего провоевал и домой вернулся.

Таким хочется ответить: да, война длилась 1418 дней и ночей, но если кто и прошел ее всю, от начала до конца без единой царапины, то это просто чудо. А если по статистике, то никого из солдат, постоянно находившихся на передовой, попеременно обороняющихся и наступающих, не миновала пуля или осколок. Только одни навсегда оставались в земле, а другим повезло — выжили, вернулись домой. Выполнив свой долг до конца.

За двенадцать дней боев женский орудийный расчет подбил четыре фашистских танка, уничтожил несколько пулеметных точек противника, десятки вражеских солдат. За двенадцать дней. Из сорокапятки.

Свой подвиг девушки совершили на орловской земле, начав боевые действия в Воронежско-Касторненской операции. Операции, которая, несмотря на «частный характер», сыграла заметную роль перед началом Орловско-Курской битвы.

Вот как характеризуется этот период в книге о боевом пути 13-й армии «В пламени сражений»:

«Она (Касторненская наступательная операция) характеризовалась высоким темпом (20—25 км в сутки), большой концентрацией сил на участке прорыва, отсутствием пауз и сложным маневром значительной части сил армии в новом оперативном направлении...

21 марта по приказу командующего фронтом 13-я армия перешла к обороне образовавшегося северного фаса Курской дуги».

Единственный раз Мария Семеновна Труфанова была на встрече ветеранов 148-й стрелковой дивизии в 1968 году в Воронеже. Там же передала в областной краеведческий музей свой комсомольский билет, залитый кровью. И ни разу не побывала в тех местах, где потеряла своих боевых подруг. Сначала раны не давали, потом захлестнули повседневные дела и заботы. А теперь вот, после нашей встречи, Мария Семеновна загорелась желанием приехать на колпнянскую землю и, если память поможет, найти те места, где крушил врага женский орудийный расчет.

В начале поиска приходилось сталкиваться с несоответствием тех или иных фактов. И это естественно. Как пишет бывший комсорг одного из полков 148-й стрелковой дивизии Б. Л. Вениг, «в то время шли такие напряженные бои, что немудрено было запамятовать фамилии девушек. Но о них знали. Весть о гибели героического комсомольского расчета облетела все части дивизии».

Только спустя много лет, воссоздавая страницы истории, Б. Л. Вениг вспомнил о подвиге девушек, назвал их имена. Он-то и подсказал, что не все девушки погибли, что осталась в живых Мария Семеновна Труфанова.

Поиск затрудняли и неточности в архивных данных. Например, говорилось, что четыре девушки были из Тамбовской области, но места их жительства до призыва в армию записаны, видимо, «на слух», поэтому появились искажения названий районов и деревень. Ветераны 148-й стрелковой дивизии, к которым мы обращались с просьбой рассказать о девушках-артиллеристах, практически ничем не помогли, да это и понятно — слишком короткой оказалась биография женского расчета.

Но вот наконец появилась первая ниточка. Тамбовский облвоенкомат сообщил, что «по архивным данным Мичуринского ОГРК Тамбовской области значится, что Емельянова Зинаида Васильевна, год рождения не указан, погибла 21 сентября 1943 года, похоронена в д. В. Муравейка Куликовского района Черниговской области. Извещение поступило из 199-го отдельного медико-санитарного батальона. Бортникова Елизавета Андреевна, год рождения не указан, умерла 6 марта 1943 года, место захоронения не указано, сообщение поступило из госпиталя № 1828. Извещений и данных о гибели на Труфанову М. С. и Ноздрину А. Н. не имеется».

Затем прислал письмо генерал-майор запаса Н. В. Лапшин, бывший в феврале 1943 года начальником штаба 226-го ОИПТД. Он подтвердил факт участия девушек в боях под Колпнами, пересказал уже известные нам эпизоды гибели Зиборовой, Бортниковой, Воеводина, но ничего не добавил к вопросу о дальнейшей судьбе оставшихся в живых, о месте захоронения павших.

В конце июня 1985 года я получил почтовую открытку из Чернигова, от руководителя клуба «Поиск», созданного при облвоенкомате, В. Д. Драгунова. Вот его ответ:

«Да, действительно Зинаида Васильевна Емельянова, 1923 г. р., уроженка села Голубок из Тамбовской области, умерла 21 сентября 1943 года и похоронена в селе Вершинова Муравейка Куликовского района. Умерла она в 199-м отдельном медико-санитарном батальоне (148 сд)».

В начале нашего повествования мы подчеркнули, что поиск документов и материалов о девушках из легендарного расчета еще не окончен. Есть предположение, что осталась в живых и Аня Ноздрина. Появились адреса родственников девушек. Одним словом, предстоит запастись терпением. И верой в то, что недалек тот день, когда этот подвиг займет свое достойное место в музейных экспозициях, на родине артиллеристок, и там, где проливали они кровь.

Угасает вечер. Завтра утром мы расстанемся, уедем из гостеприимной Шмаровки. В домике Марии Семеновны идет ремонт. Она молчит, но мы догадываемся, что краской здесь запахло накануне нашего приезда. «Колхоз помогает ремонтировать, — пе-

рехватывает мой взгляд Мария Семеновна, — одной-то мне не под силу».

Это хорошо, что не забыли об одинокой женщине, искалеченной войной. Только не поздно ли спохватываемся мы, совестясь за свою душевную близорукость, забывая о своем сыновнем долге перед теми, кто дал нам право жить, свободно дышать?

Мы думаем о будущем, о завтрашнем дне. И это естественно. Но давайте остановимся на минутку, задумаемся. Нет, даже не о 20 миллионах погибших и тех, кто все же вернулся, а об одном, конкретном, который рядом.

И это касается не только Марии Семеновны, жизнь которой почему-то не возбудила у нынешнего поколения, рядом живущих вполне естественного любопытства, заинтересованности. Мне, к сожалению, очень часто приходится сталкиваться с пассивным отношением к памяти. Живет себе ветеран, вроде бы все у него есть, всем доволен. Только вот беда — не научился он красиво говорить, не привык хвастать, да порой и мало что помнит, попав в кошмарную переделку. Или того хуже — не успел даже награды получить, и такое бывало. А следопыты не поинтересуются, не остановятся, пройдут мимо. Не мы ли, взрослые, приучили их к стереотипному восприятию подвига: подавай героя, чтоб вся грудь в орденах да рассказчик был мастак? Не потому ли только спустя сорок с лишним лет, потратив массу усилий, мы находим людей, чья фронтовая биография (даже длиною в 12 дней) заслуживает самой признательной благодарности потомков? И особенно — душевного внимания.

К чему все это говорится? К тому, чтобы не забыли и не утратили мы самого главного человеческого качества, которое никак не могли понять и постичь наши недруги, — сопричастности. К чужому горю и беде. Как к своей. Чтобы не оторваться от корней своей памяти.

И еще о нашем отношении к памяти. 5 февраля 1985 года мы посылали запрос в Шмаровский сельсовет с такой припиской: «...возможно, кто-то из девушек остался жив и есть возможность отыскать их родственников. Сообщите нам, пожалуйста, об имеющихся у вас сведениях по этому вопросу». Но ответа так и не получили. Хотя Мария Семеновна Труфанова живет в двух минутах ходьбы от правления колхоза и о ее существовании известно всем. А если бы Б. Л. Вениг не подсказал нам адрес Марии Семеновны, то что же — на неопределенное время задержалась бы наша встреча, если бы она вообще состоялась?

Как назвать такое отношение к памяти? Чем оправдать бездушие сельсовета, его председателя Л. А. Алимовой?

...Грустное прощание. Не переставая идет дождь. По раскисшей жирной дороге мы уезжаем на тракторе до ближайшей автостанции, минуя границу двух областей — Тамбовской и Липецкой. Уезжаем в завтрашний день, унося в сердцах светлый образ женщины, чья жизнь — истинный подвиг, заставляющий глубоко задуматься о предназначении человека на земле.

«На земле все проходит, только звезды извечны и песни о героях, ибо, погибая, герои оставляют потомкам жажду подвига» — так говорится в старинном сказании. И это в равной степени относится к девушкам из бессмертного артиллерийского расчета.

●

ИСКУССТВО

Анатолий ДОРОНИН
Аркадий ЛИСЕНКОВ

ЧТО ПРОКУ ОТ «РОКА»

ОБ ЭСТЕТИКЕ МОЛОДЕЖНОЙ МУЗЫКИ

Публикуя статью критиков Анатолия Доронина и Аркадия Лисенкова «Что проку от «рока», журнал «Молодая гвардия» продолжает разговор о проблемах, поднятых в выступлении писателя Василия Белова «О жанровой и другой новизне» (№ 10, 1985 г.).

Авторы статьи раскрывают суть рок-музыки, помогают читателю различить подлинные и мнимые ценности в музыкальном искусстве, в котором подчас новизна подменяется «модой», копирующей расхожие образцы буржуазной «массовой культуры», что порождает нетребовательность к репертуару молодежных эстрадных ансамблей.

Как-то в метро мы оказались свидетелями одной сцены. Юноша, едва войдя в вагон и прижавшись спиной к противоположным дверям, включил на полную громкость магнитофон. Мирную тишину оглушила душераздирающая музыка. Некоторые пассажиры безуспешно пытались сделать ему замечание. Наконец один мужчина решительно встал и, подойдя к

нарушителю спокойствия, потребовал от него выключить магнитофон. Вынужденный подчиниться силе, юноша стал высказывать явную обиду, бросая реплики типа: «Нервный какой-то попался... музыка ему не нравится». И неожиданно обрел сторонников.

Трое ребят чуть постарше его, одетые в одинаковые куртки и все как на подбор в шапках-чулках с вездесущим клеймом «adidas», решительно подали голоса:

— Это же «Кисс», фирма́.

— Дали бы послушать. Вот ло́хи.

В ответ посыпались обвинения в бескультурье. Разгорелся некрасивый спор.

Весь этот букет фактов — сама музыка с беспардонным навязыванием ее окружающим, безвкусная унифицированная одежда молодых людей и столь же одноликое их мировосприятие — все это нельзя, к сожалению, назвать просто бескультурьем. Это проявление культуры, «массовой культуры» Запада, которая, увы, проникает в быт и сознание части нашей молодежи.

Наиболее беспардонное действие этой «культуры» проявляется через поп-музыку как самую мобильную и эффективную форму воздействия на чувства и сознание людей, не имеющих еще достаточного жизненного опыта.

Эту часть молодежи, в избытке располагающую сейчас звукозаписывающей и воспроизводящей аппаратурой, прельщает доступность предлагаемой культурной программы. Нажал кнопку — и ты уже приобщен к искусству. Просто. Никаких интеллектуальных напряжений, а при случае можно козырнуть и своей просвещенностью. Но «прекрасное — трудно», говорил Платон. Природа не прощает человеку легкомыслия. Бездумное общение с музыкой далеко не безопасно. Ведь известно, что она может пробуждать любые чувства: радость, печаль, мужество, ярость, воинский пыл. Но музыка способна и изменить психику человека.

В наши дни ученые признают наличие на Земле двух антиподов — звукосферы и шумосферы. И если человеческий организм, каждая его клетка гармонично развиваются в звукосфере — под шум морского прибоя, шелест деревьев, пение птиц, то те же клетки активно разрушаются под воздействием искусственных шумов. Ритмы же, наполняющие современные молодежные дискотеки, нередко имеют запредельный для человеческого восприятия уровень шума.

Если бы человек лишь раз подвергся шумовому натиску, а потом восстановил душевное (психическое) равновесие, не было бы в том особой беды. Но регулярный звуковой допинг постепенно подминает под себя потребителя этой музыки, становится ему жизненно необходимым, то есть превращается в своеобразный звуковой наркотик. Разрушающее его воздействие на сознание молодежи уже зримо проявляется. Юноши приобретают звуковую аппаратуру с мощными усилителями, под стать тем, что оглушают залы дискотек, и включают их на полную громкость в жилых домах, иначе, очевидно, не воспринимая «музыку». Другие не разлучаются с магнитофоном в общественных местах, нисколько не заботясь о том, беспокоит ли это окружающих. Есть и новая разновидность звуковых наркоманов, взявших на вооружение наушники и как бы вовсе отгородившихся ритмами от всего внешнего мира.

Нам кажется, явление это и есть одна из тех современных болевых точек общества, на которые указал в своем письме в редакцию журнала «Молодая гвардия» писатель Василий Белов, говоря «о жанровой и другой новизне». Мы привыкли многое оправдывать модой. А так ли безобидна бывает эта мода, если диктуемые ею увлечения и потребности постепенно определяют облик человека? По-видимому, не случайно вещи лучше всяких слов говорят о духовном содержании их владельцев. И коль скоро юноши отваживаются бросать вызов окружающим, врываясь ревом своих магнитофонов в их мирную среду, отдавая дань вполне определенной «культуре», давайте же пристальнее посмотрим, какие горизонты открывает нам эта «культура».

В канун нового, 1986 года нью-йоркский концертный зал «Мэдисон сквер-гарден» был оцеплен полицейскими кордонами. Под истошный вой сирен к нему мчались полицейские машины, кареты «Скорой помощи». А в самом зале и на мостовой корчились в лужах крови около десятка раненых. Двоих из них доставили в больницу в критическом состоянии.

Все началось с концерта рок-музыки, состоявшегося в «Мэдисон сквер-гарден». В нем приняли участие группы и отдельные исполнители, работающие в новомодном стиле, характеризующемся отсутствием сколь-нибудь стройной мелодии, давящими на психику шумовыми и световыми эффектами и полной отрешенностью от реальной действительности. По свидетельству агентства ЮПИ, после концерта доведенные до исступления юнцы учинили подлинное побоище. Один человек был ранен выстрелом из пистолета, семеро — ударами ножей. Затем разбушевавшаяся толпа, в которой насчитывалось до пяти тысяч человек, повалила к площади Таймс-сквер, к кинотеатру, в котором шел фильм с участием тех же рок-звезд, что выступали в «Мэдисон сквер-гарден». По пути хулиганы избивали и грабили прохожих, бросали в них камнями и бутылками. Полиции пришлось вызывать подкрепление...

Только за прошедший год подобные побоища происходили в Нью-Йорке трижды. Взволнованные жители города задаются вопросом: в чем причина этих вспышек насилия?

Винить, однако, они могут лишь самих себя. Американское общество десятилетиями воспитывает молодежь в духе приверженности культу силы и вседозволенности. Насилие все больше и больше воспевают и нынешние звезды рок-музыки. По свидетельству профессора Иллинойского университета Л. Эрона, наиболее серьезные преступления совершают в США люди, воспитанные как раз на такой «культуре».

«Массовая культура» создала мощный механизм адаптации любого творческого начинания, приспособления его к потребностям буржуазного общества и рынков... Все течения рок-музыки, при всех их видимых различиях, объединяют далеко идущие цели, которые в своем существе не расходились и не расходятся с основными положениями буржуазных идеологических доктрин. Исходя из футурологических моделей общества потребления и общества развлечения, рок проводит идеалы вещизма и чувственных наслаждений. Не просто есть, а обжираться, не просто обставляться вещами, а потерять голову в погоне за автомобилями, виллами, модной одеждой. «Не просто развлекаться, а только развлекаться — такова агрессивная природа использования развле-

кательной функции (рок-музыки) по отношению к эстетической и нравственной культуре личности», — говорит советский музыковед И. Набок.

Наиболее значимый канал идеологического воздействия рок-музыки проходит через сферу эстетического сознания, эстетической культуры. Паразитируя на авторитете искусства, эксплуатируя его возросшие выразительные возможности, буржуазная идеология извращает эстетическую культуру личности и общества в целом.

Это стало совершенно очевидным в середине 70-х годов, когда музыкальный бизнес запустил с молотка шоу-аукциона движение панка. Появились эти «отбросы», как трактуется само слово «панк», из недр того же центра музыкального мира, законодателя мод — Тин-Пэн-Элли *, против которого так яростно «сражалась» рок-музыка 60-х. Волна «нового вызова» была крайне необходима буржуазному обществу, которое якобы отвергали представители панка. Возмутители спокойствия потребовались не только для того, чтобы потешать и служить острой приправой к ставшей пресноватой поп-музыкальной халтуре. В панке музыкальный бизнес попытался единым махом расправиться со всей художественной культурой и ее традициями, моральными и нравственными принципами в искусстве и образе жизни, скрепив идейную общность «элитарного» искусства и «массовой» рок-музыки. Видимые антиподы — авангардизм, предназначенный для элиты общества, избранных «интеллектуалов», и рок-музыка, сориентированная на юные поколения, массовую аудиторию, — эти два, казалось бы, противоположных направления легко ужились под крышей поп-музыкальной сверхдержавы. Альянс был не случаен.

Ярый сторонник музыкального авангарда, американский эстетик Г. Шуеллер выразил однажды убеждение в том, что современная музыка должна идти в ногу с прогрессом, выражать научные, технические и индустриальные достижения текущего времени, в стилевом отношении постоянно соответствовать духу эпохи. Для осуществления этих целей, считает Шуеллер, нужны новые звуковые **средства из внемузыкального мира**. К таким средствам он относит произведения современных сочинителей, экстремистски настроенных к музыкальной классике, и композиции, создаваемые с помощью электронных машин. И как следствие, предлагается порвать связь с тем музыкальным опытом, который был приобретен человеком в процессе общения с классической музыкой.

Выдвигаемая «новая эстетика» полностью игнорирует жизненное содержание музыкальных произведений и ставит на повестку дня вопрос о формировании нового типа слушателя, способного наслаждаться звуковой технологией.

Столь же нелепые ценностные ориентации таит в себе и бессодержательная массовая развлекательная музыка. Профессор Индийского университета Чарлз Хоффер полагает, например, что «молодежная музыка по целому ряду причин ее звучания (слишком большая громкость, чересчур долгое невнимательное прослушивание, частая смена музыкальных характеров и т. п.)... наносит вред восприятию и пониманию серьезной музыки, отпуги-

---

* Тин-Пэн-Элли — американский центр поп-музыкальной индустрии.

вая слушателя от внимательного слушания». То есть рок-музыка подавляет способность человека к художественному восприятию, низводит дарованную ему способность к эмоционально-эстетическому переживанию до уровня примитивных рефлекторных реакций, она не обременена никакими смысловыми задачами.

Именно эта общая идейно-эстетическая почва «элитарной» и «массовой» музыки, их нигилизм по отношению к художественному наследию, отказ от правдивого отражения современности, бессодержательность дали возможность року и музыкальному авангардизму объединиться в панк-роке.

«Идейно-художественные» истоки нового течения вели в литературно-художественную богему Нью-Йорка — Гринвич Вилледж.

Патти Смит — «принцесса панк-рока», поэтесса, поклонница «Роллинг стоунз», Боба Дилана, Джимми Хендрикса, Джима Моррисона и стихов Бэрроуза и Рембо — хотела возродить рок в «первозданном естестве», поднять его на щит, создать из него «космический» ключ к мироощущению, миропониманию... Проделать это она пыталась, выступая со своими «литературно-музыкальными роковыми композициями» в манхэттенских клубах... Была создана и «история» панка. Из нафталина вытащили на свет «дедушку панка» Игги Попа (Джеймса Джоэля Остерберга), прославили Патти Смит, ну и, конечно, автора «музыки металлических машин» Лу Рида.

Музыкальной основой панк-рока стал тоскливый вой, словно исходящий из каменных джунглей заброшенных районов промышленных городов-спрутов, характеризующийся чрезвычайно примитивной монотонной последовательностью аккордов и резкими, хриплыми тембрами вокала и инструментовки (искаженными гитарными звуками). Причем резкий звук выдавался за идеал и интерпретировался западными музыковедами как «выражение несдержанности и экстаза» или, по словам одного такого музыковеда, Чарльза Жиллета, «посланием торжества и эгоцентрического наслаждения»...

Рок во всех его формах продолжает оставаться принципиально незавершенным жанром. Да и само понятие «жанр» в данном случае очень условно, поскольку систематическая терминология не введена, и, как считают западные исследователи, «вряд ли похоже, что будет введена». Основная черта рока — его эклектизм. Как никакая другая музыка, рок постоянно использует стереотипы и стилистические черты, доказавшие свой успех, эффектные штампы. Все остальные «поиски» подкрепляются звуковым валом, сминающим слушателя, и световыми, зрелищными эффектами, парализующими его восприятие.

Правда, в 60-е годы рок получил импульс со стороны «ливерпульской четверки» — «Битлз», которые усложнили интонационный и мелодический язык музыки, ввели неквадратные и асимметричные построения. В этот же период рок обратился к инонациональным музыкальным культурам — латиноамериканским, афро-кубинским, восточным, к евро-американским народным традициям, симфонической и джазовой музыке. Однако в силу органической неспособности переработать серьезно музыкальный материал, дать ему глубокое прочтение рок быстро исчерпал внутренние стимулы и начал повторяться.

Недолгим оставалось и новаторство группы «Битлз», что и послужило одной из причин ее распада. Чтобы постоянно расти,

создавать новое, ливерпульской четверке не хватало вкуса, культуры. Свидетельством тому высказывание участника квартета Пола Маккартни: «Я был всегда напуган этим понятием — классическая музыка. Я никогда не хотел слушать ее только потому, что это был Бетховен, Чайковский или такие же великие имена... Однажды у таксиста, который вез меня, на переднем сиденье я увидел какую-то «вещицу» Моцарта и спросил: «Что это?» Он ответил: «О! Это первоклассная чепуха. Она вам не понравится. Слишком умно!» Именно так я всегда и думал: хорошо — это очень умно, вся эта чепуха. Но неужели вы не знаете, что сейчас это не годится для широкой публики. Поп-музыка — вот классика нынешней эпохи».

Не понимая сами подлинного искусства, они несли свою псевдомузыку дальше. И вот насмешливая песня Чака Берри «Обгоним Бетховена» в устах «Битлз» принимает характер манифеста.

Другим ниспровергателем музыкальных традиций стал американский композитор и певец Роберт Циммерман, более известный всему миру под сценическим псевдонимом Боба Дилана. Введя электрифицированный аккомпанемент на Ньюпортском фестивале народной музыки в 1965 году, он произвел фурор и разом уложил народную песню «в прокрустово ложе шлягерных образцов». Продолжатели народных традиций отвернулись от Дилана, а он начал свое восхождение на Олимп фольк-рока.

«Роллинг стоунз» — вторая по значению после «Битлз» рок-группа 60-х — более других перевернула представления о музыкальном творчестве, об искусстве вообще. Члены рок-группы провозглашали, что искусство — это хаос, а хаос — это искусство. Они несли не только и даже не столько отрицание устоявшихся норм буржуазного общества; они отвергали просто человечность, сострадание, братство, любовь. Для одного из ранних альбомов группы их менеджер Эндрю Олдхэм, выражая кредо ансамбля, писал: «...если у тебя нет денег, чтобы купить этот диск, подкарауль слепца, тресни его как следует по голове, стащи его бумажник — и смотри-ка, ты уже и разжился». Символом «Роллинг стоунз» стала ненависть. Однажды на концерте в Алтамонте близ Сан-Франциско во время исполнения песни под названием «Симпатия к дьяволу» на глазах солиста группы Мика Джэггера был зарезан молодой парень... Но шоу должно продолжиться... и правило не было нарушено.

По своей «нравственности», по своему «художественному» канону «Роллинг стоунз» с полным правом могут считаться крестными отцами панк-рока. Недаром группа этой волны — «Нью-Йорк долз» — даже скопировала костюмы и грим «Роллинг стоунз».

...Костюмы и темы были старыми, а вот подавались они по-новому.

...Рок-исполнители сеяли семена ненависти, насилия, бесстыдного разгула; тщательно унавоживали почву, оберегали посевы... И они дали обильный урожай.

Новая вера выродилась в исповедание голого разрушения, насилия, отрицания. А ревностными проповедниками новой веры стали рок-исполнители. Вместо былых оркестров рок-н-ролла замаршировали, задергались, заплясали уродливые тени достопочтимого Джеймса Джоэля Остерберга, Элиса Купера, Дэвида Боу-

ви, ансамблей «Блэк Саббат», «Кисс». Исполнители лезли вон из кожи, опускались в самые глубины порока, проповедуя безнравственность.

Один из кумиров молодежи 70-х, Элис Купер, урожденный Винс Фурньер, любил облачаться на сцене в штаны из золотой парчи и черный кожаный пиджак. Его глаза всегда были зачернены тушью для ресниц и тенями. Во время выступления он хлестал свой оркестр плетью, подгоняя их играть как можно громче и пронзительнее. Ручной удав по кличке Ивонн послушно обвивался и выползал между ног Купера. А в самый разгар концерта на сцену выволакивали мусорный бак со всякими отбросами и с силой швыряли помои в публику, в то время как по залу расползались отвратительные клубы дыма. Представление сопровождалось гулом сражения, — напоследок живых цыплят разрубали прямо на сцене, и эти еще теплые, трепещущие, окровавленные комочки с силой бросались в зал, в то время как Купер собственной персоной «обезглавливался» гильотиной, вынесенной на сцену.

«Покупка» насилием и сексом» — так говорил Купер. Его первые четыре пластинки были выпущены тиражом более миллиона экземпляров, причем в упаковке одного из этих дисков каждый покупатель находил пару трусиков... На плакатах «идол» позировал в качестве удавленника (с петлей на шее).

Купер был не одинок в подобных «представлениях»... За ним шел Дэвид Боуви, интенсивно рекламируемый как «одна из величайших мировых суперзвезд». Внешне он был необычен: оранжевые волосы, шнурованные сапоги на высоких каблуках, наклеенные ресницы, ниспадающий шарф, ярко намазанные щеки и губы...

Соединяя интенсивность звучания со сценическими эффектами, исполнители буквально обрушиваются на аудиторию. Они используют дымы и хлопушки, взрывные устройства, полицейские сирены и мигалки, машины, создающие иллюзию падающего снега, они глотают огонь, раздеваются догола, мажутся гримом до неузнаваемости, всеми средствами стремясь парализовать психику человека, обрушить на него шквал эмоций, которыми он не смог бы управлять, и «включить» его сознание согласно той программе, которую они несут. Вместе с «музыкальной культурой» навязывается культура поведения, культура взаимоотношений, культура одежды, причесок и культура образа мышления...

Рок-исполнители глумятся над человечеством, гарантируют ему «электрические похороны», обещают «мировой катаклизм» — третью мировую войну — и «всеобщее самоистребление», «космический Армагеддон», орут, что «продали душу рок-н-роллу». Они вводят нацистскую символику, облачаются в фашистские мундиры. Они проповедуют бесполость, обыгрывают со всем непотребством тему смерти, и с их «легкой» руки она развилась в упырей, кадавров, вурдалаков, кровососов и прочую нечисть и нежить, подхваченную позже и ставшую символом панк-рока. «Я — антихрист, я — анархист. Я не знаю, чего я хочу, но знаю, как добиться этого, — я буду разрушать», — поет Джонни Роттен, лидер группы «Секс пистолз»... Рок-кумиры несут в массы «культуру» наркотиков, превратив их употребление в своеобразные ритуалы рок-концертов и фестивалей в Монтерей, Вудстокс, Алтамонте. Употребление наркотиков, особенно галлюциногенов, стало по-

истине социальным бедствием западного мира 60-х, прокатилось моровой язвой по США и Западной Европе, именно с этого времени «белая смерть» цепко прихватила когтями юные поколения...

И так везде и во всем в современной рок-музыке. Насаждаемое бесстыдство, культ насилия и дух потребительства, подаваемый через мощные усилители и динамики рок-групп, заполняют, отравляют сознание миллионов подростков, заражают ритмом «крысиных гонок» буржуазной жизни, превращают рок-аудиторию в гомогенезированную, податливую массу, которую заправилам политики и коммерции остается только залить в готовые формы.

Ровно два года назад в журнале «Шпигель» была опубликована статья Ф. Лоренса, в которой автор сокрушался по поводу того, что «советская молодежь может приобщиться к западной культуре только через дискотеки». Он лил крокодиловы слезы и делал вид, будто не знает, как через многочисленные каналы, в том числе и различные радиоголоса, идеологи «массовой культуры» пытаются протолкнуть свою музыкальную коммерцию. Молодежь вовлекают в орбиту идоломании, поклонения западным рок-кумирам и звездам. Рок пытаются объявить жизненной концепцией. Специалисты по «психологической войне» прилагают немалые усилия к тому, чтобы расширить экспорт этой музыкальной продукции. Поэтому, несомненно, более откровенен был некий профессор славянских языков и литератур университета штата Иллинойс Р. Темпест, когда заявил: «Идеологические стены Советского государства, возможно, гораздо легче сокрушить с помощью поп-музыки и пиццерий, чем это могут сделать сионизм и Солженицын» *.

И вот уже наши отечественные сторонники всемерного развития рок-музыки из среды профессионалов — композиторы, руководители и лидеры рок-групп — проявляют завидное единодушие, говорят о большом будущем этого жанра. Например, в предложенной на страницах «Советской культуры» дискуссии «Музыка вокруг нас» они выражают глубокую убежденность в том, что особые свойства рок-музыки — демократизм и умение сплачивать зрителей — как нельзя более соответствуют духу эпохи и что «люди, не принимающие этот жанр... не могут по-настоящему любить и классическую музыку. А может быть, просто перестали ощущать время» **.

Настораживает категоричность тона — «перестали ощущать время». Вам бы, мол, у нас поучиться, а если не понимаете этой музыки, так и вообще выпадаете из эпохи НТР... Получается что-то вроде: кто не с нами, тот против нас.

Правда, кое-кто из сторонников этого жанра держится поскромнее и высказывается конкретнее, как, скажем, руководитель ансамбля «Центр» Василий Шумов в своем интервью журналу «Юность» («Рок-разговор», № 5, 1983 год): «Лично я играю рок-музыку в первую очередь потому, что она легка для исполне-

---

* Кравченко С. Будущее человека: «Общество досуга и развлечений?» — «Молодой коммунист», 1985, № 9.

Пиццерии — кафе с итальянской кухней.

** «Советская культура», Крис Кельми, руководитель ансамбля Московского театра имени Ленинского комсомола, «Не песня, а риторическая команда», 22 октября, 1985.

ния. То есть необязательно иметь специальное образование для того, чтобы быть не то что неплохим, а даже первоклассным рок-музыкантом, — это исторически доказано. Мне нравится демократизм рока...»

О каком же демократизме к месту и не к месту неустанно повторяют сторонники рок-музыки? Демократизм в исполнительстве может быть творческим, реализующим глубинные слои народного музыкального богатства. Но демократизм может быть и мнимым, эксплуатирующим доверительность, интимность интонаций, использующим «эффект присутствия» нынешней технико-электронной музыки, манипулирующим зрелищными эффектами, гипертрофией форм, подменяющим содержание, превращающим акт творчества в развлекательность, в зрелище. В зрелище ради зрелища...

Вспоминается, как в свое время два руководителя нынешних популярных ансамблей «Автограф» и «Рок-ателье» на одном из только зарождавшихся тогда рок-фестивалей продемонстрировали во всем блеске творческую смекалку и реализовали свою «сценическую идею». Номер их назывался «Сатанинские пляски». В темном зале, под едва пробивающиеся тревожные звуки музыки на авансцену выходил монах в клобуке (Крис Кельми), со свечой в руках, садился за орган и играл что-то медленное, тревожно нараставшее, пока не наступала кульминация, и тут «монах» сбрасывал с себя рясу, и под режущие вспышки стробоскопа и синкопированный рок начинал метаться по сцене в кромешной тьме скелет (на исполнителе было надето трико с нанесенным на него люминесцентными красками человеческим скелетом). Зрелище было, ничего не скажешь, впечатляющее. Не совсем только было ясно, что же оно символизировало...

Исполнители современной отечественной рок-музыки часто сетуют на то, что им негде развернуться. Мечтают выступать под открытым небом, в академических залах. Звучит призыв: «Меньше бюрократизма в этом деле...» Надо выносить фестивали на площади, стадионы «с огромной аудиторией и постановочными эффектами. Зрелище и музыка должны объединиться, чтобы в яркой форме выразить содержание. Сама жизнь, сама практика подскажут правильные пути развития столь популярного жанра» *.

Наши доморощенные поклонники этого вида псевдоискусства из кожи лезут вон, чтобы доказать, что рок-музыке принадлежит будущее. Она, мол, призвана объединять, сплачивать, вести. Она и воспитывает, она и пробуждает. У нее богатые возможности и ясные перспективы. А то, что где-то на Западе этот жанр себя исчерпал, или, как говорит тот же Г. Гладков, «там он дошел до тупика», выраженного главным образом в сползании к форме, где «появляются развлекательные шоу», все это не беда. У нас-то, мол, все не так, иначе не смотрели бы оптимистически в будущее композиторы и исполнители...

Но, оказывается, нет у этой музыки четкой идейно-художественной программы, нет и твердо установленных критериев жанра. Более того, вообще неизвестно, жанр это или стиль; нет и единой терминологии. Отсутствует ясное представление о точ-

---

* Гладков Г. ВИА — тупики и перспективы. — «Советская культура», 1985, 29 августа.

ке отсчета даже у самих лидеров музыкальных групп. Для них, по словам руководителя шоу-группы «Интеграл» Б. Алибасова, вопрос «что такое хорошо и что такое плохо» остался открытым» *. «Определить критерии просто необходимо, — вторит ему Стас Намин, — как управлять инструментом, который... развивается хаотично, мало кто себе представляет» **. Зато Г. Гладкову перспективы совершенно ясны: они «только в одном: в своем индивидуальном лице ансамбля, в свежем слове, в музыке, написанной только для данной группы, рожденной только в данном коллективе». Вот, оказывается, где таятся резервы. Странно только, почему это зарубежная рок-музыка зашла в тупик и в свое время разваливались одна за другой так называемые супергруппы: уж чего-чего, а лица и своей музыки «Дип Перпл» или там «Лед Зеппелин» не занимать было.

Вот разве что свежего слова не хватало?

В области разработки звуковых «пластов русского языка» проявили себя пару лет назад ныне достаточно известные молодые композиторы, авторы и исполнители песен, пишущие музыку и песни для телевизионных передач, Ю. Чернавский и В. Матецкий. Сейчас они на положении профессионалов, а тогда трудились самодеятельно. И трудились плодовито, проявляя завидное упорство и настойчивость в освоении темы «экзотического рая» (что-то вроде пресловутой страны Лимонии, где вечно пляшут и поют). В результате они создали музыкально-песенный цикл под названием «Банановые острова». Записали его и тиражировали на компакт-кассетах. В порядке личной инициативы и не прибегая к помощи фирмы «Мелодия». Этот музыкальный опус, получивший ни с того ни с сего поддержку на страницах «Московского комсомольца», помимо своего «богатого» содержания — о чем пойдет речь дальше, — отличался одной характерной особенностью. В нем авторы обратились к тексту, звуковой основе языка и провели эксперимент, как гордо именовался этот демарш, создав целый ряд бессмысленных звукосочетаний типа «тюканы и маканы, маханы, малаханы» или «мальчик-банана́н» или «зебрус-африканус-полоскус-вульгарис». Эта бессмыслица должна была, по-видимому, не только оттенять «содержательность» самих текстов, но и давать представление о фонетическом богатстве русского языка.

«Эксперимент» Чернавского — Матецкого не нов. Любому сведущему в западной рок-музыке человеку достаточно вспомнить бессмысленные, бесконечные «Би-боп-а-лула» или «Бама-лама», «Чопи-чопи-чип-чип», наконец, «блестящее» литлричардовское «Авапбапалубапалуббэмбум». Что почище «тюканов» будет. И постарше лет этак на двадцать пять, пожалуй. Так что калька это все, товарищи экспериментаторы, прямое заимствование западных образцов! И ни о каком «новом слове» говорить здесь не приходится!

Но оставим в покое особые выразительные средства первооткрывателей экзотического рая и присмотримся к содержанию текстов песен из цикла «Банановые острова».

---

* Алибасов Б. Художественный руководитель не предусмотрен. — «Советская культура», 1985, 7 декабря.

** Намин С. Мода и ритмы. — «Советская Россия», 1985, 16 ноября.

Вот так называемый шлягер с очень выразительным названием «Мечта идиота».

Сижу и пью,
И вдруг заходит незнакомый человек,
Его глаза печально смотрят из-за прикрытых век,
И говорит:
«Хотите в рай? Там кормят, поят,
Обувают, одевают и даже раздевают,
И даже развлекают...»
Я говорю: «Да-ва-а-ай!»

А вот и сам хит *, определивший название кассеты «Банановые острова»:

Здесь одни бананы,
Здесь их целый лес,
Здесь одни бананы,
Но их никто не ест...
Не жизнь, а банановый рай.

С легкой руки уже достаточно известных ныне авторов и исполнителей «экзотическая» тема множится и варьируется. Если у Чернавского и Матецкого о «райских кущах» говорилось с некоторым саркастическим оттенком, то их последователи поняли тему буквально; и столько неизбывной, ностальгической тоски слышится в хите «Африка»:

Африка, солнечная Африка.
Африка, ты манишь меня, Африка... —

который распевается многими, даже профессиональными, коллективами. А сколько чувства уж в совсем неведомой «Грин-Гринландии...»!

Ну, что же тут плохого, может спросить читатель? Да то, что это бегство от самого себя, жизни, общества, страны, времени в сладкую-сладкую сказочку. И темы эти тоже старые-престарые... Потребительство, сладкая обжираловка... Иронически нарисовал эту иллюзорную планету — страну Лимонию в одноименном стихотворении советский поэт Анатолий Жигулин:

Страна Лимония — планета,
Где молоко, как воду, пьют,
Где ни тоски, ни грусти нету,
Где вечно пляшут и поют.

Там много птиц и фруктов разных,
В густых садах — прохлада, тень.
Там каждый день бывает праздник.
Получка — тоже каждый день!..

---

* Хит-боевик — песня, спектакль, фильм, книга, имеющие сенсационный успех у публики (Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура. М., 1978).

Размытость, неопределенность художественных критериев рок-музыки порождают нетребовательность к репертуару, к проникновению любых поделок и подделок, как западных, так и наших, к появлению доморощенных коллективов, «талантов»...

Эти «таланты» порою действуют вслепую, наугад, ориентируясь во многих случаях на мнение сверстников, ложную престижность, ухарство, желание побыстрей да понадежней «зарекомендовать» себя в своей среде. Им зачастую не на кого и не на что опираться и приходится плавать в «огромном океане звуков без руля и ветрил, нестись по волнам моды, случайных вкусов и оценок...». А если уж им попадутся в этом океане и «надежные» рулевые, если механизм моды, западных образцов вовремя подаст им горячую тему, если разросшиеся амбиции останутся нереализованными и придет разочарование, от неудачи к неудаче прогрессирующее в глухую, постоянную тоску и неуверенность в своих силах, вот тогда-то, наверное, и появляются в творчестве такие характерные строки из философских «размышлизмов» самодеятельной группы «Гулливер»:

Если б знали мы, куда
Свой путь держать,
Кому молиться, чем дышать.
В сторону какую
Можем повернуть, чтоб с телеги не упасть...
С кем идти, куда смотреть
И каким заняться делом...

Что это: жизненное кредо или эффектная поза?

Проявление стихийного нигилизма или ловкая спекуляция?

Вероятно, всего понемногу. Здесь своеобразное отрицание всех человеческих, социальных задач и жизненных ориентиров. Выступление против норм и правил общежития, нравственных и моральных устоев.

Подобные мотивы — не новость. В своей книге «Музыка и борьба идей в современном мире» советский музыковед П. С. Гуревич приводит следующее характерное высказывание обозревателя журнала «Спектейтор» Марка Кайдла по поводу мотивов панк-рока: «...представители движения панк-рока были полны ярости... и в безысходности лаяли на потерявший надежды мир». Опять получается калька? Да, опять. Только уже на идейной подкладке. Проблемы этического резонанса профессиональной и самодеятельной рок-музыки вторгаются в область социально значимую: в мир идей, образ мышления и поведения молодежи.

Точно так же и тема любви, дружбы, привязанности обретает в творчестве самодеятельных «дарований» «новое» звучание. Рок-группа «Здоровье» передает боль разлуки с любимой следующим образом:

И слышит те же он слова, что прежде слышал я,
И в том, что даришь ты ему, частичка есть моя.
Среди тепла метет метель, и ревность сжала грудь.
Ты не делила б с ним постель, коль был он просто друг.

Вот так откровенно и без затей! Стоп-кадры постельной хроники...

Но по цинизму, «стриптизной» откровенности состязаться этой группе со скандально нашумевшим «Примусом» просто невозможно. Уж они-то знают истинную подоплеку отношений между полами и старательно объясняют слушателям что к чему, учат, как не ударить в грязь лицом, не попасть в затруднительное положение. И разносится хулиганский бред «Резинового рока»:

...И пока приятель копит на дубло,
Я таскаю девочек к себе в дупло.
Я до сей поры держался молодцом,
А вчера совсем некстати стал отцом...

И дальше для особо непонятливых идет разъяснение, в чем же «герой» видит причину постигшей его неудачи.

Да, «Резиновый рок» будет почище «продукции» розенбаумов и токаревых. Это то, что в обиходе именуется емким словом «похабщина». Со скотства сдернуты последние покровы стыдливости, и пошлым непотребством подменяются уважительное отношение к женщине, радость отцовства, чувства долга. Надо всем воцаряется голая физиология, разнузданность. Пожалуй, по своей откровенности «Примус» может состязаться с любыми лидерами сексуальной темы западного рока.

Рок-группа эта в меру умственного развития ее состава пытается заниматься и своеобразным обобщением разговорного языка близкой ей по духу части молодежи:

Я стою, она идет,
Словно проплывает рядом фирма-пароход,
И небо сразу расцвело. Ух как, ух как мне повезло...
Как на ней сидит фирмы́-вельвет,
Для ее фигуры это бред.
Я прошу, взгляни ты на меня!
Ох, какая ты! Ох, какая ты! Ох, какая ты!
Фирма́!
Фирма-а-а! Фирма-а-а!

Известные темы: «фирменные» мальчики, «фирменные» девочки, фирменные джинсы, фирмачи. И поданы умело на соответствующем диалекте, с использованием фарцово-ресторанного жаргона. Вот эти-то прилипчивые, как зараза, убогие словечки и составляют основную прелесть и основной лексикон общения молодых завсегдатаев баров и ресторанов, дискотек. Опустившись до такого языка и получив привычку к нему, трудно или просто невозможно вкусить потом всю прелесть и богатство языка литературного, почувствовать образность поэзии.

Для подобных самодеятельных групп, или, как они сами себя величают, «рок-команд», похоже, любые запреты и критика идут пока на пользу. Сориентированную на них молодежь разбирает любопытство узнать, что же это за «Примус» такой или «Мухомор», «ДДТ», «Автоудовлетворители», «Уличная канализация», и уж совсем любопытно — «Люцифер». Возникла и специфическая обиходная терминология, проникающая и на страницы печати, что-то среднее между узкопрофессиональным жаргоном и

языком посвященных, далеким от грамотного русского языка, рождающим у незрелых умов, особенно среди подростков, идею сопричастности, принадлежности к некоему сообществу, клану. Это проявляется в словечках типа «ритм-бокс», «синтезатор», «аквалайзер», «фейзер», «дисторшн» (буквальное прочтение процессорных устройств).

Доморощенные ансамбли усердно штампуют программу за программой, «обновляя» их, обгоняя по своей плодовитости профессиональные коллективы, воспроизводят опусы на многоканальных магнитофонах, записывают их на компактные кассеты, активно распространяют. И кстати, каждая самодеятельная «команда» имеет своих верных «фэнов» (в переводе с жаргонного языка на русский — поклонников), которые способствуют утверждению моды на всевозможные рок-группы. Несведущему человеку может показаться странным тот размах и оперативность, с какими все это происходит.

Собственный корреспондент «Советской культуры» Г. Абакумовская приподнимает завесу над этим беспрецедентным тиражированием модных записей. В статье «Прекрасные ритмы песен новых (заметки с пленума Союза композиторов Белоруссии)» * она пишет: «...Неподалеку от Гомельского музыкального училища, где проходил пленум, в непосредственной близости к райкому комсомола действует студия звукозаписи. Репертуар тиражируемых там магнитофонных лент очень низкого качества. Таких же студий в республике около 50. Только в 1984 году их услугами воспользовались 240 тысяч человек. И тот факт, что именно отсюда публика получает такие эстетически беспомощные поделки, как записи самодеятельных групп под экстравагантными названиями «Примус», «Альфа», «Странные игры», вовсе не так уж безобиден...»

Странным кажется подобное пособничество псевдоискусству со стороны официальных организаций. И совсем неубедительно выглядят ссылки «специалистов» на то, что из среды самодеятельных коллективов выходят со временем профессионалы и поэтому, мол, им нужно помогать. Низкопробные музыкальные опусы некоторых «любительских» рок-групп не оказывают доброй услуги профессионалам. Впрочем, и грань, отделяющая профессионалов от непрофессионалов, довольно зыбка. Вчерашние признанные ансамбли, если случается им забывать о нравственных критериях, попадают в число непрофессиональных групп, как, например, ансамбль «Центр», руководимый В. Шумовым, и другие. Меняется и репертуар исполнителей в зависимости от того, к какой категории они относятся.

Если любители делают упор на песню, на ее смысловую взрывную силу, то узаконенные рок-группы, имеющие большие технические возможности, словно игнорируют тексты, восполняя недостаток «свежего слова» и «собственной музыки» интенсивностью звучания и сценическими трюками. Сами музыканты это признают, говоря о том, что подлинно профессиональных коллективов — единицы. Часто рок-группы мало чем отличаются друг от друга. Они стандартизированы в большинстве своем. У них

---

* «Советская культура», 1985, 22 сентября.

нет своего лица. Их продукция находится на уровне затверженных музыкальных пассажей и словесных оборотов типа риторической команды: «Надейся и жди...» Из песни уходит главное — уходит ее содержание, слово. В лирике перестает звучать личное, гражданственное, то, что и присуще подлинно демократической песне.

Художественный руководитель Литовской государственной филармонии композитор Р. Жилайтис, выступая на страницах «Советской культуры» (22 октября 1985 года), писал о том, как на фестивале эстрадной музыки «Юность Балтики» в Паланге выступала группа «Автограф»: «...уже первые аккорды обрушились на слушателей мощным звуковым потоком, вызвав недоумение даже у членов жюри фестиваля. Просьбы во время концерта уменьшить звук, да и беседы директора филармонии с руководителем группы перед вторым выступлением были безрезультатны».

Широко известные рок-группы, вступив на стезю «электронно-дымовых» игр, подчас теряют чувство меры и рождают ироническое отношение к себе со стороны публики и критики. В одной музыкально-развлекательной программе Латвийского телевидения «Видеоритм» после шумного и, как обычно, очень дымного выступления «Землян» на экране появился ведущий, по подбородок в клубах дыма, напущенного по такому случаю в павильон, и невозмутимо заявил, что лазеры, стробоскопы, дымы — все это хорошо, но хочется услышать что-нибудь посодержательнее, чем просто оглушающий рокот.

Двусмысленно воспринимаются и похвалы в адрес современных рок-групп от их поклонников. Все чаще и чаще они говорят: «Диалог» не надо слушать, его надо смотреть... Что вы, «Карнавал», «Интеграл», «Круг» в записи не дают никакого представления об ансамбле: их надо видеть...» А там — опять дымы, трюки со светом, лазером, «акустические опыты»... Там и пляски, там и переодевания...

Поклонники рок-музыки не обсуждают саму музыку, оригинальность композиций: интересно ли они поданы, их интонации и настроения. Они и не обсуждают содержания песен. Чего уж? Все давно известно: «Надейся и жди!» Они не говорят о том, как играют, что играют и о чем поют лидеры рок-групп... Они говорят примерно так: «...У тех лазер, эти использовали во время выступления дымы и сирены... здесь была грандиозная интенсивность звучания, а у тех даже есть гитарный и барабанный синтезаторы... у этих вот вся аппаратура «Маршалл», а гитары «Фэндер»... А у кого-то и вообще «войс бэк». Речь, по существу, идет об эффектах, об инструментах, о качестве и мощности аппаратуры, преобразующей звучание, то есть о средствах, которые призваны украшать, оттенять, орнаментировать и содействовать, но не довлеть над процессом творчества и подменять собой непосредственность и простоту исполнения.

Сама же рок-музыка — это по сути своей интонирование или проще — интерпретация какого-либо музыкального фрагмента, в пределах которого и рождаются различные вариации, то есть это всегда вторичная продукция. А расширяет диапазон такой музыки — песня. Именно она тот эстетический стержень, который определяет демократическую природу жанра. Человеческий голос, воспроизводящий песню, — непревзойденный музыкальный

инструмент, который способен передать слушателю живые чувства, эмоции, то, что не в состоянии сделать ни один механический или электронный инструмент.

И может быть, именно поэтому, делая отчаянную попытку победить в состязании с истинным искусством, апологеты «массовой культуры» низвели песню на вторые роли и соответственно подняли уровень шумового аккомпанемента. Довершают отупляющий эффект рок-музыки разнообразные эффекты: например, яркие вспышки света с частотой альфа-ритма (одного из электроритмов человеческого мозга), неизменно вызывающего головокружение. Ритм в роке выступает «с позиции силы», пытаясь подмять под себя все прочие завоевания музыки.

Но все в мире имеет свой звуковой язык. Даже качество металла проверяют по его звучанию после удара. Так и человеческая душа отзывается на определенные звуки. Ей свойственно откликаться на музыкальную гармонию, а не на ритм. Ритм был единственным основополагающим началом лишь в древней музыке. Человечество развивалось, менялось и его отношение к музыке. Люди открыли для себя гармонию. Появилось пение голосом. Русская душа, например, испокон веков тянется к задушевным песням, есть у нас, как и у других народов, и удалые, лихие, но они всегда наполнены глубоким содержанием, облечены в гармонию звуков. Не одно поколение людей вынашивало и шлифовало их. Так целесообразно ли отказываться от своего родного в угоду моде? Не пора ли подтянуть духовный уровень нашей молодежи до понимания значения того великого наследия, что вобрала в себя русская и вообще советская музыкальная культура? Наглая агрессивность всеразмывающего стандарта и шаблона «массовой культуры» обязывает нас стряхнуть наконец с себя благодушие и позаботиться о том, чтобы уберечь и закрепить национальную основу и культурные традиции в искусстве и в самой жизни.

Очень верно сказал Н. В. Гоголь: если при похвальной жадности знать чужеземное упустишь из виду свои национальные начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли. Не такой ли хаос сбивает с толку сейчас некоторых молодых людей, не успевших обрести иммунитета от бацилл бездуховности?

Наверное, не без помощи заинтересованных людей утвердилось расхожее мнение, будто молодежь не может теперь обходиться без неистовых музыкальных ритмов, потому, мол, и стремится в дискотеки.

Это неверно в принципе. Ритмы можно было бы и дома слушать, у своих магнитофонов. А здесь срабатывает неизменное в определенном возрасте стремление к общению: людей посмотреть, да и себя показать. Жаль только, что эта здоровая человеческая потребность отдана на откуп подчас недобросовестным или нетворческим людям, атакующим юные души шумовыми шквалами. Молодежь вынуждена приспосабливаться и «любить» те формы общения, которые ей предлагаются. Хотя о каком, собственно, общении может там идти речь, если люди не слышат друг друга, не могут обменяться фразами, да и танцуют-то каждый сам по себе? (Если можно эти антиэстетические ужимки назвать танцами.) Но таковы правила этой псевдокультуры, в которых нет места ни красоте, ни гармонии.

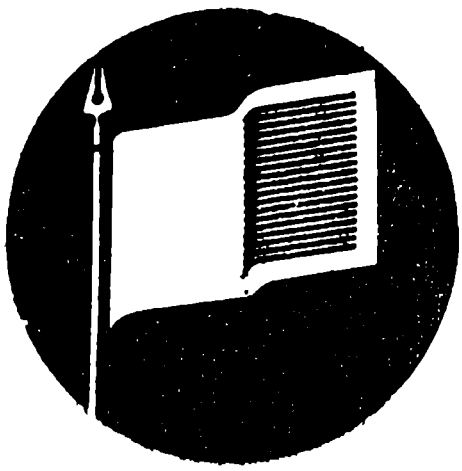
«К нашему счастью, настоящее искусство все ставит на свои места, четко разделяя хорошее и дурное», — пишет в редакцию журнала «Молодая гвардия» Василий Белов. Он делится с читателями и своими наблюдениями в период посещения им шведских городов: «В Упсале молодежь ежегодно проводит фестивали, где звучат народные национальные мелодии, где увлечение рок-музыкой считается признаком вульгарного вкуса». К этому интересному факту можно еще добавить и такую информацию — опрос мнений, проведенный во Франции в прошлом году, показал, что 80 процентов молодежи предпочитает року музыку Бетховена.

К сожалению, у части советской молодежи оборвались связи с народной песней, нарушены традиции. А ведь сколько незаслуженно забытых замечательных музыкальных произведений томятся в кладовых народной памяти!

Песня наша не стоит на месте. И те композиторы, в основу творчества которых положена народная музыка, потрясают нас сегодня шедеврами, такими, например, как симфония-действо Валерия Гаврилина «Перезвоны», сотканная одним лишь поэтическим языком песен.

Вспомним, как ярко звучала песня в годы Великой Отечественной войны, вобрав в себя все самые высокие эмоциональные переживания наших соотечественников! Не так ли на изломах судьбы или в великой радости рождались и в давние века все истинно народные произведения? И разве нельзя сегодня поставить в один ряд с народными фронтовые песни «Шумел сурово брянский лес», «Катюша», «Дороги» и многие-многие другие? Песня остается надежным другом, и оценить это в жизни предстоит каждому.

●



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бор. ЛЕОНОВ

НА ОСТРИЕ АТАКИ

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ

Современная советская литература, продолжая вести активный нравственный поиск в художественном исследовании жизни нашего общества, остается верной теме войны и мира. И это естественно: международная обстановка ныне, как никогда, взрывоопасна. Идеологи империализма усиленно пропагандируют возможность победы в «ограниченной» ядерной войне. Вот почему в новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, со всей определенностью проблема боеготовности наших Вооруженных Сил, способных защитить труд советского народа и отстоять мир на земле, считается одной из первостепенных. «**Коммунистическая партия Советского Союза,** — говорится в Программе, — **рассматривает защиту социалистического Отечества, укрепление обороны страны и обеспечение государственной безопасности как одну из важнейших функций Советского государства**».

Именно в силу непрекращающихся угроз империализма развязать агрессию, ввергнуть мир в новую войну мы вынуждены держать порох сухим, «уделять

неослабное внимание усилению оборонного могущества СССР, укреплению его безопасности, готовности Вооруженных Сил к разгрому любого агрессора. Вооруженные Силы и органы государственной безопасности должны проявлять высокую бдительность, всегда быть готовыми к пресечению происков империализма против СССР и его союзников». Поэтому КПСС основную свою задачу в руководстве военным строительством и проведением в жизнь советской мирной инициативы видит в том, чтобы «Вооруженные Силы СССР находились на уровне, исключающем стратегическое превосходство сил империализма, чтобы всесторонне совершенствовалась обороноспособность Советского государства, укреплялось боевое содружество армий братских социалистических стран».

Сила армии, вновь утверждает партия, в ее органичной, нерасторжимой, кровной связи с народом. «Каждый коммунист, каждый советский человек обязаны делать все от них зависящее для поддержания на должном уровне обороноспособности страны. **Защита социалистического Отечества, служба в рядах Вооруженных Сил — почетная обязанность и священный долг гражданина СССР».**

Именно так понимала и решала тему армейской службы советская литература на протяжении всей своей истории. Можно совершенно точно утверждать, что именно в советской литературе родилась и обрела свою особую, действенную, богатую традицию тема ратного подвига в мирных армейских буднях. Свою значимость она доказала уже в 30-е годы. Такие известные писатели, как А. Малышкин, Б. Лавренев, Вс. Вишневский, Л. Соболев, С. Диковский, В. Кожевников, П. Павленко, К. Симонов и другие, активно выступали с произведениями о буднях службы в Красной Армии, на нашем пограничье. Они стояли у истоков создания литературного объединения армейских и флотских писателей — ЛОКАФ. Созданные ими традиции постижения и воспроизведения ратного подвига проявили свою действенность в годы Великой Отечественной войны и сказались на развитии послевоенной прозы.

В ряду известных книг, появившихся спустя десятилетие после победы в минувшей войне, свое почетное место занимают повести «Максим Перепелица» И. Стаднюка, «Юность командиров» Ю. Бондарева, «Наследники» М. Алексеева, «Летчики» Г. Семенихина, «Сильнее атома» Г. Березко. И ныне проза о современной армии органично связана с ведущими тенденциями развития общества и имеет свою почти полувековую историю.

Не вдаваясь в существо вопроса периодизации послевоенной литературы, хочу лишь заметить, что проза об армейских буднях в силу специфики самой жизни, какую она исследует, гибко реагировала на перемены в жизни армии, связанные с научно-техническим прогрессом в военном деле. И потому периоды развития литературы о современной армии связаны прежде всего с изменениями в проблеме «человек и оружие».

Весьма характерными и по сей день остаются, скажем, откровения некоторых персонажей в произведениях последних лет, в которых затрагиваются эти вопросы. Так, в повести конца 60-х годов «Ракеты смотрят в зенит» Вл. Жукова один из офицеров говорит, что часто думает о своих товарищах, которые в армию пришли инженерами. Это не случайно: «Армия, — говорит

он, — стала не той, что была в войну, даже через десять лет после нее».

В начале 70-х годов герой повести А. Плотникова «Молчаливое море» констатирует: «Сегодня размышлял о соотношении техники и человека на современном флоте. Слов нет, техника стала настолько совершенна, что диву даешься. Она, как говорится, уже на грани фантастики. Только без движущей силы человеческого разума она по-прежнему ничто... Техника и люди взаимно влияют друг на друга. Новая техника формирует человеческую психику. Ныне на смену матросу-работяге пришел матрос-интеллектуал, и командовать им гораздо труднее».

А в начале 80-х годов в повести В. Тюрина «Слушать в отсеках» кадровик-офицер делится своими впечатлениями о личном составе: «Мы как-то проанализировали и сравнили общеобразовательный уровень старшин и матросов настоящего времени и десятилетней давности. Перемены просто разительные. Нынче уже до сорока процентов моряков имеют среднее и среднетехническое образование».

Подобные откровения знаменательны в прозе об армии и флоте. Но в большинстве своем они почти не дают о себе знать в изображении армейских будней. Между тем именно сам этот процесс и определял «периодизацию» литературы в постижении ею разных этапов в развитии современной армии. В лучших книгах о ней, созданных в 60-х и 80-х годах, — а к ним я отношу такие произведения, как «Космонавты живут на земле» Г. Семенихина, «Разводящий еще не пришел» Н. Камбулова, «Голубые молнии» А. Кулешова, «Автономное плавание» В. Устьянцева, трилогия «Дайте точку опоры», «Ударная сила», «Битва» Н. Горбачева, «Сын отца своего» Вл. Возовикова, «Годы службы» А. Кузьмичева, «Барханы» О. Смирнова, «Высота неизвестности» Н. Черных, «Громовержцы» В. Степанова — отразилась сложность проблем в жизни армейского коллектива. Не случайно в названных книгах так остро и так откровенно звучат слова о фронтовом опыте, поставленном на службу нынешних защитников Родины.

В докладе на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, «Бессмертный подвиг советского народа» М. С. Горбачев сказал о том высоком значении понятий: подвиг, мужество, стойкость, героизм, которое связано с деятельностью бойцов фронта и тыла в пору грозного лихолетья. Память о бессмертном подвиге бережно хранится в сердцах миллионов соотечественников. В произведениях литературы и искусства эта память оживает в светлых образах тех, «кто первым поднимался в атаку, грудью закрывал амбразуры, шел на воздушный таран, бросался с гранатами под танки, в матросских бушлатах сходился с врагом врукопашную, кто топил вражеские корабли, пускал под откос эшелоны, мужественно сражался на невидимом фронте, кто стоял насмерть на поле боя, кого не сломили ни пытки, ни фашистские застенки и лагеря».

На этих славных примерах «воспитываются все новые поколения советских людей, учатся мужеству, отваге и стойкости, беспредельной верности коммунистическим идеалам, готовности все преодолеть, все превозмочь, когда к этому призовет Родина».

Партия постоянно напоминает художникам слова о необходи-

мости вести целенаправленный поиск героического в нашей жизни, находить в молодом современнике те «опорные» точки опыта предшественников, которые обеспечивают одно из высочайших качеств советских людей — преемственность каждым новым поколением лучших исторических традиций.

Нельзя не заметить, что к теме армейских будней обращаются прежде всего писатели, жизнь которых тесно связана с армией. Появление все новых и новых произведений не всегда означает художественную удачу в освоении какой-либо сферы жизни общества. Речь об этом может идти лишь в том случае, когда произведение выдвигается в центр общественного внимания, становится литературным явлением. Тема современной армии мало представлена в творчестве нынешних известных мастеров слова.

Помнится, в статье «О войне и человеке» Николай Грибачев признавался: «К сожалению, современная армия в литературе представлена далеко не в меру ее значения в жизни нашего народа, той роли, которую она выполняет в современном мире, — а ее роль заключается в том, что она своей мощью держит на приколе империалистическую агрессию». И далее: «Приходится сказать, что человек сегодняшней армии для литературы, в сущности, — целина, которую мы только начали поднимать. Между тем уже по одному тому, что через службу в армии проходит вся или почти вся наша молодежь, она является большой и важной сферой нашей народной жизни и благодарным полем приложения литературных усилий. Дело тут не в каких-то призывах и лозунгах — пишите об армии! — а в том, что, упуская из постоянно нацеленного внимания армию и воздействие службы в ней на формирование молодежи нашей, литература закрывает для себя один из интереснейших и важнейших источников человековедения и тем самым обедняет себя и палитру своих красок». Сказано это было еще в 1971 году.

Спустя тринадцать лет на страницах «Литературного обозрения» Олег Смирнов вынужден был констатировать: литература о современной армии слаба и малоинтересна. «Удручает мелкотемье. Иные авторы всерьез убеждены, что можно и нужно написать, скажем, о том, как правильно намотать портянки или пришить чистый подворотничок. Я, конечно, утрирую. Но нельзя же понимать литературу столь утилитарно. Если не впустить в эти книги бытие во всей его сложности и многомерности всего, чем живет человек, подлинной литературы не будет. И пока ее, в сущности, нет, если говорить строго».

Я бы не взял на себя право судить столь категорично, памятуя призыв относиться с уважением к сделанному ранее. Но тут автор волен по-своему понимать предмет, о коем ведет разговор. И к тому же сам писатель стремится обозначить причины такого положения. «Есть причины субъективные — это боязнь писателя сказать остро. Он выбирает что полегче... Есть и причина объективная, о которой я обязан сказать. На словах все мы ратуем за то, чтобы литература была острая, чтобы были глубокие конфликты, серьезные проблемы, но когда доходит до дела, то вступают в действие перестраховка, боязнь жизненных конфликтов».

Важным и верным представляется суждение О. Смирнова относительно нежелания критики серьезно и заинтересованно за-

няться проблемами литературы об армейских буднях. Откровенно говоря, вряд ли причина такого невнимания лишь в отсутствии должной заботы о критиках, в малом внимании к их труду. Мне кажется, суть дела в том, что немногие из критиков обладают опытом службы в армии. Он-то и позволил бы выработать свою систему взглядов на существо темы, свои критерии суждений о произведениях в их соотнесенности с правдой жизни.

Жаль, что у сегодняшней молодежи нет популярного героя, который бы не только выражал основные черты современного молодого человека, но и нес бы в себе заряд влияния на юность страны, какой несли Павел Корчагин, герои «Молодой гвардии» А. Фадеева. Проблема создания положительного героя сильного и действенного общественного звучания — одна из самых актуальных в текущем литературном процессе. Главное, считает Борис Рощин, раскрыть в персонаже путь человека к добросовестному исполнению своих воинских обязанностей, с чего начинается путь к подвигу, когда этого потребуют обстоятельства. Добросовестность есть категория нравственная, а потому и подвижническая. Вот отчего и проявление мужества в особых условиях, и умение в монотонности будней быть предельно собранным, мобилизованным, преодолевать инерцию безмятежности — явления одного порядка. Каждое из этих состояний требует предельной отдачи духовных и физических сил.

Нельзя не согласиться с мнением на сей счет начальника военного училища генерала Акулова, героя повести «Голова на плечах» Б. Рощина. В ответ на суждение командира роты майора Шаргородского, что хорошим офицером невозможно стать без тяги к воинской службе, без призвания, генерал Акулов сказал: «Слова-то все какие... А как быть, по-вашему, с теми, у кого нет призвания? Кто просто честно и добросовестно трудится, растит хлеб и детей, кормит нас с вами, а когда нападет враг, насмерть встает на защиту своей земли? Или, по-вашему, и для того, чтобы умереть за свою землю, нужно призвание? В русском языке имеется четкое, ясное и емкое слово: надо! Надо работать, надо учиться, надо уметь воевать и быть готовым к войне. Особенно нам, военным людям. Надо, надо и еще раз надо!»

И разговор тем самым перерастает рамки служебного решения вопроса о том, удовлетворить ли рапорт курсанта Юрия Ткачика, который просит отчислить его из училища, поскольку не видит себя в будущем офицером. Речь заходит о том, как и что видеть в армейской жизни: романтику или суровую будничность, стремление к яркому подвижничеству или к трудностям работы кадрового военного. Категоричность суждений генерала Акулова в том, что в армейском лексиконе не должно быть слова «романтика», поскольку его заменяет слово «труд», тяжелый, упорный, каждодневный, который сродни труду рабочего, доярки, металлурга, разделяется и другими персонажами произведений о современной воинской службе. Именно так смотрят на существо ратных будней командир подлодки Букреев в романе Л. Борича «Третье измерение», командир полка Горанин в романе А. Кузьмичева «Год службы» и замполит подполковник Бахтин в рассказе А. Сиразитдинова «Полет по прямой». Это он, Бахтин, в серьезном и принципиальном разговоре с капитаном Смирновым, который после одного из сложнейших полетов как бы «опустил крылья» и потому стал допускать ошибки при посадке, вы-

сказывает мысль, что дело летчика далеко не романтическое, а героика его профессии заключается совершенно не в том, чтобы находить выходы в критических ситуациях.

Услышав в ответ на вопрос, что́ думал капитан, когда обнаружилась у него опасность аварии: «Был уверен, что сделаю все возможное, чтобы посадить самолет», Бахтин поинтересовался: «А у вас не было такого, ну, скажем прямо, ошибочного мнения, что вы совершили героический поступок? Еще бы, найти выход в такой ситуации! — Не дав летчику паузы для возражения, Бахтин продолжил: — А получилось наоборот — отстранили от полетов, от подготовки на должность командира отряда. Обидно стало. Но ведь было? И вы сразу руки опустили... Точно?»

Вопрос о том, что́ должно вести человека по жизни, — не праздный. Он все более обретает статус не только морального принципа жизни нашего общества, но и нравственного здоровья личности. И потому не случайно именно этот вопрос обостренно проявляется в литературе последних лет, поскольку именно здесь остро и наглядно ощущаются недостатки в трудовом воспитании человека.

Нацеленность на будничный труд, на прикладное, утилитарное отношение ко всему, что постигает человек в ходе взросления, учебы, вхождения в жизнь, находит и своих противников. Истина же в том, что не может существовать человек без романтики, каковой была и остается его мечта о будущем, которая окрыляла бы его труд, вселяла уверенность в достижении поставленной цели. Романтика, не обеспеченная кропотливым трудом, лишена нравственной опоры, а потому бесперспективна.

Эта сфера полезного и вдохновенного, тяжкого и радостного, будничного и праздничного в сфере человеческих взаимоотношений — одна из активно разрабатываемых в прозе последних лет. Именно здесь формируются основные нравственные принципы достижения человеком своего долга, своей причастности к ратному делу, которые способствуют выявлению собственного «я».

Вообще непросто одолеть в себе инерцию прежней беззаботности, прежней «вольницы» гражданской жизни. Слова, какими бы правильными ни были, остаются словами, даже если они повелевают поступками. Ничто никогда не заменит человеку опыт лично испытанного и пережитого. Вот почему по-прежнему в центре внимания писателей остаются непредвиденные условия, ситуации, возникающие в буднях службы, которые никогда не имеют для оказавшегося в них аналога в предыдущей жизни. Правда, нередко ситуации предвосхищаются наивными вопросами сторонних персонажей: как это можно заниматься вообще тем, что никогда не выявится в настоящем деле, может не пригодиться в дальнейшем? Ведь воинская профессиональная подготовка проверяется далеко не у всех до конца. Не случайно, хорошо оценивая работу курсантов по наведению переправы через реку, начальник понтонно-мостового цикла полковник Пятырев в повести Б. Рощина «Голова на плечах» не преминул сказать: «Хочу только напомнить вам, что такие переправы во время войны проводились, как правило, под артиллерийским обстрелом или бомбежкой, а то и под ружейно-пулеметным огнем. Вообразите себе эту небольшую деталь, и будем считать, что вы получили некоторые практические навыки наводки паромной переправы в зимних условиях».

Разве оставит равнодушным такое напоминание? И как реагировать читателю на еще большее откровение: «Может быть, я чего-то не понимаю... Но вот вы всю свою жизнь, молодость, силу отдаете подготовке к войне. Ваши знания, опыт — все это может пригодиться только на войне. А если войны не будет, значит, весь ваш труд был напрасным, значит, жизнь прожита зря? Какая же тут полезность?» Такой вопрос задает героиня повести А. Пинчука «Билет на «Лебединое озеро» Лена Калинина своему доброму знакомому, летчику. Что тут ответить? Тем более что армейская жизнь постоянно не просто держит каждого на переднем крае противостояния агрессивной устремленности империалистов, но и открыто призывает выступить на защиту своей границы, прийти на помощь соседу, подвергающемуся угрозе прямого вторжения, и т. д. Собственно, сама армейская жизнь полна того самого подлинного смысла, о котором спрашивала Лена Калинина. И не случайно ее знакомый Николай сказал: «Если войны не будет, значит, сделано все, что от нас, военных, требовалось. Я буду счастлив, если все, чему я учусь, не понадобится...»

А если понадобится?!

Вот почему писатели выявляют всю серьезность подготовки своих героев к возможному открытому нападению противника, к той боевой работе, какую ведут, скажем, пограничники заставы Полосухина на Кольском полуострове, о которых рассказал в своем романе «Поморы» Г. Ананьев. Их знания, их профессиональную выручку проверяют нарушители морской границы. Выдвинутые в засаду замполит заставы лейтенант Боканов и ефрейтор Гранский на своем опыте постигают справедливость неоднократно слышанных от капитана Полосухина слов о том, что сухопутная граница всегда видна. «Даже если хитрей хитрого будет нарушитель, след все равно оставит. Пусть едва приметный... Тогда: заставу «в ружье», собаку на след, и уже на всех тропах, по которым может пройти гость незваный, терпеливо поджидают солдаты или, если надо, бегут десятки километров, пока не настигнут...» А вот морской след... И не где-нибудь, а у Атайгоры обнаружен, где строится наш секретный объект. Опыт подсказывал Полосухину усилить контроль за островами и выставить секреты в бухтах, прилегающих к объекту.

Писателя, как мне кажется, при этом не столько интересовало профессиональное умение пограничников, сколько психологическое обеспечение задания, та внутренняя работа, что совершалась в каждом — офицере ли, солдате, выдвинутых на острие возможной атаки противника. В секрете были замполит и ефрейтор. Шло время, никто не появлялся. «Постепенно... — признается Боканов, — вползло к нам в душу сомнение, и началась психологическая борьба с этим невольным успокоением. Поначалу я думал, что только меня гложет злой червь, но когда Гранский сказал: «Знаю, нельзя расслабляться, а в голову все же лезут чертовы мысли», понял: и он пересиливает себя. Я ответил ему:

— Сколько придется, столько и будем лежать. Нужно дождаться.

— Верно. Иного ничего нет, — согласился Гранский. — Ничего иначе нельзя».

Ситуация, в которой происходит психологическая перестройка человека или же в какой-то мере меняются его привычные

представления о людях, о собственном назначении, чаще всего играет большую роль в короткой повести или рассказе. На подобной ситуации основан, например, рассказ А. Сиразитдинова «В ожидании перемен».

Отыскивающему ошибку своего полета Лузгину его старый товарищ комэск Осипов говорит: «Ты лично знаешь, в чем твоя ошибка. Она в том, что ты перестал видеть свои ошибки, сваливая все происходящее на процесс омоложения летного состава. А жизнь, между прочим, предполагает именно омоложение, без чего немыслимо усиление обороноспособности страны, введение в строй новой боевой техники, усложнение ее. Да, мы ошибались, — продолжает комэск. — А ведь наши ошибки чего-нибудь да стоят. Мы летали, ошибались... Но все равно летали! И этот Волохов, который, считай, вытащил сегодня экипаж из-под земли, — он уже не повторит своей ошибки. Я не говорю — ошибки в курсе, я говорю в более широком смысле. Быть может, он будет щедрее душой, будет делить полет на всех и небо на всех, кто его любит. Наши полеты уже сочтены, Владимир Петрович. Пора думать о тех, кто идет нам на смену».

В основе рассказа С. Каширина «Штурман», написанного от лица летчика, лежит ситуация, заставляющая человека изменить свои представления об истинной храбрости, человеческом мужестве. «Когда-то казалось мне, — читаем в рассказе впечатления летчика о новом штурмане, его напарнике, — что мужество, готовность смело пойти в самое пекло штормящего неба обязательно должны проявиться в каких-то впечатляющих и едва ли не грубовато-отчаянных поступках, в решительных жестах и крепких, твердых словах. А у сдержанного, даже застенчивого не по характеру Бориса Козлова было иное мужество — внешне невидное, неброское, тихое, что ли. Но, пожалуй, такое мужество — самое верное».

В ряду других открытий, сделанных во время службы на границе, видимо, главным для героя повести А. Островского «Спроси себя» — Вадима Ярошевского было признание справедливости слов капитана Рудакова о том, что и в мирные дни каждый из них находится на острие атаки врага. Первоначальный скепсис в отношении к этим словам был рассеян решительно и бесповоротно столкновением на контрольно-пропускном пункте «Гранитное» во время дежурства младшего сержанта Ярошевского. Вадим и его товарищи, как и обычно, проверяли транспортные средства, чтобы не пропустить через границу недозволенных перевозок. И вот неожиданно младший сержант встретился со случайным своим знакомым — иностранным дипломатом Вернером. Вспомнили о проводах Ярошевского в армию. Затем Вадиму был предложен блок «Мальборо». Вернер познакомил его со своей спутницей Лоттой. Вадим просит Вернера позвонить своей знакомой Ирине. На том и расстались...

Шли дни, недели, месяцы службы. И вдруг вновь на КПП оказывается Вернер со спутницей. На сей раз они уезжали из страны. Когда Вадим сел за руль, он вспомнил, что при въезде оплетки на руле не было. Просит снять ее. Вернер не соглашается. Пущены в ход и мольбы, и увещевания, и тысячи долларов. Затем — шантаж, угрозы. Вадиму показывают фото, на котором он запечатлен якобы принимающим в подарок блок «Мальборо», — оно может скоро появиться в западной прессе. Но Вадим неумо-

лим, в руле пограничники обнаружили капсулу с фотопленками. Так младшему сержанту был преподнесен нравственный урок. Его сформулировал в повести полковник Викентьев, обращаясь к Вадиму: «Слушал я и поражался отсутствием в вас — даже не знаю как назвать — гражданской любознательности, что ли. Какая-то инертность мысли, интереса к окружающему... В жизни нужно все время задавать вопросы себе, тогда она меньше будет ставить их перед вами». В прозе о современной армии дают о себе знать и сюжетная заданность, которая обеспечивает автору кратчайший путь к доказательству очевидного. Разве не ощутима она, эта заданность, скажем, в повести А. Островского «Спроси себя»?! Чтобы подтвердить справедливость слов капитана Рудакова о том, что пограничник находится на острие атаки, буквально через несколько страниц автор «устраивает» атаку на героя повести со стороны врага, облаченного статусом дипломатического работника. Грешат подобными сюжетными «ходами» многие произведения о современной армии. А ведь задача художественного освоения жизни, включающая сегодняшнюю армейскую деятельность, состоит прежде всего в раскрытии общечеловеческой значимости того, чем занимаются герои.

Тут, думается, нелишне вспомнить признание Бориса Лавренева о своих «муках творчества» в процессе работы над известной пьесой «За тех, кто в море»: «Я долго искал такой центральный узел, или, выражаясь литературоведческим языком, «основной конфликт», который, будучи характерным для флота, вместе с тем мог быть расширен до внепрофессиональных, общечеловеческих границ и мог бы увлечь и взволновать широкие зрительские массы».

И такой конфликт драматург нашел. Благодаря этому его произведение вышло за рамки сугубо флотской тематики. Понятно, что для реализации творческих планов необходима еще и талантливость художника. Именно мерой таланта определяется в конечном счете достоинство того или иного произведения. Речь идет в данном случае о том, чего недостает в профессиональном творческом отношении тем или иным книгам о буднях сегодняшней службы наших современников, книгам, отмеченным тем не менее очевидной одаренностью их авторов. Не будь в них этой одаренности, не было бы и смысла высказывать в их адрес критические слова.

Неоднократно в выступлениях о проблемах развития литературы, изображающей будни сегодняшней армии, звучала неудовлетворенность тем, что авторы не очень-то охотно идут на раскрытие связей армейского, флотского или пограничного коллектива с большим миром нашей жизни, постоянным представителем которого выступает гражданское население того района, места, где проходят службу герои произведения. Имея в виду эту критику, некоторые писатели как бы нарочито подчеркивают подобную связь. А во всякой нарочитости, увы, скрыты неудачи, просчеты, разрушающие органичность художественного произведения. Иногда авторская нацеленность на расширение «штатного расписания» персонажей, на увеличение коллизий, происходящих в армейском или пограничном коллективе, выглядит несколько прямолинейно.

Именно подобная установка очевидна в романе Г. Ананьева «Поморы». Это повлекло за собой включение в текст многочис-

ленных «контактных» встреч пограничников с исконным населением кольской тундры, с поморами, своеобразным символом (но опять же заданным!) которых выступает дед Савелий, сцен свиданий, любви, ревности, случайных отъездов и приездов героев. И может быть, поэтому от подобных сцен, как ни странно, отдает уже известным, не раз апробированным в искусстве. В то время как страницы, посвященные будням пограничников, воспринимаются с интересом.

Опять же, повторяю, эти недостатки свойственны не только роману Г. Ананьева, а и целому ряду книг, не обеспеченных серьезными и глубокими коллизиями, которые способны вывести разговор об армейской службе на подлинно философские высоты исследования народной жизни. Именно последним обстоятельством ценны произведения Г. Семенихина «Космонавты живут на земле», «Разводящий еще не пришел» Н. Камбулова, «Битва» Н. Горбачева.

В романах о современной армии, как правило, большую роль играет нравственная перестройка людей в погонах, обусловленная не только ходом научно-технического прогресса развития самой армии, но еще более развитием нашего общества в целом. Именно это обстоятельство выводит сугубо специфические коллизии военной жизни в сферу нравственную.

Ныне перед нами стоят новые задачи, требующие решительного наступления на всех участках коммунистического созидания и борьбы за мир. На страже этого процесса по-прежнему стоят наши доблестные Вооруженные Силы, наш советский человек — наследник и продолжатель героических традиций своих дедов и отцов.

●

М. ЧИСЛОВ

ДАЛЬ И ВЫСЬ ТАЛАНТА

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕГОРА ИСАЕВА

Его учили так:

— Если вы горите желанием куда-либо поехать, ну, допустим, на стройку Саратовской гидроэлектростанции, и не просто поехать, но еще и поработать там, пожить — мой дружеский совет вам: поинтересуйтесь этой стройкой заранее. Ну, хотя бы за день-два до того, как вы туда поедете. Есть что почитать — почитайте. Есть кого расспросить — расспросите. То есть познакомьтесь до знакомства. Это — во-первых. Во-вторых, как только приедете, постарайтесь не только как туристы поглядеть, но и вглядеться. Не только вглядеться, но и по возможности вдуматься, изучить. Изучить в объеме и в деталях. В характерах и в деле. В грохоте и в тишине... Для чего? А для воображения хотя бы! Для свободы пера. Для воздуха в слове, для атмосферы абзаца. Изучить. Без этого писательство — не писательство, а так — расхожая, средней руки беллетристика. И еще — что тоже весьма немаловажно — потребуется самый, пожалуй, глубокий час вашего командировочного времени — час полуночи. Дождитесь его,

этого часа, и сойдите осторожно в ночной котлован, как на дно океана, и послушайте, послушайте оттуда самую высокую звезду над собой. Послушайте железо, как оно отдыхает, послушайте землю, как она течет с краев, послушайте бетон, как он твердеет в росе. Вот тогда, возможно, оно и придет к вам, ваше настоящее слово. И вы напишете его. И, возможно, даже хорошо напишете.

Так или примерно так учили молодого Егора Исаева, естественно, тогда еще не написавшего своих теперь широко известных произведений. В данном случае поэт вспоминает о беседах Леонида Леонова со студентами Литературного института, где Егор Исаев учился после войны. В этих беседах важно все — и то, чему и как учил выдающийся художник слова, и то, как воспринимал советы старшего товарища молодой поэт. Здесь и с той и с другой стороны прежде всего речь идет о постижении жизни во всем ее объеме и глубине, о постижении человека во всей его сложности, и об особом состоянии духа художника, призванного возвыситься и подняться к высотам культуры, чтобы выразить величие жизни и красоту человека.

В данном случае Л. М. Леонов был для Егора Исаева старшим другом и наставником. В иные моменты жизни — М. А. Шолохов, М. Исаковский, А. Прокофьев, А. Твардовский... В свою очередь, Егор Исаев, учась жизни и мастерству, сам всю жизнь учит и наставляет своих младших товарищей: в Литературном институте, где теперь преподает, еще недавно в издательстве, где вел огромную работу по выпуску в свет новых поэтических произведений, в Союзе писателей как секретарь правления, имеющий возможность подкрепить слово весомым делом, во Всероссийском обществе любителей книги. Словом, вся жизнь воспитала Егора Исаева неутомимым тружеником. Вот что можно прочитать в его публицистической книге «Колокол света»:

«...в таком щекотливом деле, как любовь, насильно мил не будешь. А против поговорки, как говорится, не попрешь.

А уж если мы действительно в чем-то не свободны, так это от любви к матери, от любви к Родине, от чувства совести, достоинства, чести, так же не свободны, как, скажем, не свободна сама земля от своего нетягостного для нас земного тяготения. Не свободны мы и от своего самого наигуманнейшего коммунистического убеждения, от великой идеи, вобравшей в себя все самое наилучшее, что выработала в течение веков человеческая цивилизация, не свободны от борьбы против социальной несправедливости и унижения, против расового и колониального рабства, не свободны от веры в наискорейшее искоренение в человеке всего нечеловеческого, дикого... И мы не только добровольно служим такой прекрасной несвободе, но и гордимся ею».

Почему имеет смысл начать разговор о большом поэте Егоре Исаеве с его публицистики? В ней Егор Исаев выступает как своеобразный философ, в котором жизненная мудрость, свойственная зрелому возрасту, сочетается с юношескою страстью. Публицистика зрелого размышления, народной мудрости, исторического полета и жгучей, острой актуальности высвечивает и главное в поэтическом творчестве Егора Исаева.

Помнится, он как-то сказал сам о себе, что родился, наверное, проповедником. Самооценки редко бывают справедливыми. Все-таки недаром говорят — со стороны виднее. Однако Егор Исаев

и со стороны видится таким же страстным, настойчивым в обращении окружающих в свою веру. И поэзия его тоже призвана служить нашим идеалам, принципам. Потому-то и редко его тянет говорить о литературе, о тонкостях поэтического ремесла, а все больше о жизни, делах государственных, заботах промышленных и сельскохозяйственных.

— Литература не одна из областей интересов человека, а состояние всей его души. Человек может ни одной книжки не прочитать, а быть духовно богатым и иметь песенную душу. Взять русского крестьянина — в его сердце красота западала от труда, от природы, от домашнего ремесла. Красота жизни действует на человека целиком. И так же должна действовать литература.

И так всегда... Разговор о поэзии с Егором Исаевым превращается в разговор о жизни.

Родом поэт из воронежских мест, где родился 60 лет назад. Именно в раздольных русских просторах — начало характера поэта.

«Широко ты, степь, пораскинулась, к морю Черному понадвинулась», — поется у знаменитого воронежца Кольцова. И впрямь воронежская степь — преддверье вольного Дона.

Степь не только располагает душу к лирическому настроению. Она настраивает человека на трудную и суровую долю. Степь летняя — одно, а зимняя, морозная — другое. Режет ветер щеки, душу выморозил буран. Кажется, завьюжит мальчонку, попавшего в его жесткие объятия.

Но хоть мал, да упрям — упорно топчет путь от одного столба телеграфного к другому. Прислонится на миг к гудящему дереву — и как не бывало пугающего одиночества, словно летящие вверху провода подключили малого ко всей необъятной стране.

Вот так тогда еще, в давние школьные годы, рождалось у будущего поэта ощущение слитного родства близи и дали, малого и великого, происходило поэтическое наполнение души, закалялся характер.

Молодые солдаты из группы войск, находившихся после войны на территории Германии, задумали соорудить волейбольную площадку. Понадобился песок. Старик немец подсказал, где его можно найти в достатке. Поехали. И вот открылось перед Егором Исаевым поле, огромное, далеко к горизонту заросшее ковылем. Это в центре-то Европы, в Германии, где каждый клочок земли обихожен. А тут поле, дикая земля.

Оказалось — это, так сказать, потомственный полигон, на котором оттачивало свое искусство убивать не одно поколение воинствующих германцев.

Мертвая земля, которую где ни копни, выворотишь накопленные за десятилетия свинцовые пули самого разного калибра.

Егору Исаеву, молодому солдату из деревни, с детства привыкшему к земле-кормилице, земле живородящей, эта мертворождящая земля показалась каким-то страшным наваждением. Образ ее не сразу дал пищу воображению, но из памяти не исчез. В душе, в уме, сердце постоянно происходила большая внутренняя работа по осмыслению увиденного. Уже будучи студентом Литературного института, начинающий поэт рассказал о поразившем его память, неотвязно вошедшем в его думы этом зловещем видении известному прозаику Паустовскому. По всему

было видно, что рассказ произвел на писателя большое впечатление.

— В этом образе мертвой земли заключена вся философия войны, — сказал он. — Вы должны написать об этом рассказ, повесть.

Егор Исаев написал поэму «Суд памяти».

Вы думаете, павшие молчат!
— Конечно, да, — вы скажете.
Неверно!
Они кричат,
Всегда, пока стучат
Сердца живых
И осязают нервы.
Они кричат не где-нибудь,
А в нас.
За нас кричат.
Особенно ночами,
Когда стоит бессонница у глаз
И прошлое толпится за плечами.
Они кричат, когда покой,
Когда
Приходят в город ветры полевые,
И со звездою говорит звезда,
И памятники дышат, как живые,
Они кричат
И будят нас, живых,
Невидимыми, чуткими руками.
Они хотят, чтоб памятником их
Была Земля
С пятью материками.

Вот с этой землей, не с той, мертвой, а с настоящей Землей поставил лицом к лицу автор своего героя. Поставил на высочайшем взлете оптимистической художественной мысли, а ее героя на трагическом распутье: одна дорога к людям, человечеству, миру, другая — к смерти.

Как все переплетено и увязано одно с другим в этой многомерной поэме! Но особенно важна связь народного и интернационального, показанная поэтом с убедительной художественной логикой.

В поэме «Суд памяти» над всем господствует интернациональный взгляд на жизнь и человека. Этому народному мироощущению соответствует, по сути, интернациональная народно-поэтическая образность, оживляющая в памяти дорогие всем понятия — образы Солнца, Земли, Памяти, Скорби и т. п. По своему интимно-вселенскому размаху, по слитности личного дыхания с природно-человеческим шумом жизни поэма Е. Исаева «Суд памяти» напоминает эпические поэмы русской и советской классики.

В современных условиях небывалых идеологических битв за человека поэма Е. Исаева «Суд памяти», обращенная к нравственным основам личности, извлекающая моральные уроки для человечества из событий второй мировой войны, звучит как вечное напоминание и предостережение людям.

Память, человеческая память предостерегает от чрезмерного

оптимизма. В «Суде памяти» не позволяла забыть о себе война. В поэме «Даль памяти» исходные мотивы тревоги также вызваны минувшей войною, но она дала лишь первоначальный толчок. Разбуженная ею память начинает раскручивать спирали более дальнего опыта. В полной мере опираясь на факты своей личной биографии, поэт вместе с тем воспаряет мыслью над ними, свободно путешествует по далекой и более близкой истории. Пункты «остановки» его творческого воображения выбраны не по прихоти, поэта интересуют узловые моменты народной жизни, в которых характер русского человека проявился с наибольшей определенностью, внушающей стойкую надежду на преодоление всех трудностей и тревог.

Многочисленные картины народной жизни, разбросанные там и сям по всему огромному пространству поэмы, передают слитное движение народных масс, показывают разные грани народного характера. Особенно показательна в этом смысле центральная глава — «Кремень-слеза». Путешествующие по дороге жизни нашли на этой символической и вместе с тем реальной российской дороге необычное образование — «слеза не просто, а всея Руси слеза — кремень». И начинается обсуждение: да что́ это, почему, зачем, что с ней делать?!

И что ни слово — центнер на весы.
Пошли,
Пошли...
Да наше ль это дело
Тут шутковать, разыгрывать комедь?
— Ведь как мы жили! — сердце каменело,
А ей-то как — слезе! — не каменеть!
— Об том и речь!
— Да мы на ней, крестьяне
Поклонные, не только до поры,
Еще тогда, при Разине Степане,
При Пугаче
точили топоры,
Мы — бунтари!

Обсуждение выливается в широкую картину жизни нашей Родины с экскурсами в далекую и близкую историю. «Кремень-слеза» — это сгущенная энергия страдания, сострадания и действия.

«Кремень-слеза» символизирует тот настрой души русского человека, в характере которого накрепко сплавились романтическая окрыленность, устремленность к далям с трезвым практическим здравомыслием. Поэт радостно сопереживает рождение нового, коллективистского сознания у крестьянского люда, тонко прослеживает, как переплавляются в его сегодняшней психике исконно присущие русскому человеку исторические черты.

Память народная не короткая, а «дальняя» память. Революционная новь, утверждающаяся в кровавой борьбе, в страданиях и муках, воспитала народную совестливость. Вот этой народной гуманистической в своей сущности силой и пронизана поэма.

Судьба человеческая, судьба народная выдвинуты в центр поэмы «Даль памяти». Широтой своего эпического дыхания поражают сцены обсуждения, как поступить с «кремень-слезой».

Слитное разноголосье схода невольно вызывает в памяти знаменитое эпическое полотно «Железный поток» А. Серафимовича. Очевидное стремление создать в этих сценах коллективный образ народа сочетается с удачными попытками выделить из человеческой массы ее отдельных представителей, в одних случаях детально прописать, в других — всего лишь наметить их индивидуальные характеры.

Временами они выступают безымянными, воспринимаются скорее символами определенного поведения. Знакомясь с ними, автор таким образом углубляет и обогащает наше представление о народной массе, дает возможность зримо увидеть те нервные волокна, которыми прошита толща народной жизни, ощутить питающие ее духовные импульсы. Таков учитель, который в свое время «где словом корешковым, а где и глубже — цифрой с корешком — вникал во все». Таков и землемер, знающий «досконально, во что и чьи заложены труды». Голоса этих народных представителей естественно выделяются из разноголосицы схода и вновь сливаются с нею, задают разговору верный тон.

Творческий почерк Е. Исаева обнаруживает явные следы связи с народно-поэтическим образным мышлением. В фольклоре все чувственно, зримо, осязаемо — и природные стихии, и олицетворения темных и светлых сил. Могучие символы большого размаха и глубины обобщения, свойственные поэмам Е. Исаева, поэтому-то так и эмоционально действенны, что предельно конкретны, повседневны, узнаваемы всеми. Пожалуй, как ничто другое, занимает воображение поэта память. Память человеческая. Она существует в жизни Е. Исаева как сложная социально-философская проблема, имеющая историческую протяженность и народную глубину. Но она же и «Босая Память — маленькая женщина», как босая мадонна с картин мастеров эпохи Возрождения, как босая молодая русская крестьянка из разоренной войной русской деревни. Идет она — полувоздушная, полуземная из страны в страну. И нет ее шагу преграды. Нет силы, способной стать на пути памяти и правды.

Свойственные поэзии Е. Исаева черты напоминают творчество других поэтов. Можно назвать Д. Кугультинова, Ю. Марцинкявичюса. Это, как правило, авторы, в творчестве которых явственно проступает национально-историческое содержание, поэтический облик которых так же, как и Е. Исаева, характеризуется народными чертами. Но и здесь поэма Е. Исаева образует свой индивидуально-неповторимый лад, который говорит о нем прежде всего как о русском поэте.

Стиху Е. Исаева присущи текучесть, диалектическая изменчивость образа. Только что он был конкретен, зрим, естествен, пропитан дыханием земли, плоти, обыкновенной жизни. Но вскоре приобрел прозрачность, глубину и снова спустился на землю — обрел форму, цвет, запах, индивидуальность. И так, как волны в океане, то на гребне, то в бездне, перекатываются, сталкиваются идеи и образы в поэмах Е. Исаева. Это его зримая особенность. У иных поэтов художественный образ обретает свою законченность в «отшелушивании» конкретного, в доведении конкретного до символического.

Мне кажется, что такая текучая образность поэзии Е. Исаева объясняется именно национальной стихией его творчества.

Память о том, кто мы есть, откуда родом, куда идем, на что

устремлены, неотделима у советских людей от дел, забот и тревог мира на всю его историческую протяженность и глубину. Настоящий же поэт — мудрый хранитель и постоянный возбудитель этой памяти — памяти народа и человечества. Таким предстает Е. Исаев в своем творчестве. Взаимоотношения человека и общества, свобода личности и ответственность ее за свое социальное поведение, ответственность человека за судьбу мира, за все, что в нем происходит, — эти и другие узловые вопросы выдвигаются в центр современных поэм.

Об этом свидетельствуют и новые небольшие по размерам, но емкие по смыслу произведения Егора Исаева «Двадцать пятый час», «Мои осенние поля», «Убил охотник журавля».

Сюжет «Двадцать пятого часа» прост. Обеспокоенный грозовым накалом сегодняшней мировой жизни, страж «вечной памяти» бронзовый солдат из Трептов-парка отправляется к новым поджигателям войны для последнего предостережения.

Кто там сказал: «В тени
огня?»
Кто там сказал: «В тени
ракет?»
Да будь он трижды
президент, —
Безумец он...

Открытый публицистический пафос поэмы основывается на точном социально-классовом анализе античеловечности природы отношений в буржуазном мире. Причем — и это для художника главное — анализ, размышление сливаются с патетикой, публицистическим пафосом в одном поэтическом образе.

В поэме «Двадцать пятый час» Егор Исаев равняется на достижения русской поэтической классики. Не в том только дело, что сразу напрашивается мысль о сходстве приема — сошествие с пьедестала Медного всадника в гениальной поэме А. С. Пушкина и сошествие с пьедестала солдата-освободителя в поэме Е. Исаева. Наверное, прием использован сознательно. Но дело не в нем, а в глубоком следовании гуманистической традиции, завещанной нам великой литературой предшествующих поколений. И в той, по примеру великих мастеров, работе над словом, когда в нем начинают проступать бездны смысла. Надо, чтобы общественной, идеологической зрелости нашей сегодняшней поэзии соответствовала зрелость художественная. Тут новая поэма Егора Исаева, ее высокий смысл, ее художественное достоинство — один из радующих ориентиров.

Поэма «Мои осенние поля» может служить своеобразным продолжением «Двадцать пятого часа». Она объясняет нам, откуда у поэта не общегражданское, а свое выстраданное, личное право выступать от имени миллионов. Потому-то он и может говорить от имени миллионов, что прожил жизнь каждого из близких ему людей, пропустил сквозь свое сердце их радости, боли, страдания. И наполнился светом их спокойного, сдержанного достоинства. Но лирический герой поэмы «Мои осенние поля» вобрал в себя не только приметы биографий своих земляков. В его душу вошли веками летящие над осенними полями прощальные крики журавлей и аистов, долгий вздох камыша, радость работы, кра-

сота лиц — все, что вместе составляет милый и добрый образ Родины.

Не тороплю усталый шаг,
Души своей не тороплю
И говорю себе:
Люблю,
До слез люблю такую пору.
Когда я сам, под стать простору,
Раскидан весь и отворен,
Как взрыв,
И тут же взят в полон
Тоской полей
Остро и хватко
До узелка...

Последняя из поэм автора — «Убил охотник журавля». В центре произведения фигура нравственно заблудившегося и вдруг разом прозревшего человека. Большого художника всегда узнаешь по особой прозорливой творческой смелости. Егор Исаев сумел разглядеть тревожные симптомы опасной болезни души в, казалось бы, несокрушимом здоровом народном организме.

Герой поэмы — труженик и воин, он из числа тех, на ком держится наша земля. И тем не менее завелась червоточинка довольства, сытости и духовной вседозволенности. «Убил охотник журавля», и теперь совесть не дает покоя, счищая как наждаком коросту с души, напоминая о настоящих ценностях жизни и чести.

Поэма «Убил охотник журавля» — это исповедь исстрадавшейся совести, вновь наставившей человека на праведный путь, вернувшей ему радость существования с Родиной, людьми, с истинными, проверенными и прочными ценностями бытия. Словом, поэма вновь очень «исаевская» со сквозным для его творчества мотивом — сохранения человеческого в человеке.

Последние небольшие поэмы Егора Исаева отличаются мощью эпического дыхания, естественностью поэтических образов. Они, несомненно, активизируют современные творческие поиски. В них решение жгучих проблем нашего тревожного времени осуществляется на высоком художественном уровне.

Ныне можно с уверенностью сказать, что поэзия Егора Исаева находится на творческом взлете.

●

И. ШЕВЕЛЕВА

ЗВЕЗДНОЕ ПОЛЕ

О ПОЭЗИИ ИВАНА САВЕЛЬЕВА

Поколение поэтов, заявившее о себе в 60-х годах, до сих пор вносит в поэзию богатство жизненных красок, голосов, судеб. И это — свидетельство мужания послевоенной поэзии, основательности и перспективности ее главных направлений. Поэт Иван Савельев — один из ярких представителей этого поколения. Лирика И. Савельева естественно влилась в слово о родной земле, ее испытаниях и победах, личностно-неповторимым светом пронзила память о военной поре, о тяготах послевоенной деревни, отражает и перемены сегодняшнего дня, его великие преобразования. Так же своеобразно воплотился в лирическом герое И. Савельева и современный человек.

Образ человека у Савельева прежде всего сыновний, неотделимый от образа земли-матери. Потому многообразны у Савельева образы-мотивы любви человека к земле и земли к человеку. Это и осознание человеком взращенной в нем землей силы, запас духовной прочности на всю жизнь: «Я ничего на свете не боюсь! Рожденного в смоленском захолустье, меня с пеленок пестовала Русь...» И глубокое доверие: «Жить без тебя —

как без свободы жить. И потому, пусть даже и с повинной. Прийти к тебе и голову склонить без всяких слов не страшно и не стыдно». Чувство, обращенное к земле, то же, что и высказываемое матери. С единой речью идет к ним поэт, и в ней рождается целостный их образ. Глядя на изработавшиеся, крестьянские руки матери, поэт словно бы прослеживает незримую родственную связь:

Не представляю без тебя земли,
Той, пахотной, под озимью и паром,
Не представляю луга без тебя,
И леса, и речонки, и мосточка.
Да что там лес?
Простой болотной кочки
Я на земле не мыслю без тебя.

А глядя на «вчерашних жителей деревни», которых «в деревне шефами зовут», он понимает, что и земля не представляет себя без человека:

И, принимая эту малость,
О них задумалась земля:
«Да, я им матерью осталась,
А вдруг они не сыновья?»

И потому всем напряжением, всей высотой лирического чувства поэт добивается зримого, художественно правдивого воплощения собственного своего присутствия в жизни земли и матери. И благодарность и любовь поэта вызвали острое понимание необходимости этого творческого долга. Желание выразить себя воплотилось в щемящей сердце поэтической картине:

Полумесяцем серп сверкающий —
Это матушка вышла жать...
За волной твоей убегающей
Мне, мальчишке, легко бежать.

Я ржаные купаю волосы
В волнах, льющихся на большак.
И встают снопы — колос к колосу,
И от хлеба пьяна душа.

Надвигаются тучи с запада.
Молний бьющийся пересверк...
Я такого ржаного запаха
Не услышу уже вовек.

С сыновней тревогой говорит поэт о самом дорогом: «Я не знаю, доколь она будет на земле небогатой моей... Умирают деревни, как люди, — берегите же их, как людей!»

Приникая душой к родной деревне, исчерпывая ее чувством, поэт предстает не только певцом, но и защитником ее. Здесь истоки общей его жизненной позиции, того «стояния на страже», что стало определяющей чертой творческого облика И. Савельева. Отсюда его обостренная чуткость к родственной взаимосвязанности окружающего, как в ближнем, так и в дальнем:

Как перед битвой, сердце здесь стучит,
Здесь жил и рос, а вижу все впервые,
Ты — ключ-земля святой земли —
России,
И потому чисты ее ключи...

Природное, родовое, сыновнее чувство вошло в судьбу и характер поэта. От него — прямой путь к просторам Отечества, к гражданскому чувству. Само это мужественное, духовное взросление человека глубоко волнует И. Савельева. Можно сказать, эта тема постоянно присутствует в его творчестве. Начиная от мгновения, запечатленного в шутливых на первый взгляд строчках из стихотворения-воспоминания о бабушкиных сказках: «Но, решительный ребенок, говорю себе: «Не трусь!» Вырастаю из пеленок, гражданином становлюсь». Продолжаясь познанием: «Простор души соизмерим с простором Отечества, России, для которой нам жить дано и видеть далеко...»

В этом гражданском, историческом видении в свои права вступает отцовское наследие. Образ отца у Савельева столь же многозначен, эпичен, как и материнский. Отец — продолжатель рода землепашцев, солдат, хранитель заветов. В его образе содержатся и тревожащие черты времени: «Единственный мужчина в Рудакове, еще ты держишь марку мужиков». Поэт создает целостный образ отца, достойно прожившего жизнь:

И скидки нет, и нет тебе покоя,
И новый день открытий не сулит,
Но что-то тебе видится такое,
Что мне еще увидеть предстоит.

Обостренно развито чувство наследника у Савельева. Именно здесь поэт показал себя талантливым мастером «глубокой пахоты», плотью от плоти народной. Без стихов о земном происхождении своем, о родной стороне трудно представить гражданственный пафос его творчества, его лирическое своеобразие. Поэт проникает в злободневные проблемы наших дней и заглядывает в даль грядущего.

Земные судьбы — на весах,
Как и само существованье...
А мы хотим в других мирах
Постигнуть тайны мирозданья.

В тревожную пору земного существования поэт верует в умножающуюся волю человека, в победу созидающего разума. И эта вера в человеческие силы, победный пафос поэтических строк — тоже перешедшие от поколения, победившего в бою «ради жизни на земле». Недаром его стихотворение «Земные судьбы на весах» — прямой ответ на строки В. Федорова, поставленные в эпиграфе: «Что ж ищешь ты в других мирах?» И. Савельев вообще во многом идет от ведущих тем поэзии В. Федорова. Поэт словно ведет диалог поколений — диалог победного прошлого и нынешнего утверждающего дня.

Да мы затем и отстояли
Мир красоты и доброты,

Чтоб безупречно совпадали
Лица и времени черты.

Это живое продолжение главной творческой мысли В. Федорова: «За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих мы заплатили красотой». И. Савельев видит красоту человека в его соотнесенности со временем. Он борется за красоту времени и в этом чувствует «свою необходимость и предназначенье на земле...». И видит в этом не подвиг одиночки, а великое дело преемственности:

Ствол людской годами не подрезан,
Зренье не покинуло глаза...
Слева — подрастающий подлесок,
Справа — горделивые леса...

Предо мной — держу его равненье! —
Бито — не убитое войной,
Высится большое поколенье
И в плечах широкое — за мной.

И когда появляется необходимость взглянуть на сегодняшнего человека и с позиций грядущего увидеть его «космический образ», поэт призывает на помощь науку. Но не затем, чтобы «скопировать» отвлеченную схему, формулу человека, а затем, чтобы и науку вовлечь в высшее, творческое понимание человека, «в живое дело сотворения»:

Материя, за миллиарды лет —
Не чудо ли? —
Ты мыслить научилась.
Ты наделила памятью меня.
Дала мне речь, в глаза вложила зренье.
Из плазменного мощного огня
Ты выковала мне воображенье.

От этого образа веет древней, мифологической мощью... Поэт увидел его в реальном современнике: «Ты так могуч — мне страшно за тебя». Страшно — потому что человек сам еще не в силах совладать со своим могуществом, не осознает предназначенности его, употребляя порой его во вред себе. Отсюда — частые мотивы предостережения в лирике И. Савельева, в первую очередь себе — человеку.

«Не сотвори себе кумира!..» —
Не выдержал и сотворил.
Жил долго, но не видел мира —
Все он, великий, заслонил.

А перед тем последним сроком,
Когда и с вечностью на «ты»,
Он взгляд простер к земле далекой
И — ужаснулся слепоты.

На что обращено все мощное в человеке — вот главный поиск поэта, взывающего прежде всего к разуму людскому. Порой ка-

жется, что И. Савельев слишком уж часто указывает на примеры человеческой «слепоты», корит за них, но это оттого, что сам он пронизан побудительными стремлениями, что ему не терпится дождаться расцвета и полного торжества разума. «Хочу увидеть то, что будет, чего увидеть не смогу: братанье человечьих судеб на дальнем звездном берегу». И это стремление — юное, наивное в своей безоглядности. Однако в нем как раз и проявляется могущество человека, глядевшего в лицо Победы, знающего силу всеобщего родства...

Нет, нас не только частности влекли,
Когда сжигали мысль над теоремой
Устойчивости Солнечной системы,
А значит — и ее, родной Земли.
Нас в космос влек не «частный интерес».
Что обусловлен жаждой любопытства, —
Мы бьемся, чтоб могли скорее слиться
Земная песнь и музыка небес.
И не затем ли к Разуму пришла
Природа сквозь огонь противоречий,
Чтобы взвалить на человечьи плечи
Все, что сама нести изнемогла?..

Изначальное чутье этой своей «вселенской сущности», предназначенности всегда таилось в недрах народного сознания, непосредственно высказывалось народными мыслителями, присутствовало в народно-поэтическом творчестве. И русская поэзия издавна приникала к этому, из самых недр земных, источнику. «Не может быть, чтобы мои идеи влиянья не имели на природу!» — восклицал Кольцов, шедший от корней народного мироощущения. Интересно, что И. Савельев словно вторит вослед ему: «Не может быть, чтоб не было иных пространств, времен, иных соотношений добра и зла...»

Но не в иных мирах, а на земле человек давно уже «перекликался» с космосом. Может быть, он не предвидел еще тех слов, которыми с научной точностью мог бы передать проявление процессов, одновременно происходящих и в нем самом, и во Вселенной... Сегодняшний язык достаточно насыщен космическим словарем. И. Савельев, вооружаясь научной терминологией, создает образный ее «вариант». Таков, например, в представлении поэта и сам процесс творчества:

О вихрей крутящийся голос,
Направленно бьющий к земле,
Где звездные зерна мололись
В туманной космической мгле!

Я мысленно видел лавину
На ядра летящих частиц —
И высвобождались нейтрино,
Не зная в полете границ.

И в вихре чудовищно грозном
Я мудрую тайну постиг,
Ведь слышал я в голосе звездном
Рождения радостный крик!

И сквозь немоту пролетающий,
Он падал и в бездне тонул...
И сам я в себе нарастающий
Услышал космический гул.

Не так ли, боясь передышки,
Горим мы в огне ремесла,
Как та, испытавшая вспышку
Звезда, что язык обрела?

Едины, родственны созидательные процессы, но человеку мало испытывать их — ему надо, запечатлевая, осмыслить. Вдохновенное напряжение «мысленного зрения» поэта рождает яркие, «сверхновые» образы — звездной молотьбы, человека-звезды... Этой задаче служит и настойчивое введение поэтом научных терминов в поэзию, увлеченное описание языком образов конкретных научных фактов, открытий. Для него нет «отдельно» науки и «отдельно» человека, живущего своей повседневностью. Это — единый художественный образ, воплощающий единый смысл мироздания.

Оттого самое дорогое для него и на планете, и во Вселенной — жизнь людская. Это синтез гражданского чувства поэта «на скрещении» путей материи, человеческого разума, сегодняшних судеб народов и государств. «Какую силу вакуум таит! Из «ничего» галактики родятся», — с радостным изумлением узнает поэт о последнем открытии науки. Он задумывается над поразившим его фактом — и его собственная художническая мысль, рождая зримую картину: «Ты возмущен — и в темной жуткой мгле о катастрофе скажут вспышки света...» — мгновенно упирается в факт из его творческой науки: «Вы, жаждущие ныне на земле аннигиляций, — помните об этом».

Вообще настоящая поэзия никогда не тратила своих сил на описание одних лишь удивительных, поражающих воображение фактов, не стремилась к популяризации. Не забавлялась она и «новомодными» одеждами ради самих одежд. Во всех областях жизни и человеческой мысли она брала свое, необходимое ей для всеобъемлющего слова о человеке. Так и сегодняшней поэзии не обойтись без космической темы. Для И. Савельева она стала его личностной, лирической темой. На его кровное чувство родства как единственного способа существования человека работает и увлекающая его в науке возможность реального сопряжения беспредельного с сиюминутным...

Современная борьба за мир для И. Савельева — дело кровное, гражданственное. Это единая цель разума и природы, явлений творящих. Разрушительно же всегда Безумие. Образ его развернуто дан И. Савельевым в «Поэме Безумия». Тема рождается из сна поэта: «Я, как Земля, кругом, со всех сторон, ракетами безумно начинен». В поэме предстает и безумная толпа, впавшая в гипноз войны и шовинизма: «Сметем заразу коммунизма!» — и предводитель ее, президент, с этими словами вошедший некогда в Белый дом... «под гул рукоплесканий». И вот — он один остается на земле... Тут не поиск виноватых — а тот спрос лично с тебя, рядового ли, президента... Тот спрос, что с болью стремится вызвать в душе вражеского солдата поэт Е. Исаев в своей поэме «Суд памяти». И тот, что с великой болью держит

перед собой и народом «бессмертный маршал» Жуков — герой поэмы В. Сорокина. Но какой бы разной ни была мера ответственности, спрос един: кому ты служил — жизни или смерти? У поэта упреждающий спрос:

— Ну что же ты не с нами, президент? —
Вдруг грянуло над замершей толпой, —
А мы ведь были до конца с тобой!

Вершиной страшного сна поэта вырастает гора сердец человеческих — «и вдруг из каждого взметнулся гриб, как первый, тот, что встал над Хиросимой»... Образ взрывающегося сердца страшен, но не только своей конкретной зримостью, а и тем, что за ним полная и окончательная гибель человечества — уничтожение будущего. А ведь Савельеву доступен и иной смысл его, жизнеутверждающий: «Давай, душа, стараться, чтоб прежде, чем взорваться, — Вселенную родить!»

Скромное, терпеливое это слово «стараться» — синоним каждодневного подвига жизни. Здесь Савельев вновь перекликается с В. Федоровым, разделяя его «ненависть к лениво ждущим»...

Дело поэта — во всем, даже в самом пугающем, отвращающем наши умы и чувства, но реально грозящем гибелью отыскать «равнодействующую» линию жизненного поведения человека. А главное, поддерживать огонь оптимизма, не позволять человеку сдаваться, нести людям горение духа.

Стоим, как звезды, на посту,
Права гражданства обеспечивая
Всем,
верящим
еще
в Мечту, —
И тем спасаем человечество.

Так говорит поэт о себе, своем народе, своей стране. Говорит всему миру и каждому конкретному своему читателю:

Читатели, товарищи мои,
Мы — космонавты,
Ибо мы — земляне,
Летящие в безбрежном океане...
Какие ждут нас новые бои?
К тебе, читатель, все мои слова,
На будущее — гордые надежды,
Срывай с безумцев лживые одежды,
На право жить отстаивай права
И подымай — безумью вопреки —
Свою решимость до конца бороться.
И, может, от одной твоей руки
Зависит все, что будущим зовется.

Превратить энергию ожидания в энергию деяния разума — это доступно «поэтической науке». Ей доступно раздвигать пределы времени. Таков отныне на земле «Час великий» — час памяти. В этот час Родина произносит «поименно павших имена, поимен-

по — двадцать миллионов». Насыщенное памятью человеческое чувство требует от поэзии этого свершения. И подтверждение тому — удивительная перекличка: реальное присутствие в жизни людской часа памяти запечатлено в сегодняшней, ставшей широко известной поэме Е. Исаева «Двадцать пятый час». Совпадение неслучайное: И. Савельев — прямой ученик Е. Исаева в поэтическом деле, вобравший не только творческий, но и жизненный опыт поэта-фронтовика. Время словно уже и не может вместить пережитое человечеством. Как бы плотно сегодня ни совместились в нашем сознании исторические пласты, как бы ни уплотнилась, сплавилась в новом единстве национально-историческая мысль, идущая от поля Куликова. «Ты вся — сплошное поле Куликово на протяженье многих сотен лет» — так афористично сказалась эта мысль у В. Фирсова.

«Себя сберечь — Русь не сберечь!» — восклицает государь московский князь Донской в одноименной поэме В. Сорокина. Поэту удалось в ней поднять воодушевлявшую предков и живущую в нас государственную мысль. Та же мысль в лирическом прозрении Ивана Савельева предстала как «низовая», «изнутри народная» в его поэме о Куликовской битве «Пересвет»:

Твою мне чашу
Не испить, Победа, —
Зашлось во мне, пронзенное копьем
Неистовое сердце Пересвета.

Сердцем своим вобрал поэт чистый образ русского героя — в его жажде истины, света среди кровавых усобиц, в его любви, предугаданной поэтом и лишь недавно подтвержденной летописными разысканиями, в мощной простоте его подвига — без оружия. И «Пересвет» И. Савельева, и «Дмитрий Донской» В. Сорокина стали звучным, внятным благодарным откликом потомков ко дню шестисотлетия Куликовской битвы. Не данью истории, а той живой памятью, без которой нет подлинного образа современника.

Память лирического героя И. Савельева вобрала то, без чего для него невозможно овладение будущим: «Нет памяти — утеряна свобода...», «И, может, смерть былых цивилизаций последствием беспамятства была?» Источник гордости поэта в том, что для его народа такой угрозы не существует. Первейший залог тому — материнская память:

Не изгладится матушкин взгляд,
И в разлуку глаза не уйдут.

Только им и дано на земле —
От рожденья до скорбного дня —

Свет грядущих и прожитых лет
Без потерь доносить до меня.

И еще более веским обобщением звучат строки:

Прекрасна память матери моей,
Что все хранит, чего не помнят дети,

Огни побед и пламя лихолетий,
Как на посту, стоят в глазах у ней.

Но поэту было дано и самому стать сопричастным к этой памяти...

Давно прошел тот детский страх,
А мне все снятся
Повешенные на столбах
В дни оккупации.

Летят года. Гремит гроза
Под солнцем летним, —
А я все вижу их глаза
За миг до смерти...

Художническому чувству И. Савельева органически несвойственна тяга к выписыванию трагических подробностей в их физиологической, что ли, реальности... Это вообще несвойственно русскому искусству, объединяющему, а не раздробляющему чувства. Но память поэта не унимается, заставляя выплескивать общую боль... Ему родственны чувства ровесника из другой страны — болгарского поэта Любомира Левчева.

В этот день
я не увидел птиц.
В это утро
солнце не вставало.
Лишь веревка черная
убийц
головы повешенных качала!..
(Перевод И. Савельева)

Горьким братством соединила эпоха рожденных вдали друг от друга, но испытавших общую боль людей. «И закрывал глядящие незримо глаза уже далекого отца» — словно вспомнив свое горе, И. Савельев переводит строки поэта братской страны. Скрепленные кровью отцов, поэты-ровесники несут с собой историческую память, берут на себя дар провидения.

Предсказываю долгие года
Деревне на проселочной дороге,
Избушке, не скрывающей тревоги,
Где жить уже не буду никогда, —
Предсказываю долгие года.

Предсказываю долгие года
Всем, что пришли и принесли Победу,
И даже вам, ушедшим навсегда,
В делах моих,
И тех, кто мне неведом,
Пути не прерывая, выйдет следом, —
Предсказываю долгие года.

От истока памяти набирают силу думы о человечестве, так широко, остро обозримые современной литературой. И. Савельев

с глубоким вниманием, с братской радостью встречает их в творчестве товарищей по перу, пишет об этом в своих литературно-критических статьях. И здесь он прежде всего стремится указать на высшие ориентиры сегодняшней людской мысли, на стрежневое течение литературного потока, будь то поэзия или проза: «...повести и романы, события которых удалены друг от друга на расстояние десятилетий, повествуя о трех пластах времени, говорят об одном: люди ищут Дорогу Вечной Жизни, на которую из дебрей недоверия и вражды выбирается ныне мятущееся человечество». Этой же заботой отмечен и его поиск литературных форм.

Выступивший впервые с книгами лирических стихотворений, И. Савельев считает поэму наиболее современной поэтической формой. Это не только обретение собственной творческой зрелости, мужание письма, усвоение опыта учителей, в первую очередь Е. Исаева, — это и свидетельство общей зрелости поэзии послевоенного периода. И. Савельев так понимает и объясняет это явление: «...лаконичность стихотворения, его сиюминутность, что ли, не дают возможности прийти к крупным поэтическим обобщениям». На примере его творчества также видно, что такая пора настала. Для И. Савельева поэма не только более просторное лирическое дыхание, свобода развития мысли, а прежде всего возможность создания соразмерных времени художественных образов. Таких, как в поэме «Земля живая».

Земля — живая для фронтовика, отдавшего войне свои руки крестьянина. Щедро одаренный талантом труда, человек отзывчивого сердца, воевавший, партизанивший в интернациональных отрядах Европы, в мирной жизни герой поэмы Иван тяжело переносит непригодность свою к привычному труду:

Сынок, безруким можно жить —
Но пахарей безруких нету!

И только смерть жены, легшей в землю от его беды, воскрешает в герое талант верности — верности жизни, земле. Образ живой земли полнозвучно выражен и в судьбах других героев поэмы, каждый из которых вносит что-то свое в это понимание. Секретарь райкома Потапов, молодой тракторист Петька, не стареющая в памяти родной округи девчонка Маша... — для них нет ничего страшнее, чем утратить это чувство живой связи с землей, сменив ее на иные, ложные ценности. Разлука человека с землей приносит взаимные беды и боли. Все переливы чувства живой земли людей вошли и в сердце главного героя поэмы Василия, Иванова сына, преобразив его, наделив даром сродни чудодейственному: переносить жизнь на полотно. Через отцовские муки по крестьянской работе пришло к Василию первое осознание:

И, словно что-то вспоминая,
Василий,
глядя на межу,
Сказал:
— Земля, она — живая,
Я это слышу, как пашу.

Признание художника Василий обретает в наивных на первый взгляд словах зрителя его картины: «А эта речка, до его

картины, я помню, на Смоленщине текла...» Тут речь не о похожести — о сущности самого процесса многократного сотворения жизни. Перенося на полотно живую землю, Василий навсегда остается с нею. Поэт, «пересказывая» полотно своего героя, вносит в него и свои черты «вселенского» образа земли:

Земля была за миг перед рассветом
(Лежал туман. Темнел прохладный лес),
Вся залита
Неуловимым светом,
Невидимым,
Струящимся с небес.

А у реки светлела шапка стога.
И к горизонту,
В небо,
В высоту
Бежала бесконечная дорога.
В песчинках и росинках, как в поту...

Ей, отдохнувшей,
Хорошо бежалось
В примолкших колокольчиках земли.
И в Млечный Путь —
Василию казалось —
Текли ее крутые колеи...

«Пейзаж жизни»... Поэт сам как бы растворяется в нем, воссоздавая его заново с каждой неприметной судьбой. И оказывается, что нет забытых людей и что земля, родные края охраняют незримое присутствие всех, кто населял их.

Жизнь для поэта — всегда событие, вечно происходящее. В нее и вплетается лирическая линия поэзии И. Савельева — издалека заведенная речь о том, как человек возник из материи, осознал необходимость своего появления, прикоснулся к бессмертию... Как ощутил свои корни, свое национальное самосознание в Куликовской битве: «И, может быть, с той самой сечи я русским настоящим стал». И мы видим — что ни веха на его пути, то это всегда веха рождения человека. Даже в самых трагических мгновениях поэт видит прежде всего рождающий миг. Так, женщина, телом своим заслонившая ребенка от бомб, подарила ему жизнь. Савельев именно так воссоздает это событие-свершение:

Нестерпимо жжет крапива,
И грудей палящий зной...
За мгновение до взрыва
Жизнь подарена тобой.

И надтреснутый, горячий
Голос
Надо мной дрожит:
«После ***этого****,*
Мой мальчик,
Долго-долго будешь жить...»

Я живу...
Но тот мальчонка —
Как бы мы ни разошлись —
Все несет к тебе ручонки —
Ускользающую жизнь...

Все возможно в жизни, можно дважды родиться, стать бессмертным. Наше искусство всегда служило этой человеческой вере. И среди других законов в нем неизменно правит закон вечного обновления, чудо повторения: «Я знаю, песня повторится, лишь вовремя ее запеть». В этом и «правда русских раздольных полей, что сказалась овсами и рожью»:

Никогда никому не дано
Равнодушьем тебя обезличить.
Слышу: песнь повторяется птичья.
Вижу: в землю ложится зерно.

Вечный закон «похожести» нисколько не угнетает поэта: «Лишь повторить себя, как ветви ждут повторения плодов». Сродни ему и «чудо постоянства», проверенное, как на чувстве верной любви к женщине. Любовь для поэта — это чудо, выпадающее из времени и пространства, единственно не повторяющееся:

Когда мечтаю о тебе,
О свете глаз твоих ответном,
Я вновь и вновь кажусь себе
Цветком, до времени отцветшим.

И, словно отводя беду,
Которую до срока понял,
Не голову, а жизнь кладу
В твои горячие ладони.

Но даже в миг, когда руки
Ты от волос не отрываешь,
Мне чудится: ты лепестки
Последние перебираешь...

Особый, неяркий, но светло-проникновенный колорит Смоленщины овеял творчество ее поэтов. Сегодня можно говорить о настоящей плеяде, в которой горят и звезды такой величины, как Александр Твардовский, Михаил Исаковский... «Смоленская традиция» русской советской поэзии продолжается именами Николая Рыленкова, Владимира Фирсова и Ивана Савельева. Она неотрывна от традиции края, вписавшего яркие, героические страницы в нашу историю.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

КРЕПЧЕ БРОНИ И СИЛЬНЕЕ ОГНЯ

Роман Ф. П. Распоркина «Генералы и солдаты» отображает события заключительного этапа войны, боевые действия советских войск в Прибалтике и Восточной Пруссии в 1944—1945 годах.

Федор Распоркин в 41-м году добровольцем ушел на фронт. А год спустя, после окончания военного училища, командовал артиллерийской батареей. На полях сражений под Сталинградом и Шяуляем, Тильзитом и Кенигсбергом постигал Федор Распоркин нелегкую науку побеждать. Там зародилась в его сознании мысль написать когда-нибудь о людях, которые по духу своему были крепче брони и сильнее огня. Там из напряженных фронтовых будней складывались первые страницы будущей книги о войне, создавались образы будущих героев книги.

Прошло немало времени после Великой Победы, прежде чем Федор Распоркин, глубоко осмыслив пережитое, взялся за создание крупного эпического произведения, каким является роман «Генералы и солдаты». Этому роману предшествовал цикл рассказов на военную тему, повести «Последний прорыв», «Еремей»... Именно они явились основой, фундаментом будущей книги, вместившей в себя богатый фронтовой опыт автора, его кропотливую работу в военных архивах, многолетнюю переписку с участниками минувшей войны, очевидцами описанных в романе сцен и событий.

На фоне стремительно развивающихся событий Восточно-Прусской операции в часто изменяющейся боевой обстановке живут и действуют герои-фронтовики, в большинстве своем люди реальные. Среди них главное место, конечно же, отводится командующему 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховскому — талантливому полководцу, человеку незаурядному и в то же время удивительно простому, умею-

Ф. Распоркин. Генералы и солдаты. Роман. М., Воениздат, 1984.

щему понимать душу солдата, ценить и беречь его в бою. Командующий 3-м Белорусским видится читателю человеком, способным самокритично анализировать свои действия и поступки, признавать ошибки. Поэтому он трезво оценивает одержанные над гитлеровскими генералами победы в ходе ряда успешно проведенных им наступательных операций, в частности, в Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии. В книге показано, насколько творчески полководец использовал накопленный за годы войны опыт, особенно в Восточной Пруссии, со взятием которой открывался путь к логову фашистского зверя — Берлину. Черняховского любили и уважали в войсках, верили в его полководческий талант, твердую волю и решимость беспощадно громить врага, как бы крепок и изворотлив он ни был. Точны, жизненно реальны портреты и образы генералов: Баграмяна, Покровского, Макарова, Галицкого, Стрельбицкого, Белобородова, Лучинского, Людникова, Батицкого и многих других. Разумеется, не все они выписаны столь обстоятельно и подробно, как, скажем, Черняховский или Чанчибадзе, но автор, судя по всему, и не ставил перед собой такой цели. И все-таки порой несколько штрихов, брошенных этими людьми лаконичных фраз, их кажущиеся на первый взгляд неброскими дела и поступки дают читателю понять — во главе армий, корпусов и дивизий стояли генералы, которым по плечу было решать самые сложные задачи стратегического значения.

Особенно много в романе сказано о генерал-лейтенанте П. Г. Чанчибадзе — командующем 2-й гвардейской ударной армией. Он предстает перед читателем фигурой весьма колоритной. Создавая его образ, автор достоверно и без прикрас показывает темпераментного, зачастую противоречивого, полного достоинства командарма. Ему свойственны такие присущие полководцу качества, как решительность и настойчивость, непреклонная воля, умение доводить начатое дело до конца. В то же время, изображая своего героя в динамике боевых действий, в период недолгих затиший перед боем, Ф. Распоркин верно подмечает вспыльчивость генерала Чанчибадзе, чрезмерную категоричность в суждениях. Как человек, знавший генерала Чанчибадзе, не могу не согласиться с тем, насколько точен нарисованный автором книги портрет одного из ее героев.

Удачным представляется и собирательный образ командира одной из стрелковых дивизий Ратибора. В его фамилии есть нечто былинное. Да и сам Ратибор, человек пожилой, степенный, чем-то напоминает героя народного эпоса. В гражданскую войну он получил орден Красного Знамени. От Ратибора веет силой, надежностью и спокойствием. Ему свойственны житейская мудрость и неторопливость. Однако неторопливость и степенность эти кажущиеся. В кульминационные или критические моменты боя комдив способен быстро оценивать обстановку, оперативно принимать решения. Его дивизии немцы боялись: в Витебской операции она участвовала в окружении, а затем и в уничтоже-

нии 53-го немецкого армейского корпуса, за что и получила звание «Витебской».

Примечательным представляется тот факт, что, показывая советских генералов непосредственно в ходе боевых действий, автор со знанием дела, не отступая от реальной действительности, воссоздает складывавшуюся тогда оперативную обстановку. На конкретных, взятых из фронтовой практики примерах, показывает, какие принимались решения, как организовывалось взаимодействие между родами войск, осуществлялось управление ими на полях сражений. Командиры различных рангов и степеней предстают знатоками военного дела, искусными стратегами и тактиками, хорошо знающими уловки врага, тонкими психологами, людьми гибкими и в то же время решительными, волевыми. В опоре на командиров полкового, батальонного и ротного звена, на политорганы, коммунистов и комсомольцев, в тесной связи с солдатскими массами видят они главный путь к победе.

В романе очень убедительно раскрыто и показано духовное единство наших генералов, офицеров и солдат, общность целей и устремлений — настоящее войсковое товарищество и фронтовое братство. Запоминается рядовой Акимка, с которым И. Д. Черняховский повстречался в траншее во время артобстрела. Вызывает уважение и боец-артиллерист Еремей Зимаков, ни разу не дрогнувший перед немецкими танками, расстреливая их в упор.

Несомненной авторской удачей является образ молодого коммуниста капитана Дмитрия Урванцева. В жарких схватках с врагом постигает артиллерийский командир «грамматику боя, язык батарей», не раз отличается на поле брани в поединках с гитлеровскими «тиграми», «пантерами» и «фердинандами». А однажды в критической ситуации успевает вместе с бойцами вовремя прийти на выручку неожиданно атакованному фашистами КП армии.

Молодой, энергичный Урванцев все время рвется в бой. Едва подлечившись после ранения, он возвращается в родную часть, снова бьет ненавистного врага, воодушевляя своим мужеством и бесстрашием подчиненных. В этом офицер видел свой воинский и партийный долг.

Партийный долг. Он вел в бой не только Дмитрия Урванцева. К концу Великой Отечественной войны в рядах наших доблестных Вооруженных Сил сражалось около 3,5 миллиона бойцов ленинской Коммунистической партии. Дмитрий Урванцев был одним из них. За несколько месяцев до Победы истек его кандидатский стаж, и Дмитрий с нетерпением и волнением ждал партийного собрания, на котором товарищи должны были сказать ему, достоин ли он высокого звания члена партии.

В книге с большой достоверностью показаны политработники — член Военного совета 3-го Белорусского фронта генерал Макаров, начальник политотдела дивизии, где служит Урванцев, полковник Уваров... Эти люди обладают способностью прямо и открыто говорить правду, умением в нужный момент, где шуткой, а где страстным призывным словом, всколыхнуть, за-

жечь, воодушевить бойцов и командиров на героические дела и поступки. Такие же качества коммунистов-ленинцев присущи и погибшему под Шяуляем замполиту, которого Урванцев и его товарищи между собой называли просто и задушевно — Авдеичем, лейтенанту-ленинградцу, секретарю парторганизации дивизиона, вступившему в партию еще в годы гражданской войны; связисту Петрову, человеку крепкой партийной закалки. Двое последних порекомендовали Дмитрия Урванцева в партию. Этих людей, всегда подтянутых и готовых выполнить самое трудное задание, уважали в подразделении, им доверяли. Они олицетворяли собой силу и совесть партии.

Нельзя без волнения читать о том, как проходило партийное собрание, на котором капитана Урванцева принимали в члены ВКП(б). За годы войны мне часто приходилось бывать на таких собраниях и видеть, какой мощный заряд энергии и вдохновения несли они людям. Описываемое в романе собрание не является исключением. Для Урванцева, единогласно принятого в партийные ряды, оно явилось хорошей школой воспитания, осталось в памяти на всю жизнь, как и память о погибших накануне коммунистах его парторганизации — капитане Донатове, младшем лейтенанте Хабибулине, рядовом Петрове...

Как это нередко случалось, обсудить второй вопрос повестки дня о поведении коммунистов в бою и в боевой обстановке артиллеристы не успели: помешали наступавшие немецкие танки.

«Товарищи! — обратился к участникам собрания секретарь парторганизации. — Нас здесь немного, но мы — политическое ядро дивизиона, ведем за собой партийные массы, и вы понимаете, чего от нас требуют Родина и партия. Стойкости! Но этого мало — умения воевать и быть примером для солдат!..»

В резолюции, зачитанной командиром одной из батарей, кавалером трех орденов, говорилось, что у коммунистов дивизиона есть только одно право — идти вперед.

«...Собрание закончилось. Все устремились в свои подразделения, сражающиеся с наседающим врагом. Побежал в свою батарею и Урванцев, — заключает этот эпизод автор романа, — и поспел в самый раз: батальон просил огня!»

Книга Ф. Распоркина — не просто содержательный рассказ о наших генералах и солдатах, сообща ковавших победу над ненавистным врагом. В ней показаны и некоторые высшие чины германского вермахта, офицеры и солдаты бесноватого фюрера. В лице изображенных в романе гитлеровских генералов Фриснера, Шернера, Рейнгарда читателю показаны враги жестокие, люто ненавидевшие наш, социалистический строй, наш народ. Гигантская пропасть разделяет гитлеровских генералов, офицеров и солдат. В последних они видят лишь слепых исполнителей приказов, и потому под дулами пулеметов и автоматов гонят их в атаку, расстреливают и вешают за «предательство» и «измену нации», если кому-то из старших чинов почудилось, что солдат решил сдаться в плен русским или без команды покинул окоп.

Есть в романе эпизоды, раскрывающие звериный облик немецко-фашистских захватчиков. Они не плод авторского воображения, а документальное свидетельство и подтверждение многочисленных злодеяний, совершенных гитлеровскими завоевателями. Здесь надо заметить, что в книге, созданной на документально-историческом материале, приводится немало выдержек из боевых документов военных лет. Они значительно обогащают как содержание книги, так и наше представление о героическом прошлом Родины, ее доблестных защитниках.

Роман, к сожалению, имеет и некоторые недостатки. В частности, автору не удалось избежать отдельных исторических неточностей. Думается, не совсем полно раскрыт и показан им оперативно-стратегический талант И. Д. Черняховского. Тем не менее книга читается с неослабевающим интересом. Ее логическим завершением является исторический незабываемый парад нашей Великой Победы, в котором участвует Дмитрий Урванцев, ставший впоследствии генерал-лейтенантом, участвуют люди, прошагавшие с боями пол-Европы и спасшие мир от гитлеровской коричневой чумы.

На высокой оптимистической ноте заканчивается роман «Генералы и солдаты»: «Непобедима Россия! Была. Есть. И будет!» Под этими словами может с гордостью поставить свою подпись каждый советский человек, всегда готовый защитить Родину от любого врага.

С. ВАСЯГИН,
генерал армии

ИМЕНА ГЕРОЕВ НА ПОВЕРКЕ

«Так уж устроен человек: можно долго предчувствовать надвигающуюся беду, а когда она придет, кажется, что свалилась нежданно. Такой внезапной бедой для нашего народа стала война. По-разному она вторглась в жизнь людей. Меня подняла с постели в четыре часа утра 22 июня 1941 года...» — вспоминает Кирилл Трофимович Мазуров, автор книги «Незабываемое».

Эту книгу читаешь как документ эпохи. В ней спрессовано время лихолетья, людские судьбы... В книге показана Белоруссия партизанская, сражающаяся, горящая земля, за три года оккупации так и не ставшая врагу тылом, Белоруссия, где, по признанию главарей рейха, немцы так и не нашли себе пособников, Белоруссия, где погиб каждый четвертый житель...

Читая и перечитывая наиболее интересные эпизоды книги, невольно останавливаешься на представленных фотографиях. Вот Петр Миронович Машеров, совсем юный, но уже с Золотой Звездой на груди, вот герои партизанской войны И. Е. Поляков, Н. Д. Рудак, В. И. Лузгин, вот рядом молодые М. В. Зи-

---

К. Т. Мазуров. Незабываемое. Минск, «Беларусь», 1984.

мянин и сам автор воспоминаний. Кирилл Трофимович Мазуров известен как видный государственный и партийный деятель нашей страны, а трудящиеся Советской Белоруссии знают его и как одного из организаторов партизанского движения на родной земле. В годы войны он был секретарем Центрального Комитета комсомола Белоруссии и, как сказано в аннотации к книге, «уполномоченным ЦК КП(б) и ЦШПД по руководству партизанским движением и созданию партизанского подполья в ряде областей республики». Он прошел дорогами войны всю Белоруссию, участвовал в партизанских операциях, был тяжело ранен. Читателю открываются неизвестные ранее факты партизанской борьбы, имена героев, о которых теперь знают немногие. Широко известны подвиги легендарного Константина Заслонова, но сколько новых имен открывает эта книга! Это и комсомолец партизанской бригады Константин Мячиков, подорвавший 18 эшелонов противника; и безвестный герой по кличке Полтора Ивана, который ценой своей жизни обеспечил прорыв партизан из вражеского кольца... «Удивительно, как война выкристаллизовывает людей, — пишет автор, — выявляет их скрытые в обычных условиях человеческие качества, иногда выставляя на позор активного общественника как труса, а чаще в самом обыкновенном и порой незаметном человеке выявляет идейного и стойкого бойца, незаурядного организатора, готового жертвовать ради блага людей».

Среди героев книги есть и совсем юные партизаны. Впервые мы узнаем о подвигах 16-летней Риммы Кунько, которая подорвала несколько фашистских эшелонов и погибла в бою; о 10-летнем Косте Бодровце, подложившем немцам на кухне мину с часовым механизмом, о пионерке Мане Голофеевой, которая все годы оккупации хранила у себя пионерское знамя и с гордостью вручила его райкому комсомола в день освобождения родного города...

Комсомольцы Белоруссии вместе с коммунистами становились организаторами партизанских формирований, зачинщиками новых форм борьбы с врагом. Вот только один убедительный пример: комсомольские партизанские группы пустили под откос 5800 эшелонов противника.

С любовью повествует автор о своих соратниках по партизанскому движению. Многие из них ушли из жизни совсем молодыми, отдав все силы для Победы, многие трудятся и сейчас, стали известными, уважаемыми людьми. Так, бывший комсомолец-подрывник Н. А. Борисевич — ныне видный ученый-физик, президент Академии наук Белоруссии; связной партизанского отряда Н. И. Малиновский стал крупным хирургом, Героем Социалистического Труда. Много лет бессменно руководит колхозом в тех местах, где некогда партизанил, и Герой Социалистического Труда К. И. Шаплыко...

Книга посвящена Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи. Верным сыном народа и партии остается и сам автор книги «Незабываемое».

Феликс ЧУЕВ

КНИГА О ВОЕННОЙ ПРОЗЕ

В адрес литературно-художественной критики раздается ныне немало справедливых упреков. Размытость критериев, отсутствие боевитости, бесконечные похвалы в адрес, в сущности, начинающих авторов — таковы характерные черты большинства литературно-критических публикаций.

Чем это обусловлено? Пожалуй, все можно объяснить по крайней мере двумя главными причинами. Во-первых, недостаточным умением анализировать литературу в контексте жизни, устанавливать истинность воспроизведения писателем реальных процессов действительности. Сущность литературы, как известно, вытекает не только из ее эстетических достоинств, но также из самой жизни, которую она, литература, так или иначе отражает. Это общеизвестно. Во-вторых, как это ни покажется кому-нибудь парадоксальным, в последние годы все явственнее ощущается разрыв между литературной критикой и эстетической теорией. На современном этапе критика — недостаточно действенный жанр литературы, хотя у нас имеется немало одаренных и честно работающих авторов на этой ниве.

Сергей Журавлев в книге «Память пылающих лет» рассматривает наиболее значительные произведения современной советской прозы о Великой Отечественной войне. Это книги Ю. Бондарева, В. Астафьева, А. Чаковского, В. Кондратьева, В. Пикуля, В. Богомолова, К. Симонова, В. Быкова, К. Воробьева, В. Носова, И. Акулова и других. Однако автор не ограничивается литературно-критическими портретами писателей, объединенных памятью о героическом прошлом советского народа, но стремится выявить важные направления литературного процесса последнего десятилетия. При этом С. Журавлев пытается уловить импульсы, побуждающие литературу к развитию, и находит их в характере изменяющейся действительности.

Герои рассматриваемых произведений, и это особо подчеркивает автор, связаны одним общим делом — все они защищают Родину. И их судьба, их нелегкий ратный труд интересны нам потому, что тесно переплетаются с судьбой и борьбой всего народа. Через судьбу отдельной личности, через изображение человека и патриота писатели стремятся в своих произведениях показать народ, показать всенародный характер великой битвы.

Однако С. Журавлев не сводит прозу о войне лишь к изображению батальных сцен, описанию деятельности штабов, стратегии и тактики войны. Человек на войне — вот главное, что характеризует произведения наших писателей.

Нельзя разделить «по темам и ведомствам» произведения, скажем, Юрия Бондарева, занося их в разряд «военных» или «мирных», — пи-

---

Сергей Журавлев. Память пылающих лет. Современная советская проза о Великой Отечественной войне. М., «Просвещение», 1985.

шет С. Журавлев. «Разве «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Горячий снег» только о войне? И всем пафосом своим не обращены ли они в современность, в сегодняшний день?» Безусловно, творчество Юрия Бондарева — это многомерный мир, отражающий сложнейшие конфликты современности, острейшие проблемы бытия. Каждый главный герой его романов и повестей — новый литературный тип, вместивший в себя многообразие чувств и мыслей, социально-нравственного опыта. Бондарев — художник глубоко национальный, русский, и одновременно его творчество интернационально в самом высоком значении этого слова. Обращаясь к прошлому, он весь в сегодняшнем дне, ибо глубоко историчен его взгляд на события, время и людей. Юрий Бондарев пишет историю жизни советского общества с точки зрения современника, поставленного перед лицом трудного выбора, — и в этом своеобразие его как выдающегося явления современной художественной культуры.

Как вытекает из анализа С. Журавлевым художественных явлений, жизнь ставит перед литературой новые сложные и ответственные задачи, и писатели должны учитывать требование времени в своей работе, ориентируя и поднимая общественное сознание на более высокий уровень. Подлинное искусство противостоит такому сочинительству, которое имеет целью подогнать реальность под наши обыденные привычки, укоренившиеся предрассудки и традиционные условности, которые приводят в конечном счете к оправданию мещанской психологии. Ибо стремиться к стереотипу, пытаться давать однозначные ответы на все те вопросы, которые ставит перед собой современник, значит игнорировать специфику искусства, главная цель которого стимулировать сознание человека, побуждать его к действию, социальной активности и духовному росту.

Настоящее художественное произведение, и это показывает С. Журавлев на конкретных примерах, говорит об ответственности человека, открывая в нем возможное будущее и призывая его стать добрее, чем он есть, мудрее и разностороннее, чем он был. Современная литература — это литература напряженной мысли, обостренного чувства и порою трагического мировосприятия. Это литература великой ответственности и трепетной надежды, поэтому не случайно серьезные художники пишут повести и романы, проникнутые мыслью о будущем. Речь идет об углубленном социально-нравственном исследовании действительности, о философском осмыслении бытия современника. Добавлю от себя, что великие писатели тем и велики, что они не просто реалистически изображают жизнь, подвергая ее серьезному социальному, психологическому и нравственному анализу, но вместе с тем дают возможность почувствовать тот идеал, к которому мы порою интуитивно стремимся; проще говоря, выдвигают необходимость более разумной действительности. Ведь человек не только то, чем он является сегодня, но и то, чем может стать (и станет!) при благоприятных ус-

ловиях, то есть он должен выявить все те потенциальные возможности, которые заложены в его творческом активе.

Особого внимания заслуживает вопрос о традиции и ее продолжении в литературе наших дней. С. Журавлев полемизирует как с теми, кто недооценивает роль традиции, так и с теми, кто слишком гипертрофирует в традиции устойчивое начало — в ущерб связи с новым. Критик справедливо настаивает на том, что только постановка вопроса об исторической продуктивности традиции может помочь решению проблемы. Одним из самых плодотворных в развитии отечественной литературы видится С. Журавлеву современный этап.

Что же характерно для творчества современных художников? Прежде всего — продолжение классических традиций русской литературы, а также традиций М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, Л. Леонова. Ибо невозможно создать что-то новое без опоры на то лучшее, что было достигнуто предшественниками. «Не голое отрицание, не зряшное отрицание... — писал В. И. Ленин, — существенно в диалектике.., а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного». Говоря о традициях, «необходимо иметь в виду прежде всего преемственность идейно-нравственных взглядов, верность правде жизни», — утверждает автор книги. Заслуживают внимания наблюдения С. Журавлева над современной военной прозой, некоторыми ее особенностями. Нравственный аспект стал ныне основным в осмыслении проблемы героизма, справедливо пишет исследователь. Одной из главных «особенностей всей советской военной прозы остается ее постоянное внимание к человеку. И чем дальше уходят от нас события войны, тем это внимание становится все более пристальным, особенно заметно это в творчестве писателей-фронтовиков, крупным планом показавших в своих произведениях рядового участника войны, простого солдата».

Итак, в поле зрения автора наиболее значительные произведения современных писателей о войне. Бывает порой так, что изобилие имен, произведений, фактов — что само по себе очень важно и ценно — заслоняет у некоторых авторов объект исследования, и критик начинает «тонуть» в материале, теряет власть над ним. Автор книги, посвященной современной советской прозе о Великой Отечественной войне, избежал этой опасности — он нашел верный путь к идейно-художественному анализу нынешнего литературного процесса. Творчество отдельных писателей он стремится рассмотреть в тесной связи с общим развитием литературы, неотделимым от развития и изменения общественной жизни. Вместе с тем привлекает обстоятельность анализа явлений литературы, мировоззренческая четкость авторской позиции. Примечательной особенностью книги С. Журавлева является также энергия стиля, взволнованность рассказа о творчестве писателей. И наконец, последнее: автору книги «Память пылающих лет» присуще чувство меры, такта и эстетического вкуса.

Н. ФЕДЬ

НАШИ СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ

Путевые заметки советского журналиста В. Родионова о его поездках в Скандинавские страны — Швецию, Норвегию, Данию и Исландию — с большим интересом встречены советским читателем, поскольку в них затрагиваются актуальные проблемы жизни народов этих стран, исторически объединенных в один регион, но в то же время своеобразных и специфических по своему национальному характеру, социально-экономическому складу и роли, которую они играют в европейской и мировой политике.

В книге «Дорогами Скандинавии» автор напоминает нам исторические события, факты, связанные с северными соседями с древних времен. Памятны, например, на русской земле варяги — воины-дружинники, служившие у русских князей, а иногда и сами совершавшие набеги на города Руси. Оставили свой след на территории нашей страны и датские завоеватели, вторгшиеся в XIII веке в эстонские земли. Примечательно, что сегодняшний Таллин унаследовал свое имя от Танналина — датского града, как его в те времена назвали эстонцы.

С датчанами складывались благоприятные отношения. Россия и Дания входили в одни и те же союзы, развивались торговые связи. Важно отметить, что Петр I очень умело вел дело со скандинавскими народами. В Дании, к примеру, о нем сохраняется память как о человеке, глубоко размышлявшем о судьбах России и Европы, не пренебрегавшем обучением и советами датских корабелов, чтобы в будущем построить грозный российский флот.

Офицером русского флота стал известный теперь всему миру датчанин Витус Беринг, совершивший ряд выдающихся географических открытий, в том числе первым прошедший пролив, который носит его имя.

К середине XIX века у России устанавливаются со всеми Скандинавскими странами стабильные добрососедские отношения, растет торговля, особенно благодаря сравнительно близким и недорогим морским перевозкам, зарождаются культурные и научные связи. Хотя Скандинавия географически расположена на краю Европы, она довольно в скором времени становится на путь развития промышленного капитализма, и соответственно в северных странах зарождается рабочее движение и движение малоземельных крестьян. В середине 80-х годов создаются политические рабочие партии, которые, однако, с самого начала становятся на путь реформизма.

В преддверии первой мировой войны Скандинавские страны находились в зависимости от крупных империалистических держав и были вынуждены маневрировать с учетом их интересов, не становясь открыто на сторону ни одной из враждующих между собою группировок. Следствием такой политики было объ-

---

В. Родионов. Дорогами Скандинавии. «Мысль», 1985.

явление Данией, Швецией и Норвегией нейтралитета.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России всколыхнула политическую жизнь также и в Скандинавских странах. Это нашло свое выражение в мощном подъеме рабочего движения, в создании революционных марксистско-ленинских партий. Рабочий класс Скандинавии единодушно заявил о своей солидарности с революционным пролетариатом России и в трудные времена блокады и интервенции оказывал интернационалистскую помощь защитникам революции. К связям и сотрудничеству с молодой Республикой Советов стали проявлять интерес и дальновидные деятели деловых и политических кругов Скандинавии. В этой связи очень интересным сюжетом в книге представляется рассказ о размещении в Швеции заказа на постройку для Советской Республики жизненно необходимых в те времена паровозов. В условиях террора со стороны Антанты этот факт сыграл важную роль не только в экономическом, но и в политическом отношении.

Значительное место в книге уделено роли и месту Скандинавских стран во второй мировой войне. Судьба их в этот период сложилась по-разному. Дания и Норвегия уже в апреле 1940 года подверглись вторжению войск гитлеровской Германии и оставались оккупированными до конца войны. Швеция объявила строгий нейтралитет, однако фактически допускала его нарушения в пользу Германии и союзной с ней Финляндии. Но главное, о чем рассказывает автор в своей книге, — это мужественная борьба народных патриотических сил, развернувшаяся в Норвегии и Дании, несмотря на все соглашательские устремления норвежских квислингов и датских коллаборационистов. Характерно, что организующим и направляющим ядром движения Сопротивления стали коммунисты.

Предпринимая краткие экскурсы в историю Скандинавских стран, В. Родионов как бы помогает читателю правильно и объективно посмотреть на их сегодняшнюю действительность, оценить их роль и значение в нынешнем сложном и неспокойном мире. Современная Скандинавия — это отнюдь не «задворки» или «придаток» большой Европы. По многим важным экономическим показателям, таким, как доля в общем объеме мирового производства — 2 процента при населении лишь 0,6 процента от населения земного шара, первое место по тоннажу торгового флота, третье — по производству электроэнергии на душу населения, а начиная с 60-х годов — разработка нефти и газа со дна морей, Норвегия и Дания находятся в выгодном экономическом положении. К этому следует также добавить развитое судостроение и машиностроение, высокопродуктивное сельское хозяйство (особенно в Дании), электронно-вычислительную технику и весьма перспективные технологии для химической, перерабатывающей и других отраслей современного научно-технического прогресса. Важным фактором является и то, что Скандинавские страны располагают высококвалифицированной рабочей силой и научно-техническими и инженерными кадрами. Все это

создает региону, при всей его зависимости от поставок сырьевых ресурсов и колебаний мировой конъюнктуры, возможности занимать одно из ведущих мест в мировой экономике.

Но, как отмечает автор, район Скандинавии, как и весь капиталистический мир, подвержен неумолимым законам развития капитализма, и здесь также остро проявляются последствия углубляющегося капиталистического кризиса. Благоприятная конъюнктура 60-х годов, породившая мифы о государствах «всеобщего благоденствия», сменилась начавшимися в 70-х и продолжающимися в 80-х годах спадами производства, обострением конкуренции, усилением влияния мультинациональных монополий, подрывающих основы национальной и интерскандинавской устойчивости, что все более ставит их в зависимость от ведущих держав Запада. Предпринимаемые правящими кругами меры по «оздоровлению экономики», осуществлению «политики доходов» выливаются прежде всего в ужесточение наступления на экономические, социальные и демократические права трудящихся, завоеванные длительной борьбой рабочего движения и других прогрессивных сил страны. Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня трудящихся стали обыденными явлениями, а самым страшным социальным бичом является массовая безработица, поражающая прежде всего молодое поколение. Естественной реакцией на такое положение становится обострение социальных конфликтов, активизация борьбы трудящихся за свои права. Однако эта борьба далеко не ограничивается только рамками социально - экономических конфликтов внутри самих стран, она все более тесно увязывается со всей проблематикой современного положения в мире.

Хотя Скандинавские страны в силу их военно-стратегического положения занимают особое место в планах Пентагона и НАТО, а входящие в НАТО Дания, Норвегия и Исландия связаны военными и политическими обязательствами с этим блоком, все же они сохраняют определенную дистанцию по отношению к политике конфронтации, осуществляемой администрацией Рейгана. В значительной мере это определяется широко развернувшимися в северных странах антивоенными движениями, выступающими в поддержку советских мирных инициатив и оказывающими влияние на позиции парламентских партий по узловым вопросам войны и мира. Сложившееся, например, так называемое антиракетное большинство в датском парламенте, объединяющее оппозиционные партии социал-демократов, народных и левых социалистов и радикалов, добилось принятия парламентом резолюций, обязывающих правительство выступать за замораживание ядерных арсеналов, отказ от применения ядерного оружия первыми, прекращение развертывания ракетно-ядерного оружия средней дальности в Европе, за создание безъядерной зоны на Севере Европы, а в марте 1985 года датский фолькетинг первым из парламентов западных стран обязал правительство выступить против размещения вооруже-

ний в космосе и отказаться от участия страны в исследованиях и разработке космических вооружений. В том же духе выступили и правительства Норвегии, Швеции и Финляндии.

Вполне естественно, что в нынешних условиях важное значение для сохранения мира в Северной Европе, да и вообще в урегулировании общеевропейских дел призвана сыграть нейтральная Швеция, социал-демократическое правительство которой, вновь одержав успех на парламентских выборах, твердо намерено осуществлять традиционные принципы политики нейтралитета.

Весьма характерным проявлением стремления общественности северных стран Европы к укреплению мира и безопасности в своем регионе становится движение за создание безъядерной зоны на европейском Севере. Об этом свидетельствуют многочисленные инициативы, предпринятые на съездах рабочих партий, профсоюзных встречах и конференциях и, наконец, на состоявшейся в конце ноября 1985 года в Копенгагене весьма представительной конференции парламентариев северных стран, где принято решение о создании межпарламентской рабочей группы по практическому продвижению идей конференции. На конференции была дана высокая оценка итогов встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом, отмечено, что реализация идеи создания безъядерного европейского Севера стала бы важным вкладом североевропейцев в общее дело.

Несмотря на все усилия антисоветской пропаганды, нашим северным соседям в Скандинавских странах становится все более понятно, что Советский Союз последовательно выступает за то, чтобы сохранить этот регион как зону устойчивого мира, безопасности, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества.

Книга В. Родионова, несмотря на ее небольшой объем, лаконична по изложению и дает ясное представление о различных сторонах жизни Скандинавских стран.

В. САВКО

НА СТРАЖЕ МОРСКИХ РУБЕЖЕЙ

Советский Союз — великая морская держава. Во всех морях и океанах плавают сейчас наши корабли. Десятки тысяч моряков несут вахту на военно-морских судах, трудятся на торговых, рыболовецких, транспортных кораблях.

Нелегка морская служба. Но не случайно стремление многих молодых людей посвятить себя морю. Их привлекает высокая и суровая романтика морских просторов. Море требует от человека полной мобилизации всех его физических и духовных сил. Благородному делу воспитания люб-

---

Б. И. Зверев. Страницы военно-морской летописи России. М., «Просвещение», 1981.
А. К. Селяничев. Флот под красным флагом революции. М., «Просвещение», 1983.
А. В. Басов. Советский флот на защите социализма. М., «Просвещение», 1985.

ви к Военно-Морскому Флоту нашей Родины посвящены книги, написанные военными историками для молодежи. Героические дела наших предков рождают желание быть достойными их.

Книга «Страницы военно-морской летописи России» Б. И. Зверева посвящена истории парусного флота. Со времен Киевской Руси жизнь нашего государства была тесно связана с морем. Однако тяжелейшие испытания, выпавшие на долю страны в XIII—XVII веках, отрезали ее от теплых морей. Между тем, начиная с эпохи Великих географических открытий, вес государства на международной арене определялся в значительной степени его военно-морскими силами.

Россия располагала возможностями иметь флот с XVI века. Вот почему такую тревогу у ее врагов вызвала попытка создания военно-морских сил в ходе Ливонской войны. Но рождение нашего флота связано с именем Петра I, точно оценившего его значение для решения внешнеполитических задач.

Строительство флота потребовало напряжения сил всей страны. Строили его русские кораблестроители, плавали на нем русские моряки. Автор книги отмечает, что многие нанятые за границей «специалисты» оказались шарлатанами, большинство судов создано мастерами из северных областей страны. Подчеркивая мысль о чисто русских основах петровского флота, Б. И. Зверев напоминает, что русский флот не проиграл ни одного морского сражения с первоклассными кораблями шведского флота.

В конце XVIII — начале XIX века кораблестроительное и флотоводческое искусство достигло в нашей стране высочайшего уровня. Победы русского флота в сражениях, успешные осады крепостей вывели Россию в число первых морских держав. Флотоводческое мастерство Ф. Ф. Ушакова, по мнению многих специалистов, превосходило мастерство Г. Нельсона.

С момента возникновения начинают складываться славные традиции русского флота. «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги», — приводит Б. И. Зверев отрывок из первого Морского устава. Нет числа подвигам матросов и офицеров флота, некоторые из них описаны в книге. На них воспитано не одно поколение моряков нашей страны.

Матросы же становятся мощной силой революционного движения в России.

Об участии моряков в борьбе против гнета самодержавия и капитала, за социализм рассказывается в книге «Флот под красным флагом революции». В ней автор, А. К. Селяничев, подробно описывает участие флота в трех российских революциях и гражданской войне. Не случайно с флотом связаны многие события, ставшие символическими, начиная с восстания на броненосце «Потемкин», исторического выстрела «Авроры».

Во время революции 1905—1907 годов армия оставалась в целом верной царизму. И только моряки показали, что последняя опора режима скоро падет. Восстания в Севастополе, Свеаборге, Кронштадте были жестоко подавлены, но они явились грозным предвестником перехода армии на сторону народа, сыг-

равшим свою роль в свержении самодержавия. В Февральской революции, отмечает А. К. Селяничев, моряки решительно покончили со старыми порядками на флоте и поддержали выступление демократических сил. В героическую летопись флота вошла в 1917 году оборона Моонзундских островов от германских войск. Она существенно усилила влияние большевистской партии на флот и всю армию.

Большевики, как показывает автор книги, фактически руководили флотом. Поэтому при подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде В. И. Ленин указывал на флот как на одну из главных революционных сил, призванных свергнуть буржуазное правительство. Тысячи моряков участвовали в установлении Советской власти во всех уголках России, сражались с интервентами и белогвардейцами. «По всей России встречал я этих просоленных морскими ветрами людей... Повсюду они выступали как провозвестники идей социализма», — приводит автор книги слова прогрессивного американского журналиста В. Вильямса, побывавшего тогда в нашей стране. А. К. Селяничев рассказывает о крупнейших событиях гражданской войны, таких, как Ледовый переход Балтийского флота в 1918 году, оборона Петрограда, действия морских сил на Черном море против германских оккупантов, а затем войск Врангеля, Энзелийская операция на Каспийском море в 1920 году и других. В этих битвах моряки показали свою преданность делу защиты социалистического Отечества, сохранив и наполнив новым содержанием лучшие традиции российского флота. Недаром В. И. Ленин подчеркивал на I Всероссийском съезде военного флота в декабре 1917 года, что «...во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся...».

Трагически сложилась судьба флота в годы гражданской войны. Погиб Черноморский флот, почти не осталось морских сил на Севере и на Дальнем Востоке. Десятки тысяч моряков пали на фронтах, корабли остались без опытных экипажей, с многочисленными неисправностями. Но в огне гражданской войны родился новый Советский Военно-Морской Флот, декрет о создании которого был подписан В. И. Лениным 11 февраля 1918 года.

Советские Вооруженные Силы строились на классовой основе. Однако, как не раз указывал вождь революции, для создания действительно боеспособных сил необходимо было широкое привлечение знаний офицеров старой армии и флота. Патриотизм и демократические традиции русского флота способствовали тому, что большинство офицеров старого флота добровольно перешли на сторону Советской власти и стали активными участниками создания морских сил первой страны социализма. А. К. Селяничев уделяет этому вопросу большое внимание. Первым управляющим морским ведомством с 25 октября 1917 года стал капитан 1-го ранга М. В. Иванов, которому «за преданность народу и революции» I Всероссийский съезд военного флота присвоил звание контр-адмирала. Первым командующим морскими силами РСФСР стал бывший контр-адмирал

В. М. Альфатер. Лучшие офицеры и адмиралы старого флота внесли крупный вклад в реконструкцию и строительство Советского Военно-Морского Флота, подготовку нового поколения моряков, надежно защитивших завоевания социализма.

В суровые годы Великой Отечественной войны флот с честью выполнил свой долг перед Родиной. Истории боевых действий советского флота в 1941—1945 годах посвящена книга «Советский флот на защите социализма» А. В. Басова.

Автор книги отмечает, что «огромный труд, вложенный советским народом в создание сильного Военно-Морского Флота, оправдался в ходе Великой Отечественной войны». Он смог успешно отразить первые удары врага. Это произошло, — пишет А. В. Басов, — благодаря «постоянной бдительности, инициативе и творческой активности командиров и штабов всех степеней, образцовой организации управления силами, поддержанию высокой дисциплины и уставного порядка».

В первые месяцы войны советские моряки сорвали планы гитлеровского командования по использованию морей для вторжения на территорию Советского Союза и содействия войскам на приморских направлениях. Флот обеспечивал перевозки военных грузов и не давал врагу эффективно использовать свои водные пути. А. В. Басов рассказывает о подвигах моряков при обороне Лиепаи, Моонзундских островов, полуострова Ханко, Таллина, Кронштадта и Ленинграда, Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска, Мурманска. Действия флота существенно повлияли на коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Большую помощь оказали моряки наступающей Красной Армии. А. В. Басов показывает значение десантных операций на Черном и Балтийском морях для разгрома противника в этих районах. Много внимания в книге уделяется речным флотилиям. Самоотверженными действиями моряки флотилий обеспечивали продвижение наших войск от Волги до Одера и Дуная. Велик вклад Тихоокеанского флота и Амурской флотилии в разгром империалистической Японии.

Последняя глава книги А. В. Басова посвящена Советскому Военно-Морскому Флоту в послевоенные годы. В ответ на наращивание военно-морской мощи США в 50—60-х годах был создан океанский ракетно-ядерный флот Советского Союза, основу которого составляют атомные подводные лодки. Вновь неузнаваемо изменился внешний вид кораблей, их боевая мощь. Но главными на кораблях по-прежнему остаются люди — матросы и офицеры. Именно от их знаний, умения, дисциплины, творческой активности зависит успешное выполнение флотом его задачи — защиты мира и социализма.

В. АРТЕМОВ

КРУГ ЧТЕНИЯ

Сергей Воронин. Жизнеописание Ивана Петровича Павлова. Документальная повесть. Л., «Советский писатель», 1984.

Читая книгу Сергея Воронина «Жизнеописание Ивана Петровича Павлова», проникаешься чувством уважения к великому русскому ученому, сохранившему до последних дней отменную физическую форму и ясность мысли.

Поначалу, впрочем, несколько обращает на себя внимание обильное цитирование писателем дневников Серафимы Васильевны Карчевской — будущей жены Павлова, а также писем самого физиолога, но по мере погружения в текст начинаешь понимать оправданность и справедливость подобного приема — тем самым писатель вводит читателей в житейскую и нравственную атмосферу семьи Павловых, в мир российских ученых второй половины XIX века.

Писатель живо и неординарно рассказывает о событиях, волновавших молодого Павлова, а следовательно, и всю прогрессивную российскую интеллигенцию в те годы: тут и несправедливое неизбрание Менделеева в академики, и борьба русских ученых против немецкого засилья и реакции, и споры вокруг картин художника Куинджи, и воспоминания о Тургеневе — с ним встречалась Серафима Васильевна, и описание похорон Достоевского, которые наблюдал Павлов.

Но все же главное достоинство книги — живой образ Ивана Петровича Павлова, образ человека и ученого, показанного во время гениальных озарений и в минуты сомнений в себе и в своих силах, однако при этом бесконечно цельного, устремленного на неустанные поиски идеалов добра и справедливости. Павлов, который сам о себе написал, что читать он научился у «соседки-горбуньи, занимающейся обучением детей грамоте», прошел за время своей жизни путь к вершинам человеческого духа.

Стать человеком в истинном понимании этого слова — вот главенствующая задача

входящих в жизнь молодых людей, и жизнь академика Павлова здесь в высшей степени поучительна. Тем более что мысли его, высказанные столько лет назад, как нельзя более актуальны сейчас, в наши дни. «Как бьют, тиранят жизненные мелочи человека, не видящего дальше своего носа, и как бессильны они над душой людей с широкими взглядами, с мировыми вопросами... Нет, ты не будешь один, с тобой будет твой всегдашний друг, неизменный, сильный своей помощью, — правда... И почувствовал я к этой правде любовь страшную — и вдруг сделался силен, когда будто уж и в самом деле нас всегда, всегда двое, что бы ни случилось в жизни».

Эту любовь к правде Иван Петрович Павлов пронес через всю свою жизнь... Ценность того или иного человека для него определялась той пользой, которую приносил этот человек общему делу.

В коротком предисловии к своей книге автор писал: «Я постарался соединить все разрозненные сведения о нем в единое целое, развив отдельные факты в литературные эпизоды и выстроив все это так, чтобы от страницы к странице вырисовывался образ великого ученого, создателя русской физиологической школы и своеобразнейшей, цельной личности».

Можно посетовать на слишком уж невыразительное оформление книги. К примеру, автор много рассказывает о фотографиях, запечатлевших Павлова и его окружение, о том, как создавались живописные портреты великого физиолога. Думается, нелишним было бы воспроизвести эти фотографии, портреты на страницах — от этого книга только бы выиграла.

Академик Павлов не только история, но и идеал, к которому должны стремиться молодые читатели. Как напутствие им на жизненном пути звучат хотя бы эти строчки Павлова, написанные почти сто лет назад: «Итак, думать, творить в умственной области — вот конечная цель умственной силы. Приучить себя думать, поставить в надлежащие условия деятельности логическую силу — вот конечная задача эпохи развития человека. И истинное человеческое счастье гарантировано только тому, кто вовремя понял эту задачу и все свое время и труд отдает ей».

Сергей Воронин создал образ, созвучный сегодняшнему дню.

Ольга КОЗЛОВА

Евгений Евсеев. Палестинцы — непокоренный народ. М., «Правда», 1984.

Борьба за мир, социальный прогресс и свободу народов в наши дни неразрывно связана с борьбой против идеологии и политической практики еврейской буржуазии и ее агентуры — сионистов. На переднем крае антисионистского сопротивления находится арабский народ, отмечается в вышедшей недавно книге советского ученого Е. С. Евсеева «Палестинцы — непокоренный народ».

Палестинское движение сопротивления, возникшее после образования Израиля, поставило своей задачей борьбу за возвращение захваченных сионистами арабских земель.

С этой целью в 1964 году была создана Организация освобождения Палестины (ООП), представляющая всех палестинцев. ООП сочетает вооруженную борьбу палестинцев на оккупированных территориях и в самом Израиле с политическими демонстрациями арабского населения, которое считает ООП своим единственным законным представителем.

Как правильно отмечает в своей книге автор, многолетняя борьба арабского народа Палестины за восстановление своих законных прав наглядно доказала, что никакое урегулирование ближневосточного конфликта невозможно без справедливого решения палестинского вопроса. Право палестинцев на национальную независимость, включая право на создание собственного государства, признано Организацией Объединенных Наций. Организации освобождения Палестины предоставлен статус наблюдателя при ООН. Представительства ООП имеются во многих десятках государств, включая СССР. ООП официально признана Лигой арабских стран в качестве единственного законного представителя палестинских арабов.

Более двух третей сражающихся палестинцев составляет молодежь. Символом любви к Родине и готовности отдать за нее жизнь для всех палестинцев был и остается образ двадцатилетней Делаль Мугграби. Под ее руководством в 1978 году группа палестинских партизан численностью 12 человек нанесла серьезный урон военным объектам и частям израильтян в самом сердце оккупированной сионистами Палестины — между Хайфой и Тель-Авивом. Английское агентство Рейтер, которое нельзя заподозрить в симпатиях к палестинцам, писало в те дни: «Существование линии фронта в глубине территории Израиля повергло в ужас тель-авивскую администрацию. Партизаны заняли несколько опорных пунктов израильской армии, над ними был поднят палестинский флаг». Горстка патриотов погибла с оружием в руках. Но память о героях бессмертна для каждого палестинца.

Соратники Делаль в боях против израильских вандалов летом 1982 года проявили такие образцы массового героизма, какого не знала еще история Арабского Востока. Бойцы ПДС боролись против захватчиков до последней гранаты, до последнего патрона, до последней капли крови...

Главным оружием патриотов, которого не было и не могло быть у сионистов, стала уверенность в справедливости своей борьбы. Ливанцы сражались за свою родину, палестинцы — за право ее вернуть, отмечается в книге Е. С. Евсеева.

В богатой фактами и доводами книге Е. С. Евсеев, член Президиума Советского комитета дружбы и солидарности с арабским народом Палестины, убедительно доказывает: правое дело, за которое боролась и борется Организация освобождения Палестины, признанная решением ООН законным представителем арабского палестинского народа, восторжествует. Без удовлетворения законных прав палестинского народа на свое суверенное государство не может быть мира на Ближнем Востоке. Нет и не может быть сомнения: сколь бы тяж-

ки ни были сегодня жертвы, в конечном итоге победа будет за арабскими народами.

Выступая 3 января 1985 года в Москве на пресс-конференции по случаю 20-й годовщины Палестинского движения сопротивления, чрезвычайный представитель Организации освобождения Палестины в СССР Я. Хабаш подчеркнул большое значение для дела палестинцев последовательной принципиальной позиции Советского Союза и других социалистических стран. Эта книга является одним из свидетельств такой солидарности.

Л. КОРНЕЕВ,
кандидат исторических наук

Была война... Стихотворения (Составители и авторы послесловия В. Акаткин, Л. Таганов.) М., «Детская литература», 1984.

Антология «Была война...» включает стихи, написанные поэтами послевоенного поколения. Воспоминания поэтов, чье детство совпало с грозным лихолетьем, становится дополнением к истории народной войны, свидетельством непрекращающейся эстафеты наследования долга и памяти.

Мы знаем по сбивчивым,
трудным рассказам
О горьком победном пути,
Поэтому должен
хотя бы наш разум
Дорогой страданья пройти.

За этими словами молодого поэта Ю. Полякова стоит искреннее желание осознать тот исторический опыт, который остался за порогом его биографии. Стихам Ю. Полякова созвучны стихи Г. Красникова, Н. Дмитриева, О. Хлебникова, В. Урусова...

Разрозненные стихотворения не просто собраны под одной обложкой, — они рассмотрены в определенной последовательности. Первые три главы составляют воспоминания о начале войны, передающие страшное оцепенение детской души, для которой внезапно оборвалось детство («Эвакуированные мы из жизни навсегда» — Д. Павлинов), изнурительную муку четырех лет войны, легшую и на детские плечи, и одновременно возмужание и ощущение раннего гражданства («Хлеб» В. Соколова. «Яблоки» Г. Серебрякова)... В последней главе «Память навсегда» просматриваются раздумья поэтов о чуткой связи времен, о преемственности поколений («Русский огонек» Н. Рубцова, «Гимнастерка» Ю. Кузнецова, «Военкор» Т. Бек...).

Составители сборника вновь возвращают нас к уже знакомым стихам, приглашая внимательнее вглядеться в строки, вслушаться в их интонацию, вдуматься в их смысл, пафос которого — в осуждении войны, в утверждении мира на земле.

Л. КОСАРЕВА.

Юрий Тюрин. Становление личности. М., «Просвещение», 1983; Кинематограф Василия Шукшина. М., «Искусство», 1984.

Тема народности киноискусства давно интересует киноведа Юрия Тюрина. «Истори-

ческое развитие русской нации, — пишет он, — на протяжении долгих и нелегких веков выработало и закрепило в массовом народном сознании привлекательнейшие черты национального характера. Они поныне составляют предмет изучения и поклонения лучших советских художников... Крепость и нравственное здоровье духа народного — вот истоки их веры, завидной стойкости народных героев и героинь, не сломленных самыми тяжкими испытаниями».

Анализируя, скажем, кинофильмы «Безотцовщина», «А у нас была тишина», поведавшие о первых послевоенных годах, Ю. Тюрин отмечает, что режиссер этих картин Владимир Шамшурин показывает самоотверженность, терпение и жизнестойкость своих героинь — солдаток, проводивших на фронт сыновей и мужей.

Отсюда некоторая обобщенность подобных женских образов. Эти женщины несут в себе неиссякаемый запас человеческого участия и доброты — как бы сурово ни обходилась с ними судьба, они верят в будущее. Режиссер изображает деревню, уклад сельской жизни, где люди живут общими интересами. Земля призывает обратно своих «беглецов» — вот еще один мотив деревенской темы «Безотцовщины»...

Критик размышляет о чувстве историзма как осознании духовной, нравственной связи поколений. «Этим прошлым,— пишет киновед, — могут быть и очень далекие от нас исторические события, вроде Куликовской битвы, описание которой включено Петром Проскуриным в его роман «Имя твое» — о последних десятилетиях жизни нашего общества», и отмечает, что в другом романе Проскурина, «Судьба», где речь идет об обороне Смоленска от немецко-фашистских захватчиков, герою чудится картина древней героической защиты смоленской твердыни от интервентов. «Ощутить дыхание истории... — вспоминал Проскурин об этом эпизоде. — Когда на съемках заговорили снова бойницы старого Смоленского кремля, может быть, именно тогда я понял, что значит воплощение прозы на языке кинематографа».

Тема памяти трактуется критиком как проблема ответственности нашей перед поколениями отцов и дедов, наших матерей, перед всеми, благодаря которым мы живем. Таковы экранные образы матерей-солдаток, такова мать Егора Прокудина в «Калине красной» В. Шукшина. Книга Ю. Тюрина заставляет вдумываться в каждое слово Шукшина, говорившего, что «нравственность есть Правда».

Размышления критика о нравственности экрана закономерно включают в себя и заметки о кинематографе США, благодаря которому, по сведениям социологов, каждый американец к восемнадцати годам «переваривает» в среднем 30 тысяч убийств. Вот один из творцов этой, с позволения сказать, «духовной пищи», когда «алхимия искусства превращает жестокость в прекрасное» — режиссер Роман Поланский, избежавший тюремного заключения за преступление, создал ленту «Дитя Розмари» о рождении ребенка — получеловека-полусатаны. Продюсер картины рассказывает: «Одна женщина подошла ко мне после сеанса и сказала: «Боже, как это мерзко! Вы долж-

ны стыдиться самого себя». Я тут же понял: мы сделали кассовый фильм («Обратите внимание — какая специфическая реакция!» — отмечает Ю. Тюрин). Фильм нужно делать так, чтобы люди о нем говорили. Пусть даже говорят: «Как это мерзко!», лишь бы говорили. По крайней мере зрители не забудут нашу картину...»

«Грехи собственной страны можно поругать, но на них можно и неплохо заработать — вот метод изготовителей киноампул страха, — пишет киновед. — Есть в Голливуде даже подходящее выражение: «Смерть продать легче, чем рождение». И напоминает о случае, когда подросток из Оттавы, посмотрев фильм «Снайпер», застрелил одиннадцать (!) женщин, продублировав в жизни придуманную сценаристом Анхальдом историю.

В своей книге «Становление личности», адресованной подрастающему поколению, Юрий Тюрин отмечает, что из исследований социологов известно: две трети своего досуга школьники отдают просмотрам фильмов. Из этого следует, что нам нужно более строго анализировать продукцию современного кинематографа.

Партия так определила задачи мастеров кино: «Миллионы зрителей ждут от вас новых кинопроизведений всех жанров и видов, значительных по содержанию и интересных по художественному воплощению, произведений, которые будят мысль, помогают глубже осознать смысл эпохи, в которую мы живем, правдиво показывают живые образы наших современников, укрепляют в человеке благородные нравственные начала, которые необходимы строителям коммунизма».

Выделяя важную для него мысль о «благородных нравственных началах», Юрий Тюрин подчеркивает, что воспитание чувств остается одной из основных задач киноискусства.

И. ДРОЖЖИН

Сергей Заплавный. Узоры. Повести. М., «Молодая гвардия», 1984.

Рассыпаны по России десятки тысяч деревень, и что ни край, то свой тип деревни. В Костромской области строят иначе, чем на Севере или в Сибири. Но не только деревня имеет свой облик, но и каждая изба. Потóки и курицы, шеломы и сороки, причелины и подзоры — это не только архитектурные понятия, сами слова, красочные, древние, пропитаны лесным ароматом смолистых бревен. Обо всем этом мы узнаем из книги Сергея Заплавного «Узоры».

Свободно и легко сильная рука мастера заставляла гнуться и полосы железа. «Борис замер, застигнутый врасплох картиной, внезапно открывшейся ему. По карнизу, по торцам, по наличникам пятистенного дома, серебрясь, струились причудливые металлические узоры. Они были похожи на деревянные кружева, которыми издавна славятся старинные сибирские города, но гораздо искуснее, выразительнее. Выкованные из металла узоры легко и естественно соединились с традиционной деревянной резьбой», — читаем мы в повести «Марейка». Человек, творивший стамеской ли,

кистью ли, нитью, стремился передать восхищение природой, ее плодами, красотой и полетом птицы. Так и здесь, деревянный резной ставень похож на летящую птицу, а под крышей — пшеничные колосья...

«Архитектура — та же летопись мира, — писал Гоголь, — она говорит тогда, когда уже молчат и песни и преданья». Главный герой повести «Узоры» — начальник мехколонны Иван Неверов — из тех людей, кто остро чувствует прекрасное. Много забот у Неверова, но не спешит он после работы домой, — долго стоит перед особняком, где помещается контора, рассматривая обрамляющий окна резной декóр. Пришедшие в Сибирь русские люди в первую очередь изображали на своих домах солнце. От этого десятки их продолжают светиться на стенах и до сих пор. Люди создавали символы любви, мудрости. Но с тех пор прервались плавные линии, режут глаза пустоты, испорчены рисунки. «Поправить бы, — размышляет Неверов,— да где мастера взять!» И вот по реке в Марейку отправляется спецгруз. Вес небольшой. Ящик — два на три... Это образец.

История одной реставрации легла в основу повести «Узоры». И потянулись к вновь возрожденному особняку ценители красоты. Но не угомонился на этом Неверов. Едет и в бригаду каменщиков с собственноручно сделанными набросками, чтобы уже на современные городские коробки из кирпичной кладки и металла узоры поставить. «Город-то у нас особенный, — говорит Неверов. — Мало что старинный — уютный. Отжившие дома сносят. Пусть бы на их месте новые стояли. С тем же настроением». В конце концов в городе создается реставрационная мастерская, которую должен возглавить Неверов.

Писатель Сергей Заплавный рос на шумных улицах Чимкента, Алма-Аты, Усть-Каменогорска. А потом, пусть ненадолго, стал сельским жителем — работал учителем на севере Томской области. Оттуда он принес в свои книги любовь к таежным местам и простому укладу жизни, к образному языку и к искусству народных умельцев.

М. УРУСОВА

«Жили-были». Русские народные сказки о боге, о черте и попе и хитроване мужике. (Составление, обработка текстов, вступительная статья и библиография Ю. Г. Круглова.) М., «Советская Россия». 1985.

Важное место в системе атеистического воспитания современной молодежи занимают искусство и художественная литература, разоблачающие реакционную сущность религии, и прежде всего русский фольклор, изначально обладающий мощным зарядом антиклерикальных настроений, свойственных широким народным массам на протяжении многих веков. Стихийный атеизм русского народа, его ясный житейский реализм, его природное безошибочное чутье на фальшь и лицемерие церковных заповедей, его понимание явной бесполезности «попов и святителей» отражают богатые сокровища фольклора — по-

словицы, поговорки, сказки. Особенно последние — живое слово народа — убедительно свидетельствуют об истинном отношении мужика, солдата, сапожника, кузнеца, пастуха к богу, религии, самим служителям культа, являвшимся неотъемлемой частью господствующих эксплуататорских классов в далеком прошлом России.

Советские ученые-фольклористы не раз предпринимали издание произведений устного народного творчества на антирелигиозную тематику. И среди них довольно весома и с пропагандистской точки зрения, безусловно, полезна книга сказок «Жили-были».

В книге в запоминающейся самобытной форме отражены талант, живость ума, природный юмор, ловкость и находчивость, сатирический дар и трезвая логика мышления русского народа. Причем ее материал, основанный на подлинных записях как дореволюционного времени, так и советского периода, четко и просто скомпонован по сюжетно-тематическому принципу: сказки группируются по четырем основным разделам. Его глубоко продуманная структура помогает читателю не только понять сознание и быт народа, насладиться песенным ладом многих его творений, но и получить сведения о видах устной поэзии народа в контексте его исторического развития, познакомиться с высказываниями замечательных русских людей об атеистическом характере народа, почерпнуть сведения об особой, реальной фантастике сказок, их разновидностях.

Автор вступительной статьи, доктор филологических наук Ю. Г. Круглов, молодой ученый, собиратель и пропагандист устной народной культуры, увлекательно рассказывает о первых составителях-фольклористах, о случаях преследования духовной цензурой изданий антицерковного фольклора, высказывает добрые слова в адрес крупнейших советских хранителей слова народа. Широко пользуясь источниками, автор, естественно, не повторяет буквально содержащихся в них сказок. С другой стороны, бережная и филигранная обработка текстов не коснулась их идейного содержания и поэтического своеобразия, а только заострила внимание на том факте, что русский народ, по словам Белинского, «по натуре своей глубоко атеистический народ».

К сожалению, сегодня фольклористы и атеисты без должной активности, необходимой координации и тесной связи друг с другом занимаются изучением богоборческих взглядов народа, заключенных в замечательных фольклорных памятниках. За несколько последних десятилетий нельзя назвать ни одной крупной работы (за исключением, может быть, литературы по обрядам и обрядовой поэзии), специально посвященной этой все еще актуальной проблематике. Отсюда, конечно, и редкое использование фольклора в практике атеистического воспитания. Сборник сказок «Жили-были» в значительной мере призван восполнить этот досадный пробел, прочно связать духовные традиции нашего народа с насущными задачами современности. Не случайно эпиграфом к книге предпосланы ленинские слова: «Во всякой сказке есть элементы действительности». Эти слова уточня-

ют социальную роль фольклора, позволяют определить его как средство нравственного воспитания, а в данном случае — и боевой атеистической пропаганды.

Никита ИВАНОВ

Ю. И. Дюжев. Слушайте революцию: историко-революционная тема в русской советской литературе Севера. Петрозаводск, «Карелия», 1974. Память войны. Великая Отечественная война в русской советской литературе Севера. Петрозаводск, «Карелия», 1977. Живая душа народа. Тема деревни в русской советской литературе Севера. Петрозаводск, «Карелия», 1983.

Петрозаводский критик Ю. И. Дюжев уже много лет изучает литературу Карельской и Коми АССР, Архангельской, Вологодской и Мурманской областей.

Среди книг Ю. И. Дюжева особое место занимает трилогия о закономерностях развития и о своеобразии советской литературы европейского Севера. Автор широко и углубленно показывает подлинно революционный и народный характер советской литературы, ее неразрывное единство с великими делами и нравственными идеалами всего народа.

У поэтов, прозаиков и драматургов в 20-е годы еще не было опыта, не хватало знаний, мастерства, но их произведения искренне, страстно отражали огромную созидательную работу освобожденного труда на родной северной земле.

В 30-е годы писатели Севера — Н. Грибачев, А. Яшин, К. Коничев, А. Богданов, Е. Коковин, А. Линевский, Н. Ауров, Б. Печерский, А. Тарасов — создали художественную летопись коллективизации деревни. Как отмечает Ю. И. Дюжев, в лучших своих произведениях они «зримо рисовали конкретные формы движения деревни к новому, те закономерные трудности, острые конфликты, которые возникали на почве преодоления собственнических пережитков».

Основная часть трилогии Ю. И. Дюжева посвящена изображению деревни в послевоенной литературе Севера. Если писатели-северяне в середине 60-х годов исследовали общественную и производственную жизнь села, то 70-е и 80-е годы, как подчеркивает автор, стали очевидным поворотом писателей к проблемам народной этики, к нравственным истокам крестьянского характера, к неповторимым индивидуальным особенностям тружеников села. Особенно интересны те страницы книги, которые раскрывают идейно-художественное значение произведений В. Белова, Ф. Абрамова, В. Личутина, Н. Жернакова, К. Коничева, Ю. Галкина, В. Маслова, С. Викулова, О. Фокиной.

Ю. И. Дюжев убедительно раскрывает внутреннюю связь таких произведений В. Белова, как «Привычное дело», «Кануны», «Плотницкие рассказы», «Лад». При всей самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг автор увидел во всем творчестве В. Белова стремление выявить «лад» крестьянской жизни, сельский мир в его прошлом и настоящем, во всей его сложности и цельности.

Книга Ю. И. Дюжева согре-

та чувством любви и признательности к благородному труду писателей-северян. Завершается она такими словами:

«Влюбленные в свою «тихую» родину, писатели русского Севера продолжают творить прекрасную картину земли людей, где каждый может сказать о себе строками Н. Рубцова:

И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Но книга, на мой взгляд, не лишена и недостатков: это сказывается в увлеченности автора малоизвестным материалом; в некоторых случаях Ю. И. Дюжев, выражая свое отношение к авторам художественных произведений и критических статей, не подкрепляет полемические реплики убедительными доказательствами. Стремясь к научной добросовестности, автор без особой надобности перегружает материал книги научными сведениями, что делает трилогию менее доступной для массового читателя.

Л. ПАВЛОВ

Петр Смычагин. Тихий гром. Роман. Южно-Уральское книжное издательство, 1983.

Действие романа уральского прозаика П. Смычагина «Тихий гром» происходит в пределах Оренбургского края. Крестьяне-бедняки, переселившиеся сюда из центральных губерний России, не всегда находят здесь то, о чем мечтали, ради чего стронулись с родных мест. Большие земельные угодья принадлежат казакам-хуторянам, которые не желают делиться богатыми наделами с «гольным мужичьем», а сдают землю в аренду, притесняют крестьян, используя их в качестве наемных работников.

Судьба семьи Михаила Рослова, бывшего крепостного Тамбовской губернии, отправившегося в вольные оренбургские степи искать хлеборобское счастье, составляет сюжетную основу первых глав романа. И хотя семья эта честная и трудолюбивая, благополучия и достатка в ней нет и быть не может при том социальном укладе, когда судьбы представителей бедняцкого сословия находятся в руках богатеев-мошенников Кестера и Прошечки, Самоедова и Дуранова и других подобных им...

Уже в первых двух частях романа показано, как формируется сознание мужиков для активного протеста против существующего порядка, против своих обидчиков. В избе Рословых по вечерам собираются мужики и ведут неробкие разговоры о царе, о политике, о начале «войны с германцем», которая, решают они, никому не нужна... Большевик Виктор Данин исподволь доводит до бедняков правду ленинской трактовки исторической ситуации. В душах крестьян растет, накапливается обида на несправедливую жизнь, на своих угнетателей — копится в мужике «тихий гром» гнева.

Третья часть романа переносит нас на одно из полей сражений первой мировой войны.

Получив тяжелые ранения, молодые солдаты Григорий Шлыков и Василий Рослов,

беспомощные, валяются в грязной сырой траншее. Им чудом удается спастись, миновать плена.

Автор детально, будто с репортажной достоверностью, описывает их окопные солдатские будни, взаимоотношения с офицерами и однополчанами, изображает бой — взрыв моста, где Григорий и Василий отличились и были награждены отпуском в родные края.

В эту сюжетную канву вплетаются сценки, в которых показывается «состояние тыла», то есть жизнь, быт и настроение тех, кто не ушел воевать с германцем. Среди них не только женщины, старики и дети, но главным образом богатые заводчики, зажиточные казаки и разного рода их прислужники — Кирилл Дуранов, Кестер и другие. Пользуясь отсутствием мужиков, они творят над солдатками всяческие беззакония.

С особой симпатией автор создает образ Катерины Палкиной. Не желая жить с нелюбимым, она убегает из хутора, скрывается в городе, перебиваясь кое-какими заработками, с честью дожидается своего желанного Василия Рослова. Много разного лиха пришлось хлебнуть Катерине, прежде чем состоялась эта их встреча.

В романе показано, как большевики Данин, Петренко, Русаков, Сыромолотов постепенно пробуждают в сознании нерешительных мужиков классовое понимание, сбивая с них окалину равнодушия, трусости, социальной неграмотности.

Роман написан с хорошим знанием материала. Точен и прост язык многих его страниц. Привлекают ровный тон, наблюдательный взгляд автора, знание крестьянского труда, психологии земледельца. Автор хорошо владеет диалогом, чутко вслушивается в живую речь народа — частушка, пословица озвучивают многие страницы романа. Но, следует заметить, подчас персонажи так бойко и часто говорят пословицами, будто специально щеголяют знанием словаря В. Даля.

Идейно-тематический охват событий в романе широкий, но художественное их осмысление не всегда глубокое. Роману не хватает, на мой взгляд, достаточно цельной руководящей идеи, которая строго регламентировала бы автора, жестко организовывала бы сюжет и вообще весь материал.

Несколько прямолинейно выглядят любовные отношения между Василием и Катериной, хотя любовь и проходит испытания, но со временем не обогащается, не наполняется никаким иным содержанием.

Несмотря на некоторые просчеты, роман читается с интересом — как летопись народной жизни на одном из трудных этапов ее предреволюционного развития.

И. УХАНОВ

В. Еремин. На трудных перегонах. Литературно-критические статьи. М., 1984.

Книга Владимира Еремина «На трудных перегонах» посвящена исследованию творческих судеб известных советских писателей разных поколений: Александра Серафимовича, Павла Бажова, Дмитрия Фурманова, Андрея Платонова и Василия Федорова. Раз-

ные по творческой манере, эти писатели были близки друг другу идейными устремлениями. Мало кто знает, что А. Серафимович в юности был соратником старшего брата Ленина Александра Ульянова, казненного за покушение на царя. По этому делу Серафимович был исключен из Петербургского университета и отбывал ссылку в северных краях.

Его роман о гражданской войне «Железный поток», опубликованный в начале двадцатых годов, и поныне привлекает внимание читателей. Литературовед исследует и ранние произведения писателя — рассказы «На льдине», «В тундре», «На плотах», «У обрыва», повести «Пески» и роман «Город в степи». Александр Серафимович прожил долгую творческую жизнь. О его творчестве высоко отзывались Глеб Успенский, Лев Толстой.

Много интересного сообщает литературовед о неувядаемой бессмертной повести «Чапаев». В. Еремин прослеживает подступы к созданию этого великого произведения. Оказывается, Д. Фурманов опубликовал в провинциальной и центральной печати за годы гражданской войны более сотни очерков, публицистических статей и корреспонденций, прославляющих героические подвиги бойцов и командиров Красной Армии в схватках с белогвардейцами и интервентами.

В книгу Еремина вошла и опубликованная ранее отдельной книгой монография, посвященная творчеству талантливого советского поэта Василия Федорова. Книга «На трудных перегонах» дает новые штрихи, правдиво рисующие творческую жизнь советских писателей.

М. ШКЕРИН

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Сергей БОБКОВ, Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Александр ИГОШЕВ** (ответственный секретарь), **Борис ЛЕОНОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Валентин НОВИКОВ, Борис ОЛЕЙНИК, Петр ПРОСКУРИН, Владимир СЕМЕНОВ, Иван УХАНОВ, Владимир ФИРСОВ, Виктор ЯКОВЕНКО** (первый заместитель главного редактора).

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 28.02.86. Подп. в печ. 10.04.86. А07683.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 650 000 экз. Цена 80 коп. Зак. 53.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

РАДИОПРИЕМНИК

«СИГНАЛ-402»

имеет таймерное устройство, то есть работает в заданном режиме, действует точно и четко по выбранной программе. Например, утром, заменив будильник, он может разбудить хозяина и пригласить на зарядку.

Радиоприемник имеет внутреннюю магнитную антенну для приема передач в диапазонах длинных и средних волн. В нем предусмотрена возможность подключения антенны и головного телефона.

Спрашивайте «Сигнал-402» в магазинах, торгующих радиотоварами.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

Цена 80 коп. Индекс 70544 ISSN 0131—2251